ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ

ДРЕВНИХЪ

ПРОСВѢЩЕННЫХЪ НАРОДОВЪ

ОТЪ ОСНОВАНІЯ ЦАРСТВЪ

ДО

ЛѢТОСЧИСЛЕНІЯ ХРИСТІАНСКАГО.

Соч. И. Ертова.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Александра Смирдина.

1825.

Печатать позволено:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній.

Въ С. Петербургѣ, 31 Декабря 1824 года.

Цензоръ Александръ Бируковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТОЙ ЧАСТИ.

ОТДѢЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

Первое тріумвирство между Юліемъ Цесаремъ, Помпеемъ и Крассомъ, и второе между Октавіемъ, Антоніемъ и Лепидомъ, составленныя на похищеніе власти. Внутреннія смятенія, междоусобныя брани до единоначалія Октавія Августа. Произшествія 30 лѣтъ, отъ 59 до 29 года до Р. Х.

Главы. Стран.

ОТДѢЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

ПЕРВОЕ ТРІУМВИРСТВО МЕЖДУ ЮЛІЕМЪ ЦЕСАРЕМЪ, ПОМПЕЕМЪ И КРАССОМЪ, И ВТОРОЕ МЕЖДУ ОКТАВІЕМЪ, АНТОНІЕМЪ и ЛЕПИДОМЪ, СОСТАВЛЕННЫЯ НА ПОХИЩЕНІЕ ВЛАСТИ. ВНУТРЕННІЯ СМЯТЕНІЯ, МЕЖДОУСОБНЫЯ БРАНИ ДО ЕДИНОНАЧАЛІЯ ОКТАВІЯ АВГУСТА.

Произшествія 30 лѣтъ, отъ 59 до 29 года до Р. Х.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Консульство Юлія Цесаря. Изгнаніе и возвращеніе Цицерона. Удаленіе Катона. Дѣла Кипрскіе и Египетскіе. Покореніе Цесаремъ Галліи. Начертаніе раздѣла Римскихъ владѣній между тріумвирами. Произшествія 4 лѣтъ, отъ 59 до 55 года до Р. Х.

Первое Консульство Юлія Цесаря, какъ многіе предвидѣли, ознаменовано было явнымъ насиліемъ и ослабленіемъ власти Сенаторской. Цесарь началъ свое дѣло съ узаконенія о раздѣлѣ земель, отвергнутаго въ прошломъ годѣ. Онъ самъ, исправя сіе узаконеніе, предложилъ его въ Сенатѣ. Благоразуміе требовало отъ Сената согласится на узаконеніе, которымъ давались земли бѣднымъ Гражданамъ, имѣющимъ неменѣе троихъ дѣтей. Но Сенаторы, изъ одной ненависти къ Консулу, отвергнули предложеніе его, ненаходя другой причины къ опровerженію, кромѣ убыт-

ка въ казенныхъ доходахъ, которые получали отъ земель знатную прибыль. Катонъ, болѣе прочихъ противящійся узаконенію, вывелъ Цесаря изъ терпѣнія. Консулъ приказалъ прямо изъ Сената отвести Катона въ тюрьму. Такая наглость возбудила общій ропотъ. Многіе Сенаторы начали разходится, и когда Цесарь спросилъ у одного изъ нихъ, по имени Петреія: по чему онъ выходитъ изъ собранія, когда присудствіе еще некончилось? Петреій отвѣчалъ: я лучше соглашусь быть съ Катономъ въ тюрьмѣ, нежели съ тобою въ Сенатѣ. Цесарь, пораженный столь смѣлымъ отвѣтомъ, и зная, что Катонъ несогласится попросить его объ освобожденіи, подставилъ одного Трибуна, которой по власти своей выпустилъ изъ тюрьмы Сенатора.

Цесарь, неполучивъ утвержденія отъ Сенаторовъ, объявилъ, что онъ небудетъ болѣе относится къ сему сословію ни въ какихъ учрежденіяхъ, а долженъ уже во всѣхъ случаяхъ прибѣгать къ народному собранію, отъ котораго надѣется получить болѣе снизхожденія. И дѣйствительно вскорѣ послѣ того

онъ предложилъ узаконеніе свое народу, прибавя къ раздѣлу цѣлый уѣздъ Капуанскій, заключающій въ себѣ самыя лучшія земли. Небыло ни какого сомнѣнія, чтобъ народъ неподтвердилъ сего, относящагося къ пользамъ его узаконенія; такъ же непротиворѣчили тому и Тріумвиры потому, что въ число получаемыхъ сію награду включены были войски Помпеевы. Оставался только препятствіемъ Консулъ Бибулъ, товарищь Цесаревъ. Ни прозьбы, ни угрозы не могли склонить его къ подтвержденію узаконенія. Онъ упорно держался стороны Сената. Тогда Цесарь прибѣгнулъ къ хитрости и, обратясь къ Помпею и Крассу, спросилъ у нихъ предъ народомъ: согласныли они подтвердить узаконеніе? Помпей имѣлъ неосторожность сказать, что онъ мечемъ и щитомъ готовъ подтвердить узаконеніе. Народъ съ восторгомъ принялъ такую готовность его; но старые Сенаторы замѣтили, что неприлично столь великому лицу, въ нарушеніе закона, поднимать мечь на отечество свое, и съ сего времени Помпей лишился довѣрія у Сената.

Бибулъ съ Катономъ и съ нѣкоторыми другими Сенаторами все еще держались своего мнѣнія. Въ день рѣшительнаго собранія голосовъ, Помпей и товарищи его заставили всѣ проходы на площадь вооруженными людьми. Бибулъ, въ сопровожденіи Катона и Лукулла, прошелъ сквозь сію стражу. Но лишь только успѣлъ онъ выговорить противное мнѣніе, какъ поднялся въ народѣ ужасной ропотъ; чернь бросилась на Консула, переломала пуки у его ликторовъ, и самаго его стащила по лѣстницѣ. Цесарь спокойно смотрѣлъ на побои товарищу своему; но пріятели Бибуловы выхватили его изъ рукъ разъяренной черни, и унесли въ храмъ Юпитера Статора. Катонъ отдѣлался нѣсколько щастливѣе. По два раза приближался онъ къ собранію, и подва раза Цесаревы прислужники схватывали его и выносили съ площади. Цесарь, отдаливъ столь насильнымъ образомъ противниковъ своихъ, безъ труда собралъ голоса на узаконеніе.

На другой день Бибулъ принесъ жалобу Сенату на причиненное ему оскорбленіе отъ Консула и народа; но Сена-

торы, устрашенные насиліемъ Цесаря, несмѣли рта отворить въ пользу обиженнаго Консула. Послѣ сего Бибулъ заперся въ своемъ домѣ, и просидѣлъ около осьми мѣсяцовъ, во все остальное время консульства своего. Цесарь одинъ управлялъ дѣлами, посылая однакожъ за извѣстіе указы свои къ товарищу, а товарищь всякой разъ посылалъ прибивать на площадяхъ протесты свои, съ сильными укорами на самовластное правленіе Цесаря и Тріумвирства.

Цесарь, неудовольствуясь утвержденіемъ народнымъ узаконенія своего, принудилъ еще Сенаторовъ дать присягу въ томъ, что они небудутъ никогда вредить сему узаконенію; даже и кандидаты, готовящіися въ должности на будущій годъ, должны были присягнуть въ томъ же.

Цесарь, услуживши народу раздѣломъ земель, хотѣлъ также подслужится и къ всадникамъ, которые, имѣя на откупѣ казенные доходы въ завоеванныхъ областяхъ и, обобравъ бѣдныхъ жителей, все еще жаловались, что не-

могутъ собрать съ народа откупной суммы, и просили сдѣлать съ оной скидку. Въ прошлые годы прозьбы ихъ оставлялись безъ вниманія. Цесарь былъ сговорчивѣе. Онъ скинулъ всадникамъ съ откупной суммы третью долю. Но, или самовластное правленіе его и ненавистное всѣмъ тріумвирство, или же беспрестанно прибиваемые отъ заключеннаго въ домѣ своемъ Консула Бибула протесты и укоры сдѣлали то, что Цесарь не заслужилъ себѣ приверженности отъ всадниковъ. Самъ Помпей ежедневно приходилъ въ большую ненависть у народа. Доказательствомъ сему послужить можетъ представленіе одной трагедіи, въ которой Лицедѣй, намѣкая на Помпея, произнесъ стихъ: къ нещастію нашему ты сдѣлался великимъ. Зрители поняли смыслъ, заставили Лецедѣя нѣсколько разъ повторить стихъ сей, и въ продолженіе всей трагедіи принимали намѣки на Помпея съ громкимъ рукоплесканіемъ. Здѣсь чувство народное было язвительнѣе для Помпея, нежели въ подобномъ случаѣ для Сократа при представленіи Аристофановой комедіи. Тамъ легкомысленные Афиняне смѣялись надъ лю-

бомудріемъ, но здѣсь угнѣтенные Римляне явно проклинали Тирана.

Неудовольствіе вообще всѣхъ сословій на тріумвирство, заставило дальновиднаго Цесаря обезопасить себя на всѣ непредвидимые случаи. Онъ подтвердилъ всѣ узаконенія Помпеевы въ Азіи, и выдалъ за него дочь свою Юлію; а самъ женился на дочери Пизоновой, котораго Тріумвиры готовили на будущій годъ въ Консулы. Къ симъ семейнымъ связямъ присовокупилъ и другія, неменьше дѣйствительныя. Онъ взялъ себѣ въ управленіе Лигурію и Галлію съ четырмя Легіонами войска, вѣроятно въ томъ намѣреніи, чтобъ въ случаѣ надобности поддержать власть свою вооруженною рукою. Оставалось еще сбыть съ рукъ Цицерона и Катона, которые могли быть опасными непріятелями въ городѣ вовремя отсудствія Цесарева. Мѣры, принятые противъ Цицерона, столькожъ постыдны для Цесаря, какъ и другія его насилія. Онъ ввелъ распутнаго Клодія въ народные трибуны, и чрезъ сего нарушителя всѣхъ священныхъ и гражданскихъ законовъ, отдалъ Цицерона подъ судъ

за несоблюденіе законнаго порядка въ осужденіи сообщниковъ Катилининыхъ. Насиліе Цесаря и Клодія недопустило оправдаться Цицерону. Онъ изгнанъ изъ Италіи, домъ его срытъ, имѣніе конфисковано, и Клодій выстроилъ себѣ домъ на мѣстѣ Цицероновомъ. Но Катонъ болѣе затруднилъ и Клодія, и Цесаря. Къ нему не въ чемъ было придратся. Однакожь Клодій насильно отправилъ его въ должности Претора на островъ Кипръ, для сверженія съ престола Птоломея и пріобщенія сего острова къ Римскимъ владѣніямъ.

Причина, побудившая Клодія овладѣть симъ островомъ, была достойна его характера. За нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ бытность Лукулла въ Азіи, Клодій взятъ былъ морскими разбойниками, и попросилъ на выкупъ свой у Птоломея потребной суммы; но Птоломей, по скупости своей, прислалъ ему только два таланта. Разбойники не взяли столь малаго выкупа и, опасаясь мщенія Помпеева, начальствующаго тогда надъ морскими силами, согласились выпустить плѣнника своего даромъ. Клодій, какъ частное лице, неимѣлъ ни

какого права поставить свободнаго Государя въ обязанность помогать себѣ; но онъ, по образу мыслей всѣхъ порочныхъ людей, скупость Птоломееву принялъ себѣ за обиду и, сдѣлавшись Трибуномъ, вздумалъ отмстить ему отнятіемъ у него владѣнія. Поводомъ къ сему ненавистному поступку было дѣйствительное, или подложное завѣщаніе Птоломея Александра, посдѣдняго законнаго Государя изъ роду Лагидовъ, отказавшаго Египетское Царство свое въ наслѣдство Римлянамъ. Цесарь, вовремя едилитетства своего, добивался привести въ силу сіе завѣщаніе; но Сенатъ, почитая завѣщаніе сомнительнымъ и показывая себя безпристрастнымъ, невошелъ тогда въ права свои и допустилъ побочнымъ дѣтямъ Птоломея Лагира владѣть, одному Египтомъ, другому островомъ Кипромъ. Когда же Цесарь вступилъ въ Консульство, то Египетской Царь Птоломей Авлетъ, непочитая себя твердымъ на престолѣ, купилъ дружбу Цесаря, прославъ ему и Помпею въ подарокъ шесть тысячь талантовъ. Но братъ его Птоломей Кипрской Государь былъ скупъ, незахотѣлъ подѣлит-

ся съ Римскими вельможами, и потому Клодій, посилѣ завѣщанія, предложилъ согнать его съ престола, какъ незаконнаго Государя, и овладѣть его Царствомъ, признавая впрочемъ другаго брата его, Птоломея Египетскаго, законнымъ Государемъ и союзникомъ Римскому народу.

Катону, при порученіи сего довольно важнаго дѣла, недано было ни одного военнаго судна, и ни одного воина; а даны только одинъ Квесторъ съ двумя помощниками, изъ коихъ одинъ былъ корыстолюбецъ, а другой любимецъ Клодіевъ. Ему поручено еще было ввести Византійскихъ изгнанниковъ въ права свои въ томъ намѣреніи, чтобъ сими должностями удержать Катона на долгое время въ отсудствіи; но я часто замѣчалъ уже невѣрность разщетовъ человѣческихъ.

Птоломей, коль скоро увѣдомился о сдѣланномъ въ Римѣ опредѣленіи противъ его, то пришелъ въ совершенное отчаяніе. Ненадѣясь удержать владѣніе свое ни силою, ни прозьбами, вздумалъ утопиться въ морѣ со всѣми сокрови-

щами своими и, погрузя оныя на корабли, отправился въ предположенный путь. Но свойство корыстолюбивыхъ душь таково, что они скорѣе разстанутся съ жизнію, нежели съ деньгами. Птоломей пожалѣлъ бросить въ морѣ сокровища, незахотѣлъ и топиться безъ нихъ, а потому и привезъ все обратно на островъ.

Въ то самое время прибылъ къ нему посланной отъ Катона Канидій съ опредѣленіемъ, здать островъ Римлянамъ, а самому, естьли угодно, принять чинъ жреца въ храмѣ Венеры Пифійской. Птоломей несогласился на такое униженіе и, неожидая Катона, отравилъ себя ядомъ. Катону осталось только принять мѣры, чтобъ сокровища Царскія небыли расхищены и поступили бы въ казну во всей цѣлости. Бдительность его при семъ случаѣ привела въ неудовольствіе и самыхъ пріятелей его. Онъ, недовѣряя ни кому, сдѣлалъ самъ подробную опись всему имѣнію, внеся въ оную и самыя бездѣльныя вещи; потомъ, подъ своимъ же надзоромъ, разпродалъ все съ публичнаго торгу самыми высокими цѣнами,

и вырученныя деньги, до семи тысячь талантовъ, записалъ со всею подробностію въ приходныя книги, и доставилъ исправно въ общенародную казну.

Возстановленіе изгнанниковъ въ Византіи такъ же не задержало его. Сенатское опредѣленіе и собственное его правосудіе въ короткое время привели дѣла въ предписанной порядокъ, и Катонъ, по прошествіи одного года, прибылъ опять въ Римъ съ новою славою. Сенатъ и большая часть народа вышли къ нему на встрѣчу; но онъ несошелъ наберегъ и присталъ прямо къ тому мѣсту, гдѣ надлежало выгружать привезенную добычу. Сенаторы сначала обидились такимъ пренебреженіемъ къ нимъ, но уважая честность и прямодушіе его, почтили должностію Претора и на слѣдующій годъ, съ правомъ присудствовать на зрѣлищахъ въ тогѣ съ багряною опушкою. Катонъ отказался и отъ сей чести, нежелая быть отличенъ отъ прочихъ гражданъ такою наружностію; а выпросилъ только увольненіе одному надзирателю Кипрскаго Царя, котораго вѣрность и заслуги по казались ему достойными сей награды.

Но нетаковъ былъ Цицеронъ въ изгнаніи своемъ. Онъ небылъ Философъ но сложенію своему, любилъ тщеславится, любилъ величатся заслугами своими и, будучи подверженъ неблагодарности гражданъ, грустилъ и жаловался съ такимъ малодушіемъ, которое навсегда осталось пятномъ въ характерѣ его. Жалобы Цицерона тѣмъ болѣе непростительны, что не одинъ онъ, но весь Сенатъ и всѣ честные граждане угнѣтены были насиліемъ тріумвировъ и сообщниковъ ихъ; однакожь, несмотря на такое насиліе, большая часть Сенаторовъ явно держали сторону Цицеронову. Никто несогласился занять въ Сенатѣ мѣста его, которое оставалось празднымъ во все продолженіе ссылки. Кольже скоро обстоятельства нѣсколько перемѣнились, то Сенатъ первымъ долгомъ счелъ, требовать пересмотрѣнія вновь дѣла Цицеронова. Самъ Клодій невольнымъ образомъ послужилъ къ его возвращенію. Дерзость и притѣсненія сего трубуна были ненавистны всему городу; но онъ держался подъ защитою Тріумвировъ. Наконецъ, окруживъ себя гладіаторами и всею сволочью распутныхъ людей, онъ

вздумалъ презирать и самыхъ Тріумвировъ. Молодой Тигранъ, привезенный Помпеемъ и содержавшійся въ плѣну подъ надзоромъ Флавія пріятеля Помпеева, нашелъ средство подкупить Клодія для освобожденія себя изъ плѣна. Клодій отнялъ обманомъ у Флавія Царевича изъ подъ надзора, и отправилъ его на кораблѣ въ Азію. Къ нещастію Тиграна поднявшаяся буря прибила корабль обратно къ берегу. Клодій и Флавій послали каждый отъ себя привезти въ Римъ Царевича. Посланные съ каждой стороны, желая получить плѣнника, подрались между собою, и партія Клодіева осталась побѣдоносною.

Помпей обидился столь явнымъ къ нему пренебреженіемъ и, въ отмщеніе Клодію, оказалъ доброжелательство свое Цицерону. Цесарь такъ же, изъ уваженія къ Помпею, не захотѣлъ ему противорѣчить, къ чему обязанъ былъ и самымъ договоромъ. При слушаніи вновь дѣла Цицеронова большая часть Сенаторовъ была на его сторонѣ, и неоставалось ни какого сомнѣнія въ оправданіи его, естьли бы Клодій съ вооруженною шайкою своею небросился на

Консула и несдѣлалъ бы съ нимъ кровопролитнаго сраженія. Наглость Клодіева простерлась до того, что онъ вознамѣрился убить самаго Помпея; и принудилъ его запереться въ своемъ домѣ и быть готовымъ на всякой часъ къ вооруженной защитѣ.

При второмъ слушаніи дѣла Цицеронова при новыхъ Консулахъ, Клодій выпустилъ изъ тюрьмы всѣхъ головорѣзовъ и, присоединя къ нимъ Гладіаторовъ, произвелъ такое кровопролитіе, что берегъ Тибра и спуски завалены были трупами. Клодій нещадилъ даже Трибуновъ товарищей своихъ, несмотря на то, что особа ихъ была священна и неприкосновенна. Одинъ изъ нихъ, прибитый замертво во прошедшей дракѣ, вздумалъ для безопасности оградить себя стражею; прочіе товарищи послѣдовали его примѣру. Отъ сего вышли, между Клодіемъ и товарищами его противной стороны, почти ежедневныя стычки; особливо Милонъ, самый ревностный защитникъ дѣла Цицеронова, заставилъ наконецъ своею вооруженною силою замолчать Клодія или, по крайней мѣрѣ, удержаться отъ на-

глости. Опредѣленіе въ пользу Цицерона состоялось; всѣ чиноначальники и самый народъ, собранный для сего изъ всей Италіи, единодушно утвердили приговоръ. И цицеронъ, будучи одинъ годъ и четыре мѣсяца въ изгнаніи, торжественно возвратился въ отечество. Путешествіе его по Италіи подобно было великолѣпному Тріумфу. Отъ Брундузіи до Рима онъ ѣхалъ между двумя рядами любопытныхъ зрителей. Въ Римѣ встрѣченъ былъ съ такою же радостію, и въ удовлетвореніе понесенныхъ имъ убытковъ, за разрушенное у него въ городѣ и за городомъ имѣніе, выданы ему изъ казны деньги по оцѣнкѣ.

Цицеронъ неуспѣлъ еще осмотрѣться въ городѣ, какъ Клодій и напустилъ на него всю чернь просить себѣ хлѣба, въ которомъ оказывался въ Римѣ большей недостатокъ. Цицеронъ, въ отвращеніе сего и въ благодарность Помпею, предложилъ въ Сенатѣ, учредить подъ начальствомъ его коммисію для снабженія столицы и всѣхъ провинцій продовольствіемъ. Трибуны прибавили, чтобъ отдать подъ его же смотрѣніе и всѣ

казначейства съ правомъ брать вездѣ, гдѣ потребуються, армію и флоты подъ свое начальство; однимъ словомъ предлагали дать ему такую же не ограниченную власть, какъ и на пиратской войнѣ. Неизвѣстно, которое изъ сихъ предложеній принято, или изъ обоихъ составлено среднее; но видно, что на сей предметъ дана была Помпею сильная и, по существу дѣла, излишная власть, ибо многіе укоряли Цицерона за услужливость его Помпею. Впрочемъ распоряженія Помпеевы, къ закупкѣ въ разныхъ провинціяхъ хлѣба и къ доставленію онаго въ Римъ, снабдили въ скоромъ времени столицу изобиліемъ, и утишили на нѣкоторое время ропотъ народной.

Прибытіе въ Римъ Египетскаго Царя Птоломея Авлета подало новыя причины къ взаимнымъ спорамъ и ссорамъ. Сей Государь, какъ замѣчено уже, купилъ себѣ дружбу у Цесаря и Помпея за шесть тысячъ талантовъ; но долженъ былъ и еще тратить чрезвычайныя суммы на пріобрѣтеніе дружбы Сенаторовъ и другихъ чиновниковъ. Отъ сего впалъ въ неоплатные долги,

на заплату коихъ обремѣнилъ народъ тягостными налогами. Узнавъ же о Сенатскомъ опредѣленіи на брата своего Кипрскаго Царя испугался, чтобъ и ему неподвергнуться такой же участи тѣмъ болѣе, что неудовольствіе подданныхъ, при тягости налоговъ усугубленное еще распутствомъ при дворѣ, угрожало ему явнымъ возмущеніемъ. Въ семъ разстроенномъ положеніи вздумалъ онъ просить помощи у Римлянъ для наказанія своихъ подданныхъ. Убѣжавъ изъ Египта, присталъ дорогою къ острову Родосу въ то самое время, когда Катонъ готовился ѣхать въ Кипръ для пріобщенія сего острова къ Римскимъ владѣніямъ. Птоломей захотѣлъ повидатся съ Катономъ; но Римской преторъ, неимѣя ни какой надобности до Египетскаго Царя, несогласился идти къ нему, и даже у себя принялъ его, невставая съ мѣста. Такая гордость могла бы образумить Египетскаго Государя потому еще болѣе, когда Катонъ, выслушавъ намѣреніе Птоломея, сказалъ ему на отрѣзъ, что онъ безразсудно оставляетъ Царство свое и то состояніе, въ которомъ находится, и ѣдетъ толкаться въ переднихъ Рим-

скихъ вельможь и покупать покровительство у такихъ алчныхъ корыстолюбцевъ, которыхъ жадности цѣною всего Египта насытить неможно. Наконецъ Катонъ совѣтовалъ ему ѣхать обратно въ Египетъ и примириться съ своими подданными, въ чемъ обѣщалъ помочь съ своей стороны. Царь задумался, незналъ на что рѣшится; но придворные наклонили его къ первому намѣренію доказывая, что постыдно будетъ мириться съ подданными, заслужившими по словамъ ихъ жестокое наказаніе.

Птоломей, прибывъ въ Римъ, вскорѣ узналъ на опытѣ справедливость совѣтовъ Катоновыхъ. Къ жадности Римскихъ вельможь присовокупилось и другое зло, неменьше для него пагубное. Александрійцы, узнавъ о побѣгѣ Царя своего, возвели на престолъ Египетской старшую дочь его Веренику, а въ Римъ отправили пословъ для воспрепятствованія Птоломею въ предпріятіи его. Ему понадобилось въ одно время, и просить защиты у Римлянъ, и отражать жалобы на него отъ посольства. Но заботливость Римскихъ

корыстолюбцевъ при семъ случаѣ была еще болѣе, нежели самаго Птоломея. Многіе покушались получить себѣ должность возстановленія Птоломея на престолъ, какъ дѣло самое нажиточное, а естьли при помощи войскъ, то и славное. Самъ Помпей спорилъ въ семъ дѣлѣ съ Консуломъ Лентуломъ Спенсеромъ. Но противная сторона нашла средство уничтожить искательство Тріумвира. Объявили пророчество Сивиллино, по которому строго запрещалось употреблять войски на подобныя дѣла. Помпей сколько былъ ни силенъ, но непосмѣлъ однакожь противиться вѣрѣ народной, и допустилъ состояться Сенатскому опредѣленію, въ слѣдствіе котораго Птоломей, потерявъ въ Римѣ и время, и деньги, и честь свою, принужденъ былъ выѣхать изъ Италіи съ однимъ письмомъ отъ Помпея къ Габинію, правителю Сирійскому. Габиній за десять тысячь талантовъ пренебрегъ и святыню и Сенатское опредѣленіе, и съ помощію Іудейскихъ войскъ доставилъ Птоломею просимое имъ удовлетвореніе. Поступокъ Гибиніевъ сочтенъ въ Римѣ святотатствомъ. Всѣ требовали казни преступнику; но пре-

ступникъ находился подъ защитою Тріумвировь — и нещастный Цицеронъ, по приказанію Помпея, принужденъ былъ употребить красноръчіе свое на защиту Габинія, личнаго врага своего.

Ненависть вообще всѣхъ сословій къ Помпею, частые неудачи его въ предпріятіяхъ, а болѣе всего громкая слава, приобрѣтенная Цесаремъ въ Галліи, заставили честолюбиваго и завидливаго Помпея заботиться о средствахъ къ поддержанію себя на бывшей первой степени. Но Цесарь, при содѣйствіи самаго Помпея, поднялся уже на такую степень, съ которой невозможно было его свергнуть. Сей величайшій полководецъ древности, принявъ начальство въ Гилліи, выказалъ такія таланты, какихъ ни одинъ полководецъ неимѣлъ въ совокупности. Онъ вѣрными соображеніями, быстрыми переходами, искуствомъ въ переговорахъ и въ раздѣлѣ непріятелей, не устрашимостію въ сраженіяхъ и расторопностію въ начальствѣ, покорилъ въ восемъ или девять напольностей всю Галлію отъ Средиземнаго моря до Океяна; одержалъ великія и кровопролитныя

побѣды надъ сильными народами, ворвавшимися въ Галлію изъ Гелвеціи и Германіи, переплылъ Британской каналъ и покорилъ за онымъ часть Британіи. Въ продолженіе сихъ браней онъ взялъ до осьми сотъ городовъ или селеній, побилъ на сраженіяхъ до миліона непріятелей и столько же взялъ въ плѣнъ.

Такому множеству побитыхъ и плѣнныхъ непріятелей, и такому множеству сраженій подъ начальствомъ одного полководца небыло примѣра, и Римляне, лучше всѣхъ знавшіе военное искуство, справедливо признали Цесаря первымъ полководцемъ древности. Но Цесарь неменѣе того славенъ былъ и подругимъ дарованіямъ. Исключая страсти его къ самовластію, онъ первый, можно сказать, образовалъ то высочайшее и рѣдко выполняемое правило, презирать низкую месть, и милостію наказывать личныхъ враговъ своихъ. Въ искуствѣ же пріобрѣтенія власти ни кто лучше его неумѣлъ соображаться съ обстоятельствами, и приводить все къ одной цѣли. Корысти, отнятые имъ у покоренныхъ народовъ, послужили

ему къ пріобрѣтенію въ Римѣ сильной партіи. Консулы, Преторы, Трибуны и прочіе чиновники, равно какъ и самый народъ, пользовались щедрымъ его подаяніемъ. Сверьхъ того по окончаніи каждой напольности, располагая зимнія квартиры на границѣ Италіи, наблюдалъ въ близи расположеніе къ себѣ Римскаго привительства. Узнавъ же о холодности и зависти къ себѣ Помпея, и Красса, умѣлъ заставить ихъ способствовать еще болѣе къ собственному своему возвышенію. Онъ, по окончаніи третей напольности, пріѣхалъ подъ видомъ службы въ Лигурію, повидался съ Крассомъ въ Равеннѣ, а а съ Помпеемъ въ Луккахъ. Число прибывшихъ въ Лукку для свиданія съ Цесаремъ знатнѣйшихъ чиновниковъ было столь велико, что ликторовъ прибывшихъ съ ними, собралось до 120 человѣкъ.

Въ слѣдствіе свиданія Тріумвировъ положено было, чтобъ Помпею и Крассу на будущій, т. е. 55 годъ до Р. Х. вступить въ Консульство. Помпею взять въ управленіе на пять лѣтъ Испанію, а Крассу Сирію; Цесарю же

продлить еще начальство въ Галліи на столько же времени, сколько товарищи его будутъ управлять своими областями. Сей новый союзъ, подкрѣпленный всею Римскою арміею, переходящею подъ начальство Тріумвировъ, явно предвѣщалъ уже паденіе существующаго образа правленія. Незабытъ такъ же и Цицеронъ, которому по слабости характера его навязали самую непріятную должность, защищать дѣло Тріумвировъ. Онъ долженъ былъ по неволѣ играть постыдную ролю, прислуживаясь сначала къ Помпею изъ благодарности, а потомъ къ Цесарю и Крассу, можно сказать, по приказанію ихъ. Такое поведеніе доказываетъ, что Цицеронъ небылъ Философъ по сердцу, и далеко не могъ равняться съ Катономъ, котораго ни кто не смѣлъ просить о защитѣ неправаго дѣла.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Второе Консульство Помпея и Красса. Раздѣлъ Римскихъ владѣній между Тріумвирами. Походъ Крассовъ на Парфянъ и конецъ его жизни. Произшествія 3 лѣтъ, отъ 55 до 52 года до Р. Х.

Предположенное на Лукkскомъ совѣтѣ Консульство Тріумвировъ немогло совершиться безъ новыхъ смятеній и насилія, тѣмъ болѣе, что Консулы настоящаго года, Марцеллъ и Марцій, ревностно защищали сторону древняго образа правленія и недопустили бы на смѣну себя избрать не Консуловъ, но повелителей. Тріумвиры сіе предвидѣли и, переходя изъ одной несправедливости въ другую, подкупили одного Трибуна, которой, заведя ссору съ Консулами, проволочилъ срочное время на выборы. Годъ протекъ; выборы неначинались. Всѣ чиновники должны были по закону сложить съ себя должность, и оставить правительство безъ всякаго суда и расправы. Въ сіе время избирался обыкновенно изъ Патриціевъ междуЦарь на пять дней; но сей неимѣлъ еще права начать выборы, а должны оные

совершиться подъ предсѣдательствомъ преемника его.

Помпей и Крассъ сначала необъявили себя Кандидатами въ Консулы. Но когда Марцеллъ и Марцій выбыли изъ должности, тогда они, будучи подкрѣплены всею силою своею и присланными отъ Цесаря войсками, подали прозьбу наполученіе Консульства. Никто изъ кандидатовъ непосмѣлъ стать на ряду съ ними. Одинъ Домицій рѣшился оспаривать у нихъ право свое на Консульство. Въ день собранія, еще до разсвѣта, онъ пошелъ съ Катономъ на площадь; но на дорогѣ былъ остановленъ подосланными бездѣльниками. Идущій впереди слуга съ факеломъ былъ убитъ, а Катонъ пораненъ. Домицій, испугавшись, непринялъ совѣта Катонова, защищаться и воротился въ домъ свой. Помпей и Крассъ, избавясь сего совмѣстника, безъ труда получили себѣ Консульство.

Катонъ, видя правительство въ опасности отъ новыхъ Консуловъ, подалъ прозьбу о избраніи себя въ преторы. Консулы разсудили, что пре-

торство Катоново могло быть сильнымъ препятствіемъ въ ихъ замыслахъ, и потому рѣшились всѣми мѣрами удалить его отъ сей должности. Они согласили всѣхъ, кто подружбѣ или изъ опасности несмѣлъ выступить изъ ихъ повелѣнія, противиться сему избранію; роздали народу великія суммы на подкупку голосовъ и, обнадеживъ себя такимъ образомъ, приступили къ выборамъ. Но Консулы обманулись въ своей надеждѣ. Честность Катонова была столь велика, что всѣ граждане почитали за щастіе услужить ему своимъ согласіемъ въ такомъ дѣлѣ, которое предпринялъ онъ недля личныхъ своихъ выгодъ, но единственно на защиту законовъ. Первые Центуріи единодушно подали свои голоса въ пользу Катона. Встрѣвоженный Помпей прибѣгнулъ къ новой хитрости. Онъ объявилъ собранію, что ему послышался громовый ударъ. Ложь была очень примѣтна потому, что небо было чисто и незамѣчено ни какихъ признаковъ грозы; но по закону надлежало повѣрить словамъ Консула и прекратить собраніе.

На другой день Консулы усугубили

дѣятельность свою новыми прозьбами и деньгами; сверьхъ того обставили площадь вооруженными людьми. Послѣднее средство болѣе всего подѣйствовало. На мѣсто Катона избранъ былъ Випиній, презираемый за злодѣйства свои нетолько всѣми гражданами, но и самими Консулами; но былъ имъ полезенъ потому только, что готовъ былъ по приказанію ихъ отважиться на всякія преступленія.

Многіе граждане, продавшіе голоса свои, состыда и угрызенія совѣсти убѣжали съ площади. Катонъ, всегда хладнокровный и вѣрный правиламъ своимъ, вошелъ на Кафедру и предсказалъ оставшимся слушателямъ все зло, какого они ожидать должны отъ такихъ выборовъ. Народъ столпился вокругъ его и проводилъ до дому, сожалѣя о собственной своей участи-

Избраніе Едиловъ было еще безпокойнѣе. Нѣсколько человѣкъ убито подлѣ самаго Помпея, такъ, что кровь брызнула на его платье. Консулъ, непрекращая собранія, послалъ перемѣнить одежду. Юлія супруга его, будучи бере-

менною и увидѣвъ окровавленное платье, выкинула отъ испуга.

По окончаніи выборовъ Консулы приступили къ своему дѣлу. Они склонили одного Трибуна Требонія, предложить въ распредѣлъ имъ назначенныя при свиданіи съ Цесаремъ Провинціи, съ правомъ набирать войски, сколько потребуется, и объявлять миръ или войну, кому они заблаго разсудятъ. Катонъ опять подалъ голосъ противъ сего узаконенія, но былъ схваченъ и отнесенъ въ тюрьму, однакожь тотчасъ и выпущенъ. Трибунъ Галлъ, дѣйствовавшій за одно съ Катономъ, предвидя, что на другой день всѣ улицы на площадь будутъ заперты вооруженною силою и непропустятъ никого изъ защитниковъ правительства, остался ночевать по близости кафедры въ палатѣ Сенатскаго собранія. Требоній, увѣдомленный о семъ поступкѣ товарища своего, приставилъ къ дверямъ караулъ, и невыпустилъ его до того времени, доколѣ неразставлена была вооруженная команда ко всѣмъ проходамъ. Послѣ сего Галлъ, хотя покушался пробиться на Кафедру, но едва незаплатилъ за то сво-

ею жизнію. Такоежь насиліе господствовало и въ Сенатѣ. Когда Сенаторъ Анналій хотѣлъ говорить въ опровержение закона, Крассъ ударилъ его кулакомъ по лицу и разбилъ до крови. Сіе новаго рода доказательство заставило прочихъ Сенаторовъ замолчать и согласиться на узаконеніе.

По утвержденіи приговора Помпей самъ предложилъ, продлить Цесарю начальство въ Галліи еще на пять лѣтъ. Катонъ и здѣсь явился; но нетеряя безполезно рѣчей къ народу, обратился къ самому Помпею, предрѣкъ ему въ сильныхъ выраженіяхъ все зло, какое онъ готовитъ себѣ въ поддержаніи Цесаря; что долженъ будетъ пасть подъ тѣмъ бременемъ, которое теперь на себя налагаетъ, и что вспомнитъ тогда, но уже поздо, совѣты Катоновы, которой говоритъ для собственной его Помпеевой пользы, и пользы въ законахъ и справедливости. Помпей непринялъ благихъ совѣтовъ, и привелъ въ силу предложеніе свое.

Консулы, по крайней мѣрѣ для вида, желая выказать себя блюстителями за-

коновъ, издали нѣкоторыя узаконенія на роскошь, на безпорядки въ судахъ, а что всего удивительнѣе, на взятки и происки, забывъ, что сами были главнѣйшими участниками въ сихъ преступленіяхъ.

Помпей, желая увѣковѣчить имя свое и другими дѣлами, построилъ въ Римѣ каменной театръ такой огромности, что въ ономъ помѣщалось до 40 тысячь зрителей. Сколь обширенъ былъ сей театръ, не менѣе того ослѣпительны были и зрѣлища. Въ трагедіи Клитемнестры выведено было на сцену 600 лошаковъ, а на звѣринной бой представлено 500 львовъ и 18 слоновъ. Изъ сего можно судить, сколь дорого стоили представленія, и каковы были вкусъ и чувствительность въ зрителяхъ. Надобно еще припомнить, что казна неучаствовала въ сихъ чрезвычайныхъ издержкахъ. Помпей построилъ театръ, и давалъ разныя представленія въ удовольствіе народа своимъ коштомъ; говорятъ даже, что построеніе театра произведено было иждивеніемъ извѣстнаго уже Помпеева отпущенника Димитрія.

По удовлетвореніи народа зрѣлищами Консулы начали готовиться къ управленію ввѣренныхъ имъ областей, которыя и по жеребью достались имъ, какъ въ союзѣ съ Цесаремъ и въ узаконеніи Требонія было назначено. Помпей, по случаю предсѣдательства своего въ коммисіи о снабженіи города припасами, а болѣе того по личнымъ видамъ своимъ, остался въ Римѣ; а управленіе Испаніи поручилъ намѣстникамъ. Крассъ напротивъ того спѣшилъ своимъ отъѣздомъ. Воображеніе представляло ему въ Азіи золотыя горы, которыми онъ хотѣлъ набить кладовыя свои и безъ того уже излишно полныя. Онъ располагался идти по слѣдамъ величайшаго завоевателя Македонскаго. Азійскія провинціи казались малы для управленія его. Парфяне и богатство ихъ представлялись ему первою добычею; но главнѣйшая мысль устремлена была на покореніе Индіи, которая такъ же, какъ и прежде, почиталась тогда богатѣйшею землею на земномъ шарѣ. Въ сихъ мечтаніяхъ онъ спѣшилъ набирать войски. Двое Трибуновъ, подкрѣпленные совѣтами Катона и всеобщимъ неудовольствіемъ народа, хотѣли воспрепят-

ствовать наборамъ доказывая, что несправедливо будетъ объявить Парфянамъ войну, неимѣя къ тому ни какой законной причины. И когда Крассъ, съ свойственнымъ тогдашнему времени насиліемъ, отвергнулъ всѣ представленія и продолжалъ наборы, то одинъ Трибунъ проклялъ его по обряду вѣры своей. Сіе проклятіе сдѣлало сильное впечатлѣніе на войски, которые не надѣялись уже получить въ дѣлѣ хорошаго успѣха.

Помпей такъ же набиралъ войски. Но какъ ему ненастояло въ нихъ большей надобности, то онъ по прозьбѣ Цесаря ссудилъ его однимъ легіономъ съ полнымъ вооруженіемъ. Катонъ не упустулъ при семъ случаѣ жаловаться на тріумвировъ, доказывая, что Помпей, какъ частное лице, неимѣлъ ни какого права, безъ воли и согласія правительства, ссужать Цесаря казенными войсками. Но доказательсства его были неумѣстны въ насильномъ правленіи тріумвировъ.

Крассъ, по прибытіи въ Сирію, нисколько немѣшкавъ перешелъ за Ефратъ,

началъ громить Парфянскія земли и побралъ нѣсколько городовъ Греческаго населенія. Парфяне, находясь въ дружескихъ сношеніяхъ съ Римлянами, неожидали насебя нападенія, неприготовились къ защитѣ и даже незнали о походѣ Красса въ ихъ владѣнія. Въ такой расплохъ Консулъ могъ бы дойти до Селевкіи, богатѣйшей столицы Сирійскихъ Царей, покоренной Парфянами; но онъ, по невѣрнымъ соображеніямъ своимъ, воротился на зиму въ Сирію, оставя въ покоренныхъ городахъ слабыя горнизоны. Зимою ограбилъ храмъ Іерусалимской и многіе города въ своей провинціи. Относительно жадности Крассовой къ богатству замѣчаютъ, что онъ объявилъ наборъ войскъ для будущей напольности и, вмѣсто поставки людей натурою, бралъ деньгами, сколько съ кого взять было можно.

На другой годъ состояніе дѣлъ перемѣнилось. Парфяне приготовились къ сильному отпору; но опасаясь мужества Римлянъ, прислали къ Крассу пословъ съ мирными предложеніями. Консулъ, обнадеженный въ своемъ щастіи, гордо обошелся съ послами. Онъ пре-

небрегъ такъ же совѣтомъ прибывшаго къ нему Арменскаго Царя Артабаза, которой приглашалъ пройти чрезъ его владѣнія въ Парфянскую землю, и обѣщалъ снабдить армію всѣмъ нужнымъ продовольствіемъ. Крассъ напротивъ добраго совѣта пошелъ въ Месопотамію, въ которой оставлены были въ прошлую напольность гарнизоны. Тамъ далъ онъ себя обмануть Едесскому Царю, которой завелъ Римскую армію въ песчаныя степи. Арменской Царь, наблюдая движенія Крассовы, прислалъ ему сказать, что онъ обманутъ и преданъ Парфянскому полководцу Суренѣ. Крассъ неповѣрилъ извѣстію и почелъ самаго Артабаза измѣнникомъ. Между тѣмъ армія зашла въ степь. Сурена явился предъ нею, и далъ необыкновенное для Римлянъ сраженіе. Подражая Скифамъ, предкамъ своимъ, онъ поражалъ Римлянъ стрѣлами, недопуская ихъ въ близи дѣйствовать оружіемъ. Когдаже Римляне наступали, Парфяне разсыпались врознь и, избѣжавъ опасности настоящаго сраженія, опять собирались пускать свои стрѣлы.

Молодой Крассъ съ отрядомъ кон-

ницы вздумалъ пуститься въ погоню за непріятелемъ. Парфяне притворнымъ бѣгствомъ отдалили его отъ главной арміи, потомъ окруживъ истребили почти всѣхъ своими стрѣлами. Самъ начальникъ съ главными чиновниками сами себя лишили жизни, дабы непопасться живыми въ руки непріятелей. Парфяне, воткнувъ голову молодаго Красса на копье, обнесли ее вокругъ Римскаго стана, давая знать отцу о нещастной кончинѣ сына его. Къ ночи Парфяне по обыкновенію своему удалились, давши знать, что они предоставляютъ сію ночь Крассу на оплакиваніе сына; а наутро возвратятся для конечнаго пораженія Римлянъ, естьли они добровольно неположатъ оружія.

Ужасъ и смятеніе въ Римскомъ станѣ превзошли всякую вѣроятность. Крассъ совершенно потерялъ разсудокъ, и недѣлалъ ни какихъ распоряженій къ спасенію арміи; воины такъ же, вспомня проклятіе Трибуна и неблагопріятныя предвѣщанія въ Римѣ, опустили руки. Они нестарались ни погребать мертвыхъ, ни пользовать больныхъ, ни готовиться къ защитѣ. Всѣ

проклинали только и оплакивали свою нещастную участь. Въ семъ отчаянномъ положенiи Октавiй и Кассiй, подначальники Крассовы, собрали военной совѣтъ, на которомъ положено немѣшкавъ отступить къ Сирiи, и того же вечера выступили изъ стана, оставя на мѣстѣ всѣхъ больныхъ и раненыхъ, немогшихъ слѣдовать за армiею. Одинъ конной отрядъ, изъ трехъ сотъ всадниковъ, ушелъ впередъ и, проходя въ полночь мимо города Карръ, занятаго Римлянами, далъ знать часовымъ, что у Красса съ Парфянами было жестокое сраженiе и, неостанавливаясь, прошелъ мимо города. Комендантъ Копонiй, судя по неясному извѣщенiю и ночному бѣгству сего отряда, почелъ, что Римляне неимѣли въ дѣлѣ успѣха, и потому, вооружа свой гарнизонъ, пошелъ на встрѣчу и впустилъ нещастную армiю въ городъ.

На разсвѣтѣ Парфяне пришли къ оставленному Римлянами стану, побили въ ономъ около четырехъ тысячь больныхъ и раненыхъ, да по дорогѣ, кромѣ отставшихъ отъ армiи по малому числу, истребили въ одномъ мѣстѣ за-

блудившіяся ночью четыре когорты, около двухъ тысячь человѣкъ. Сурена, подступя къ городу и узнавъ, что Крассъ съ остаткомъ арміи заперся въ ономъ, потребовалъ выдачи его и Кассія, обѣщая прочимъ дать свободный пропускъ. Ясно, что такое предложеніе немогло быть принято, и Крассъ принужденъ былъ тойже ночи совсѣми войсками уйти изъ города. Къ довершенію нещастія онъ ввѣрился проводнику предателю, которой, увѣдомя напередъ Сурену, завелъ Римскую армію въ непроходимыя болота. Кассій прежде всѣхъ примѣтилъ измѣну и съ пятью стами конницы воротился въ Карры, взялъ другихъ проводниковъ и другою дорогою прибылъ благополучно въ Сирію. Въ слѣдъ затѣмъ и Октавій, замѣтя предательство Андромахово, вышелъ съ пятью тысячами воиновъ на безопасное мѣсто. Крассъ съ главною арміею остался въ болотахъ. На утро Парфяне настигли его. Октавій, отошедъ недалеко на одинъ пригорокъ и увидя начальника своего въ опасности, принужденъ былъ воротиться. Сурена, неотваживаясь на сраженіе, прибѣгнулъ опять къ хитрости. Онъ пропустилъ

слухъ, что Царь его желаетъ примириться съ Римлянами; потомъ, прекратя непріятельскія дѣйствія, подъѣхалъ самъ къ Римлянамъ, и просилъ Красса выѣхать къ нему для свиданія и переговоровъ.

Крассъ, нѣсколько разъ уже обманутый, примѣтилъ при семъ случаѣ Парфянскую хитрость и, объявя о томъ своей арміи, просилъ ее потерпѣть еще до ночи, указывая въ близи на горы, въ которыхъ Римляне найдутъ себѣ безопасное убѣжище отъ поисковъ Парфянской конницы. Но войски, потерявъ довѣріе къ неосторожному начальнику, явно взбунтовались противъ его. Крассъ, изтощивъ всѣ убѣжденія свои и видя наконецъ армію вышедшею изъ повиновенія, рѣшился пожертвовать своею жизнію. Обратясь къ Октавію и къ другимъ начальникамъ, сказалъ имъ: вы видите необходимость, приневолившую меня слѣдовать желанію арміи. Естьли будете щасливѣе меня, то неговорите, что я преданъ своими войсками; объявите лучше, что обманутъ непріятелями.

Октавій несогласился отпустить начальника одного, и пошелъ провожать его съ небольшею свитою. Сурена выѣхалъ на встрѣчу, преложилъ Крассу написать договоръ, и приказалъ подвезти ему свою лошадь, чтобъ вмѣстѣ ѣхать къ протекающей неподалеку рѣчкѣ. Крассъ на все согласился, и только успѣлъ сѣсть на лошадь, Парфяне и погнали ее въ намѣреніи увезти Красса живаго. Октавій, примѣтя обманъ, схватилъ лошадь за узду; прочіе чиновники окружили своего начальника. Наконецъ ссора превратилась въ драку. Октавій былъ проколотъ копьемъ. Крассъ началъ защищаться. Одинъ Римлянинъ замѣтя, что Крассу небыло желанія живымъ отдаться въ руки непріятелю, убилъ его. Впрочемъ нѣтъ вѣрныхъ извѣстій о смерти сего Римскаго начальника, ибо небольшая свита его вмѣстѣ съ нимъ изрублена, а которые спаслись, тѣ убѣжали при самомъ началѣ ссоры.

Армія, предавшая главнокомандующаго своего, небыла щастливѣе. Сурена окружилъ ее, и такъ же обманулъ своими обѣщаніями, совѣтуя сойти съ при-

горка и продолжать безопасно путь свой. Многіе повѣрили, и заплатили за-то или жизнію, или плѣномъ своимъ. Другіе такъ же, разсѣявшіяся небольшими отрядами безъ начальника, были переловлены и побиты. Такимъ образомъ вся армія, собранная на покореніе Индіи, погибла невозвратно; а вмѣстѣ съ начальникомъ ея погибли въ Римѣ и остатки древняго образа правленія.

Крассъ, несмотря на алчность свою къ богатству и малое военное искуство, по сильному вліянію своему на правительство, былъ посредникомъ между Помпеемъ и Цесаремъ, и могъ дѣлать сильный перевѣсъ на любой сторонѣ; однакожь былъ столько благоразуменъ, что несклонился ни на ту, ни на другую сторону, и держалъ товарищей своихъ въ равновѣсіи. Когдаже нестало его, тогда нестало и узды на двухъ честолюбцевъ, и Цесарь въ ту самую минуту могъ уже поздравить себя господиномъ надъ Помпеемъ. Къ довершенію же разрыва между сими двумя честолюбцами послужило и то, что Помпей около того же времени лишился Юліи супруги своей, дочери Це-

саревой, отъ которой неосталось дѣтей, а потому пресѣклись между ими и родственныя связи. Но прежде, нежели приступимъ къ причинамъ разрыва дружбы и междоусобной брани, нужно бросить взоръ на внутреннія произшествія въ Римѣ.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Внутреннія произшествія и смятенія въ Римѣ, до начала вражды между Цесаремъ и Помпеемъ.

Въ исторіи человѣка находимъ ясное доказательство, что когда нравы повреждаются и личная корысть управляетъ поведеніемъ судей и гражданъ, тогда законы неимѣютъ силы, а происки и насилія дѣлаются почти всеобщими въ народѣ. Но Римляне довели сіе зло до высочайшей степени, и здѣлали изъ подачи голосовъ и утвержденія приговоровъ особую промышленность. Надобно было тратить въ Римѣ чиновникамъ и народу страшныя суммы, чтобъ получить выгодное мѣсто въ провинціяхъ въ той надеждѣ, чтобъ дол-

жностію съ лихвою вознаградить сей убытокъ. Такіе правители, какъ нерѣдко случалось, немогли быть пріятны подвластнымъ начальству ихъ народамъ, и вынуждали на себя въ Римѣ многія жалобы и завистниковъ. Новые искатели тѣми же способами сгоняли ихъ съ мѣстъ и предавали жадности Римскихъ судей и народа. Надобно было вновь тратить награбленныя въ провинціяхъ деньги на оправданіе свое. Такіе издержки, при выборахъ къ должностямъ и на оправданіе при смѣнѣ, составляли почти главной источникъ пропитанія бѣдныхъ, непривыкшихъ къ рукодѣлію гражданъ, и потому, кто больше давалъ имъ, тотъ часто избѣгалъ строгости законовъ и заслуженнаго наказанія.

Нѣсколько дѣлъ, случившихся въ Римѣ, и образъ выборовъ покажутъ намъ вѣрную картину тогдашняго правленія и судопроизводства. Не говоря о Габиніѣ, которой ускользнулъ отъ наказанія за возстановленіе на Египетской престолъ Птоломея Авлета въ противность Сенатскаго и народнаго опредѣленія, судимы были и другіе правители областей.

Происки, искательство и подкупъ народныхъ голосовъ были обыкновенными средствами къ оправданію. Катонъ, во время преторства своего въ 54 годѣ до Р. Х. возсталъ всею твердостію своею на сіи безпорядки, и склонилъ Сенаторовъ издать указъ, по которому кандидаты, просящіе должностей, обязаны были давать отчетъ въ поведеніи своемъ и въ средствахъ, употребляемыхъ ими къ достиженію должностей. Сей указъ непонравился какъ кандидатамъ, такъ и самому народу, привыкшему продавать голоса свои и тѣмъ кормиться. Чернь приняла Катона ругательствомъ и каменьями. Но онъ, продравшись на кафедру, возстановилъ порядокъ одною своею твердостію. Сенаторы хвалили его за такую рѣшительность. А я васъ не хвалю, сказалъ Катонъ съ обыкновеннымъ хладнокровіемъ, что вы оставили Претора безъ всякой защиты въ минуту опасности.

Уваженіе къ честности Катона было столь велико, что кандидаты, искавшіе трибунства, заключили между собою договоръ, по которому обязались неприбѣгать ни къ какимъ проискамъ

при выборахъ съ такимъ условіемъ, что естьли кто нарушитъ сіе, тотъ долженъ заплатить прочимъ товарищамъ пѣни большую сумму, и избрали Катона быть посредникомъ и судіею между ими. Завистники по сему случаю кричали, что Катонъ сильнѣе законовъ, и похищаетъ власть у Сената и народа.

Но не такъ поступили кандидаты, искавшіе Консульства. Они заняли на покупку голосовъ чрезвычайныя суммы такъ, что проценты отъ сего займа вдругъ удвоились. Однакоже беспрестанныя смятенія и домогательство Помпея къ полученію дикпаторства были причиною, что выборъ Консуловъ непослѣдовалъ въ урочное время, и около шести мѣсяцовъ продолжалось междуцарствіе. Помпей, всегда притворный въ поведеніи своемъ, показывалъ видъ, что онъ отказывается отъ диктаторства, которое впрочемъ и предлагаемо ему небыло. Катонъ употребилъ въ пользу правительства сіе притворство, и благодарилъ Помпея всенародно за такое его расположеніе. Послѣ сего Пом-

пей оставилъ искательство свое и допустилъ избрать Консуловъ.

Въ томъ же годѣ Фавоній, подражатель Катоновъ безъ дарованій его, избранъ былъ Едиломъ. И какъ народныя зрѣлища входили въ главнѣйшую обязанность Едилитетства, то Фавоній упросилъ Катона быть за него распорядителемъ и предсѣдателемъ народныхъ зрѣлищь. Катонъ исправилъ сію должность съ простотою древнихъ времянъ. Онъ отмѣнилъ всю пышность, требующую великаго иждивенія. Вмѣсто золотыхъ вѣнцовъ выдалъ лицедѣямъ и музыкантамъ вѣнки оливковые, какъ водилось на олимпійскихъ играхъ; а вмѣсто денежныхъ наградъ одѣлилъ Грековъ зеленью и плодами, а Римлянъ виномъ и масломъ. Расточители чужаго имущества называли за сіе Катона скупцомъ и скрягою; однакожь, за всемъ тѣмъ, игры сіи полюбились народу по доброму порядку и по предсѣдательству Катонову.

На другой годъ тѣже происки возобновились при избраніи Консуловъ. Кандидаты, неудовольствуясь покупкою

голосовъ, вооружили каждой гладіаторовъ и рабовъ своихъ, и ежедневно давали между собою кровопролитныя сраженія. Въ числѣ кандидатовъ находился Милонъ, извѣстный противоборникъ Клодіевъ. Онъ продалъ самыя лучшія три вотчины на покупку голосовъ и напредставленіе народу зрѣлищь. Такая щедрость и сильная защита большей части лучшихъ гражданъ и Сенаторовъ, державшихъ его сторону, подавали ему несомнѣнную надежду въ успѣхѣ. Но Помпей явно недоброжелательствовалъ Милону, имѣя всегда въ виду свое диктаторство; а Клодій, непримиримый врагъ, употребилъ всѣ свойственныя ему наглости противъ Милона. Въ сихъ смятеніяхъ дѣло опять дошло до междуцарствія. Между тѣмъ надобно было Милону по долгу службы отлучиться изъ Рима. Онъ выѣхалъ съ супругою своею за обыкновеннымъ вооруженнымъ прикрытіемъ. Клодій въ тотъ же день выѣхалъ изъ Рима по своей надобности, такъ же съ вооруженною командою, и съѣхался на дорогѣ съ Милономъ. Дворни ихъ, привыкнувшіе въ городѣ драться при каждой встрѣчѣ, и здѣсь завели ссору. Клодій

вмѣшался въ ихъ дѣло, и былъ тяжело раненъ гладіаторомъ Милоновымъ. Его отнесли въ ближнюю гостинницу. Милонъ, ѣхавши впереди, неимѣлъ участія въ дракѣ; но узнавъ, что Клодій тяжело раненъ и предвидя изъ того непріятныя для себя послѣдствія, рѣшился на всегда избавиться отъ непримиримаго врага своего. Онъ приказалъ служителямъ своимъ, окружить гостинницу и убить въ ней Клодія. По совершеніи сего злодѣянія поѣхалъ впередъ своею дорогою, однакожъ, нежелая подвергнуть по закону рабовъ своихъ жестокому наказанію, отпустилъ ихъ на волю.

Случилось, что одинъ Сенаторъ въ тотъ же день ѣхалъ изъ деревни въ Римъ по той же дорогѣ. Онъ поднялъ тѣло Клодіево и, привезя съ собою, отдалъ супругѣ его Фулвіи, женщинѣ въ бѣшенствѣ, гордости и въ другихъ порокахъ неуступавшей супругу своему. Чернь, преданная Клодію и два Трибуна, враги Милоновы, подняли въ Римѣ ужасное смятеніе. Они выставили тѣло Клодіево на кафедру, потомъ перенесли его въ Гостилліеву палату, мѣ-

сто собранія Сената и суда, и тамъ, изъ креселъ, лавокъ и столовъ судейскихъ составя срубъ, сожгли на ономъ тѣло убитаго Трибуна. Отъ сруба загорѣлась палата, а вмѣстѣ съ оною сгорѣли и многіе обывательскіе домы. Зажигатели, схвативъ изъ пламени непотухшіе головни, бросились зажечь еще и домъ Милоновъ, но были отбиты сильною вооруженною дворнею.

Сіе произшествіе послужило въ пользу Милона. Защитники Клодія учинились сами преступниками въ сожженіи палаты Сенаторской. При томъ же Цицеронъ и другіе искусные правовѣдцы дали дѣлу такой оборотъ, что Милонъ, ѣхавши впереди въ коляскѣ съ супругою своею, принужденъ былъ только защищаться отъ наскакавшей на него верхами команды Клодіевой. Слѣдовательно Клодій, какъ первый начинщикъ драки, самъ былъ причиною своей смерти. Другіе простерли защиту еще далѣе, почитая Милона достойнымъ благодарности за избавленіе правительства отъ самаго наглаго, безпокойнаго и возмутительнаго гражданина.

*

Милонъ, наблюдая произшествія въ Римѣ, возвратился въ сіе время въ городъ. Оставшіися два кандидата на Консульство опасаясь, чтобъ Милонъ неизбѣжалъ отъ суда, и несталъ бы наряду съ ними добиваться въ Консулы, спѣшили выборами. Избранный въ между Царя Лепидъ не въ правѣ былъ по закону въ продолженіе своихъ пяти дней созвать народнаго собранія, а долженъ былъ предоставить сіе наступившему по себѣ преемнику. Но кандидаты насильно требовали народнаго собранія. Они окружили командами своими домъ Лепидовъ, выломали ворота, ворвались въ покои, изломали мебели, и самъ Лепидъ неизбѣжалъ бы смерти, естьлибъ неподоспѣла къ нему на помощь команда Милонова и необратила бы на себя сраженія.

Безначаліе и смятенія въ Римѣ по дѣлу Клодіеву продолжались два мѣсяца. Помпей нестарался прекратить оныхъ для личныхъ своихъ видовъ. Партія Цесарева такъ же вмѣшалась во внутренніе раздоры, и хотѣла, чтобъ Цесаря заочно выбрали Консуломъ. Въ столь смутныхъ обстоятельствахъ Сенатъ

незналъ, на что рѣшиться, опасаясь равно власти какъ Цесаревой, такъ и Помпеевой. Наконецъ Бибулъ, бывшій за семъ лѣтъ вмѣстѣ съ Цесаремъ Консуломъ, предложилъ почтить одного Помпея Консульскимъ достоинствомъ, дабы привлечь его тѣмъ къ сторонѣ Сената; или же, когда должно уже пасть древнему правленію, то симъ выборомъ достанется оное въ руки нестоль дерзкаго, каковъ былъ Цесарь, гражданина. Сенаторы удивились, услышавъ отъ Бибула такія рѣчи потому, что онъ былъ врагомъ Помпею. Удивленіе сіе еще болѣе увеличилось, когда услышали, что и Катонъ присталъ къ мнѣнію Бибулову, доказывая, что лучше сдѣлать довѣріе Помпею, нежели оставаться въ совершенномъ безначаліи. Два, столь сильные и безпристрастные голоса безъ труда согласили и весь Сенатъ на свою сторону.

Въ слѣдствіе сего Помпей избранъ былъ въ 51 годѣ до Р. Х. одинъ въ Консулы, чему небывало еще примѣра. Такое отличіе польстило самолюбію его тѣмъ болѣе, что онъ получилъ сію честь безъ всякаго искательства по

общему желанію Сената и согласію народа. Съ сего времени Помпей присталъ къ сторонѣ Сената, и былъ вѣренъ сему сословію до самой смерти своей.

Помпей въ сіе третіе Консульство предложилъ Сенату, издать нѣсколько полезныхъ узаконеній, особливо на сокращеніе производства тяжебныхъ дѣлъ. Онъ укротилъ внутренніе безпорядки, и началъ приводить въ силу законы. Дѣло Милоново и противниковъ его получило законное теченіе безъ всякихъ наглостей и насилія. Учреждена была особая коммисія изъ судей самыхъ добросовѣстныхъ. Цицеронъ взялся защищать подсудимаго. Но сей краснорѣчивый писатель невсегда былъ хорошимъ ораторомъ. Онъ оробѣлъ при судоговореніи, и произнесъ въ оправданіе Милона рѣчь свою совсемъ не въ томъ видѣ, какъ послѣ исправилъ ее. Впрочемъ не одна робость оратора, но болѣе недоброжелательство Помпея къ Милону и собственная его гордость были причиною, что его осудили на изгнаніе. Когда онъ удалился въ Марсель, Цицеронъ исправилъ между тѣмъ рѣчь свою и послалъ списокъ съ оной

къ осужденному. Милонъ, по благодаря Цицерона за сію присылку, отвѣчалъ, что естьли бы ораторъ произнесъ рѣчь сію въ судѣ до рѣшенія дѣла, то лишилъ бы его удовольствія кушать сладкую рѣпу въ Марсели.

Помпей, на послѣдніе два мѣсяца, принялъ себѣ въ товарищи новаго тестя своего Метелла, которой, нежелая остаться на короткое время Консульства своего въ бездѣйствіи, возстановилъ давно уже заброшенную цензуру съ тою только разницею, что отнялъ у цензоровъ право лишать гражданъ добраго имени безъ слѣдствія и суда.

Цесарь, всегда наблюдающій происшествія въ Римѣ, старался въ сей годъ чрезъ пріятелей своихъ исходатайствовать у Помпея узаконеніе, по которому онъ могъ бы заочно просить себѣ Консульства. Всѣ видѣли, къ чему клонилось намѣреніе Цесарево, особливо Катонъ сильно негодовалъ на такую отмѣну закона; однакожь Помпей имѣлъ слабость, въ угожденіе Цесарю, подписать опредѣленіе на будущія свои

бѣдствія. По сему закону Цесарь имѣлъ право, неразпуская своихъ десяти легіоновъ, вступить въ Консулы; а получивъ первое мѣсто въ правительствѣ, и имѣя подъ начальствомъ своимъ столь страшную и преданную себѣ армію, могъ дать Риму всякой образъ правленія, какой пожелаетъ. Помпей и самъ предвидѣлъ опасность, но неимѣлъ благоразумія отклонить дальновидныхъ намѣреній Цесаревыхъ.

Подъ конецъ года, когда наступило время приступить къ выборамъ новыхъ Консуловъ, Катонъ представился въ кандидаты. Не изъ личной какой либо выгоды, но единственно для спасенія погибающаго отечества, онъ взялся за сіе дѣло. Онъ видѣлъ, что вся власть перешла въ двои руки, къ Помпею и Цесарю. Дружба ихъ была опасна, а вражда еще опаснѣе. Въ первомъ случаѣ они могли попирать всѣ законы и правительство, а въ послѣднемъ междоусобною войною рѣками пролить кровь человѣческую. Катонъ намѣренъ былъ своею твердостію изторгнуть власть изъ рукъ обоихъ незаконно похитившихъ властолюбцевъ, и отдать

оную по закону Сенату и народу. Ничего немогло быть справедливѣе сего намѣренія. Но средства, употребленныя Катономъ къ полученію себѣ Консульства, были не по времени очень безпристрастны. Катонъ, почитая Сенатъ и народъ властію законодательною, требовалъ себѣ Консульства, неунижая сей власти ни искательствомъ, ни прозьбою. Но Римляне того времени неумѣли держать себя на сей степени. Катонъ ненравился народу за искоренение безчестнаго промысла торговать голосами, а при семъ случаѣ непонравился еще болѣе за то, что отнявши у народа прибыточной промыселъ, непочтилъ его даже и ласкою своею. Такая честность, или уваженіе къ законамъ, сочтено грубостію, и Катону предпочтены другіе кандидаты Сульпицій и Марцелъ.

По сему отказу примѣтно открывается характеръ Катоновъ. Неговоря о томъ малодушіи, какому подвержены бываютъ въ такомъ случаѣ слабыя души, Катонъ ни сколько неогорчился симъ отказомъ, и весь остатокъ дня прогуливался съ пріятелями своими на площади.

Разговаривая о прошедшихъ выборахъ онъ сказалъ, что никогда небудетъ больше просить себѣ Консульства. Цицеронъ возразилъ, что несправедливо по излишней строгости правилъ оставлять правительство въ такое время, когда нужна ему помощь; и упрѣкнулъ Катона, по чему онъ небылъ столько же строгъ въ правилахъ своихъ при искательствѣ преторскаго чина, ибо получивъ однажды подобный отказъ, неостановился просить преторства и въ другой разъ? Катонъ отвѣчалъ, что первый отказъ въ преторствѣ былъ незаконной по тому, что большая часть народа была подкуплена Помпеемъ, а другая силою приневолена; на противъ того въ Консульствѣ отказано ему по доброй волѣ народа безъ всякаго насилія. Слѣдовательно неправосудно будетъ просить того въ другой разъ, въ чемъ законнымъ порядкомъ было уже отказано.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Начало вражды между Цесаремъ и правительствомъ. Междоусобная война до потери Помпеемъ Фарсальскаго сраженія. Произшествія двухъ лѣтъ, отъ 51 до 49 года до Р. Х.

Помпей въ третіе Консульство свое, приставши къ Сенату и видя себя на первой степени и въ отличномъ уваженіи отъ знатнаго сословія, неимѣлъ уже надобности въ союзѣ съ Цесаремъ для поддержанія могущества своего Онъ казалось достигъ цѣли желаній своихъ, и могъ утѣшаться тою мыслію, что вошелъ на первую степень средствами гораздо справедливѣйшими, нежели какія употреблялъ въ союзѣ въ Тріумвирами. Однакожь первое зло, имъ сдѣланное, не могло оставаться безъ важныхъ послѣдствій. Бывши предателемъ отечества и членомъ злоумышленнаго союза, онъ немогъ такъ легко отдѣлаться отъ товарищей своихъ, и хотя смертію Красса прекращалось тріумвирство, тѣмъ хуже было для Цесаря, оставаться одному изъ виновныхъ подъ строгостію закона. Къ

тому же властолюбіе Цесаря было столь велико, что онъ немогъ принудить себя къ состоянію частнаго человѣка и жить подъ властію закона. Надобно было имѣть дарованія Цесаря, чтобы отнять у него средства вредить законному правленію; но сихъ дарованій небыло ни въ Помпеѣ, ни въ прочихъ лицахъ, имѣющихъ силу въ правленіи. Собственныя ихъ ошибки подали Цесарю благовидный предлогъ, дать дѣлу своему видъ законной защиты, и вынудили его на междоусобную брань и на низпроверженіе бывшаго образа правленія. Мѣры, принятыя правительствомъ на ослабленіе власти Цасаревой, ясно доказываютъ сію замѣченную многими историками истину.

По истеченіи Консульства Помпеева вступили на его мѣсто Сульпицій и Марцелъ. Послѣдній имѣлъ всю ревность ненавидѣть поступки Цесаря, неимѣя дарованій удержать его въ предѣлахъ законнаго поведенія. Онъ предложилъ Сенату, отозвать Цесаря изъ Галліи прежде опредѣленнаго срока и уничтожить опредѣленіе, дозволявшее ему заочно просить Консульство. То

и другое право даны были Цесарю законнымъ порядкомъ; слѣдовательно уничтожать ихъ, кромѣ личной обиды Цесарю, значило ослаблять довѣріе и къ самымъ законамъ, Сульпицій и два Трибуна отвергнули сіе предложеніе, первый изъ уваженія къ законамъ, а послѣдніе по личнымъ связямъ съ Цесаремъ.

Въ другомъ случаѣ Марцелъ поступилъ еще неблагоразумнѣе. Онъ отнялъ у жителей Комійскихъ пожалованное Цесаремъ право гражданства и, наказавъ тѣлесно знатнѣйшихъ изъ того города, отослалъ ихъ къ Цесарю показать свои спины. Такія обиды заставили Цесаря обратить все вниманіе свое на правительство и на правителей. И какъ на другой годъ вступилъ въ Консульство Клавдій Марцелъ, двоюродный братъ Консулу настоящаго года, одинакихъ съ симъ правилъ, то Цесарь подкупилъ товарища его Емилія Павла и народнаго Трибуна Куріона, противиться дѣйствіямъ Марцелловымъ. Разсказываютъ, что сія покупка Консула стоила Цесарю девяноста тысячь, а Трибуна до полутора миліона рублей. Марцелъ возобновилъ, подъ другимъ

только видомъ, опредѣленіе брата своего относительно Галліи. Товарищь его Павелъ, въ слѣдствіе соглашенія своего съ Цесаремъ, молчалъ; а Куріонъ возразилъ, что вмѣстѣ съ отнятіемъ у Цесаря Галліи, должно отнять такъ же и у Помпея Испанію, дабы правительство могло оставаться отъ властолюбія сихъ безпокойныхъ гражданъ въ совершенной безопасности, и даже предложилъ немедленно отрѣшить обоихъ отъ начальства, а въ случаѣ непослушанія признать ихъ врагами отечеству.

Помпей, дѣйствуя скрытно въ предложеніи обоихъ Марцелловъ, неожидалъ на себя столь явнаго нападенія, и призналъ тогда ошибку свою, что возвратилъ Трибунамъ отнятые Силлою у нихъ права. Вскорѣ потомъ, подъ видомъ нападенія Парфянъ на Сирію, предложено взять у Помпея и у Цесаря по одному легіону для отправленія въ Азію. Помпей безпрекословно отдалъ свой легіонъ, которымъ ссудилъ Цесаря для Галліи; слѣдовательно Цесарю вдругъ надлежало отпустить отъ себя два легіона. Онъ скрылъ досаду въ сердцѣ и, нежелая еще казаться ослушникомъ за-

кона, выполнилъ по Сенатскому опредѣленію. Между тѣмъ видя ясно, къ чему клонятся такія опредѣленія, удвоилъ бдительность свою на произшествія въ Римѣ. Для сего началъ управлять Галліею кроткими мѣрами, дабы необремѣнить себя военными дѣлами, и переѣхалъ въ Предалпійскую Галлію, чтобъ вблизи наблюдать произшествія. Онъ даже, подъ видомъ увольненія въ отпускъ, посылалъ многихъ чиновниковъ и рядовыхъ изъ своей арміи въ Римъ, для исправленія собственныхъ его надобностей. При семъ разсказываютъ, что одинъ Центуріонъ изъ числа сихъ уволенныхъ въ отпускъ, стоявши у дверей Сената, слушалъ разсужденія о дѣлѣ Цесаревомъ; и когда услышалъ противное пользамъ начальника своего мнѣніе, то ухватясь за рукоятку меча своего сказалъ: сей дастъ ему то, въ чемъ Сенатъ отказываетъ.

Между тѣмъ Цесарь узналъ, что взятые отъ него легіоны подъ видомъ отправленія въ Азію, оставлены въ Италіи подъ начальствомъ Помпея. Сіе похоже было на приготовленіе къ войнѣ. Цесарь жаловался Сенату, объявя

согласно мнѣнія Куріонова, что онъ готовъ распустить свои войски, только чтобъ и другіе полководцы тоже сдѣлали. Сія жалоба прочтена въ полномъ собраніи Сената, и когда потребовалось объявить каждому свое мнѣніе, то многіе были согласны послать къ Цесарю преемника; на противъ того Помпею оставляли начальство въ Испаніи. Куріонъ, вѣрный защитникъ Цесаревъ, вдругъ смѣшалъ все дѣло, объявя Сенату, что должно объясниться: желаетъ ли Сенатъ обоихъ и Помпея, и Цесаря отрѣшить отъ начальства? Многіе пристали къ сему мнѣнію. Консулъ видя, что дѣло пошло не по его желанію, тотчасъ прекратилъ собраніе говоря, что ненужно спорить въ то время, когда десять легіоновъ готовятся вступить въ Италію, и когда правительство имѣетъ нужду въ защитникахъ на отраженіе непріятеля. Потомъ, въ сопровожденіи назначенныхъ на будущій годъ Консуловъ, идетъ къ Помпею и, вручая ему мечь, предлагаетъ употребить оный на защиту правительства противъ Цесаря, съ правомъ начальства надъ войсками, въ Италіи находящимися.

Помпей принялъ предложеніе съ обыкновенною своею оговоркою, и готовился набирать воиски. Куріонъ хотѣлъ тому воспрепятствовать; но видя, что усилія его будутъ безполезны, и опасаясь, чтобъ по прошествіи истекающаго срока службы его неподвергнуться какой либо личной опасности, убѣжалъ къ Цесарю, совѣтуя ему силою оружія поддержать свое дѣло.

Цесарь, желая найти благовидный предлогъ къ защитѣ, поднялъ на Помпея и на Сенатъ новаго Трибуна Марка Антонія, бывшаго Квестора своего въ Галліи. Сей, по вступленіи въ должность, предложилъ, чтобъ отнятые у Цесаря два легіона отправить немедленно въ Сирію на мѣсто своего назначенія, и запретить Помпею набирать войски. Цесарь, между тѣмъ, производилъ переговоры съ правительствомъ. Онъ соглашался оставить Галлію и отпустить войски, удерживая за собою только Лигурію съ однимъ легіономъ. Но какъ внутренно ни Помпей, ни Цесарь не расположены были къ миру, то переговоры сіи остались безъ успѣха.

Новые Консулы на 49 годъ до Р. Х. Клавдій Марцелъ и Корнелій Лентулъ, исходатайствовали у Сената опредѣленіе, чтобъ Цесарю, неожидая истеченія срока, распустить свои войски. Антоній и Кассій, трибуны стороны Цесаревой, протестовали противъ сего опредѣленія. Но на нихъ издано другое опредѣленіе, гораздо жесточайшее, и употребляемое только въ случаѣ великой опасности правительству. Трибуны, неожидая бѣдственныхъ для себя послѣдствій отъ сего опредѣленія, убѣжали ночью къ Цесарю. Сей побѣгъ подалъ Цесарю новый предлогъ, защитить права народныхъ Трибуновъ. Онъ собралъ бывшій при немъ одинъ легіонъ, объявилъ причиненную народу обиду въ лице Трибуновъ или депутатовъ, доказывая, что и самъ Силла неотнялъ у нихъ права противорѣчить Сенатскимъ опредѣленіямъ.

Небыло сомнѣнія, чтобъ такая рѣчь непонравилась войску. Всѣ объявили желаніе, защитить права свои и любимаго ими начальника. Цесарь, воспользуясь первою горячностію воиновъ, тотчасъ отправилъ ихъ подъ начальствомъ

сына Гортенсіева на границу Италіи; такъ же разослалъ приказы легіоннымъ Командирамъ, выступить изъ Галліи; а самъ, оставшись въ городѣ, далъ въ тотъ вечеръ богатой ужинъ градоправителямъ и военнымъ чиновникамъ. Подъ конецъ стола, извинясь болѣзнію, или нечаянною нуждою, оставилъ гостей за столомъ; а самъ тойже ночи уѣхалъ къ отправленному впередъ легіону, и настигъ его на границѣ управляемой имъ области при рѣчкѣ Рубиконѣ.

Здѣсь воображеніе представило Цесарю всю опасность чрезвычайнаго предпріятія. Перейти за рѣку, безъ позволенія правительства, значило преступить за законъ, и выказать себя явно врагомъ отечеству; значило, поднять междоусобную брань во всѣхъ частяхъ извѣстнаго тогда свѣта. Цесарь задумался и, обратясь къ окружавшимъ его чиновникамъ, сказалъ: еще мы можемъ воротиться. Но естьли перейдемъ за рѣку, то сколько зла причинимъ своему отечеству? Потомъ, помолчавъ нѣсколько и возвыся голосъ, сказалъ: жребіи брошенъ! пойдемъ куда благость боговъ и злоба враговъ насъ призыва-

етъ (*). Съ послѣднимъ словомъ занесъ ногу въ рѣку, а за нимъ послѣдовала и вся небольшая армія его.

Переправясь за Рубиконъ, тотчасъ пошелъ къ первому городу Римини, которымъ и овладѣлъ безъ сопротивленія. Здѣсь показалъ онъ воинамъ своимъ бѣглыхъ Трибуновъ Антонія и Кассія въ невольническомъ платье, и тѣмъ поджегъ еще большую ревность къ своему дѣлу.

Сіе первое предпріятіе задумано было Цесаремъ еще въ Равеннѣ. Но онъ скрылъ свое намѣреніе даже отъ самыхъ ближнихъ друзей своихъ опасаясь, чтобъ непронеслись слухи до Рима о малочисленности арміи его. Скрытность сія получила желаемое дѣйствіе. Нечаянное вступленіе его въ Италію и взятіе Римини проивело въ Римѣ такой ужасъ, что ни кто невоображалъ и

(*) Разсказываютъ, что поводомъ къ послѣднимъ словамъ было показавшееся Цесарю исполинскаго роста привидѣніе, которое, затрубивъ походный маршъ, перешло чрезъ рѣку.

даже неповѣрилъ бы, что Цесарь, только съ десятью когортами, отважился выступить на порабощеніе отечества и на завоеваніе свѣта. Самъ Помпей оказалъ при семъ случаѣ недостойное великаго человѣка малодушіе, и незаслуживалъ, нерѣшительностію и беспечностію своею, того порученія, какое правительство возложило на него. Сильные упрѣки совсѣхъ сторонъ посыпались на него градомъ, особливо Катонъ, предсказавши ясно всѣ послѣдствія дружбы съ Цесаремь, укорялъ Помпея, что онъ непринялъ его совѣтовъ и не взялъ вовремя надлежащей предосторожности. За всемъ тѣмъ, тотъ же Катонъ совѣтовалъ вручить Помпею полную власть на спасеніе отечества.

По сему совѣту состоялось Сенатское опредѣленіе. И Помпей, принявъ неограниченную власть, далъ приказъ Сенаторамъ и всѣмъ гражданамъ, приверженнымъ къ правительству, выдти изъ города, доказывая примѣромъ фимистокловымъ, что Римъ въ строеніяхъ несоставляетъ отечества. Всѣ видѣли неосновательность такихъ доводовъ, хотя незнали настоящаго состо-

янія дѣлъ. И дѣйствительно, нельзя позволить Помпею, сдѣлать такое неприличное сравненіе. Ѳемистоклъ съ горстію Аѳинянъ убѣжалъ на корабли отъ миліоннаго Персидскаго ополченія; Помпей на противъ того, оставя многолюднѣйшій и укрѣпленный городъ, убѣжалъ отъ одного легіона Цесарева. Смятеніе было столь велико, что всѣ дороги стѣснены были взадъ и впередъ бѣгущими. Одни, устрашенные именемъ Цесаря, бѣжали совсѣмъ семействомъ и пожитками въ Римъ искать себѣ спасенія; другіе спѣшили изъ города въ слѣдъ за главнокомандующимъ. Самые консулы и прочіе чиновники неуспѣли, второпяхъ, совершить нужнаго по обряду жертвоприношенія, и выбѣжали изъ города.

Впрочемъ нельзя сказать, чтобъ Помпей при семъ случаѣ потерялъ совершенно разсудокъ. Онъ зналъ, что народъ преданъ былъ Цесарю, и многіе изъ чиновниковъ и молодыхъ людей держали его сторону, а потому и ненадѣялся въ городѣ на сильную защиту. Бѣгство же его, безъ всякаго насилія, раздѣлило гражданъ на двѣ стороны.

Преданные Цесарю остались въ городѣ, а преверженные къ настоящему правленію вышли за Помпеемъ. Большая часть Сенаторовъ приняли сторону послѣдняго. Одинъ Катонъ небылъ преданъ ни той, ни другой сторонѣ, почитая ихъ равно законопротивными; однакожь рѣшился слѣдовать за Помпеемъ въ томъ намѣреніи, естьли онъ останеться побѣдителемъ, тогда удалиться въ изгнаніе; въ противномъ случаѣ, лишить себя жизни на развалиннхъ погибшаго правленія.

Помпей удалился въ Кампанію къ стоявшимъ тамъ двумъ легіонамъ, вытребованнымъ отъ Цесаря для Сиріи; но какъ не возможно было полагаться на вѣрность сихъ легіоновъ, то Помпей произвелъ новые наборы въ Италіи, и далъ приказы правителямъ областей, набрать сильную армію на востокѣ, гдѣ преданность къ нему была несомнительна. Лабіенъ, первый намѣстникъ Цесаревъ въ Галліи, перешелъ на сторону Помпея, и тѣмъ подкрѣпилъ его надежду. Но Цицеронъ оставался въ нерѣшимости, выжидая послѣдствій, которая сторона останеться побѣдоно-

снoю. Такое расположеніе его доказало любовь къ самому себѣ, и малое усердіе къ дѣлу правительства; ибо безъ дальнихъ соображеній было видно, что справедливость, хотя неполная, была на сторонѣ Помпеевой.

Цесарь, беспрестанно подаваясь впередъ, овладѣлъ многими городами, и наконецъ осадилъ Корфиній, въ которомъ Домицій Агенобарбъ, начначенный въ Галлію на смѣну Цесаря, засѣлъ съ 30 когортами, сомногими Сенаторами и знатнѣйшими гражданами. Цесарь приступилъ къ городу съ меньшимъ числомъ войска, нежели сколько состояло въ городѣ. Но Домицій неумѣлъ воспользоваться минутою Цесаревой слабости, и далъ время прибыть къ нему вспомогательнымъ войскамъ изъ Галліи, которыя по приказанію Цесаря раскинули шатры свои на другой сторонѣ города, и такимъ образомъ заперли Домиція со всѣхъ сторонъ. Помпей неосмѣлился подать ему помощи. Впрочемъ 30 когортъ и крѣпкой городъ, въ распоряженіи другаго начальника, могли бы дать Цесарю много занятія. Но Домицій, надменный въ щастіи и малодушный въ

опасности, совершенно лишился бодрости, и намѣренъ былъ съ знатнѣйшими чиновниками тайно убѣжать изъ города. Предпріятіе его узнано, и войски, вообще съ жителями, согласились предателя своего руками отдать Цесарю. Посланный отъ нихъ нарочный съ симъ предложеніемъ прибылъ въ станъ около вечера, и потому Цесарь, отложивъ дѣло до утра, удвоилъ только на ночь караулы вокругъ города. Около полуночи Лентулъ Спенсеръ явился въ станъ къ Цесарю, просить себѣ пощады. Домицій же, посильнымъ нападкамъ на Цесаря въ прошедшіе годы неожидая себѣ ни какой милости, приказалъ подать ядъ и, принявъ его, легъ въ постелю въ надеждѣ никогда непросыпаться.

Цесарь принялъ Лентула съ свойственнымъ ему великодушіемъ и, сдѣлавъ легкой упрѣкъ на причиненныя обиды ему и партіи его, отпустилъ обратно съ такимъ увѣреніемъ, что мщеніе за личныя обиды чуждо его сердцу. Обрадованный Лентулъ бѣжитъ къ Домицію и, разбудивъ его, разсказываетъ о свиданіи съ Цесаремъ, и о ве-

ликодушіи его. Домицій разкаялся, что поторопился отравить себя и началъ плакать; но врачь утѣшилъ его объявя, что вмѣсто отравы онъ подалъ усыпительной напитокъ.

Наутро явились къ Цесарю Сенаторы, трибуны военные и всадникиа кромѣ Лентула, Домиція и нѣкоторыхъ другихъ чиновниковъ. Цесарь объявилъ свободу всѣмъ разъѣхаться, кто куда пожелаетъ, и даже невзялъ ни съ кого обѣщанія, недѣйствовать противъ его. Онъ сдѣлалъ еще болѣе. Нетолько невоспользовался ничьемъ имуществомъ, но позволилъ Домицію взять съ собою и казенныя деньги, выданныя ему отъ Помпея нароздачу войску жалованья. Домицій отправился сначала въ Марсель, а потомъ вмѣстѣ съ Лентуломъ убѣжали къ Помпею, и дѣйствовали противъ благодѣтеля своего съ большею еще ненавистію. Цесарь нетолько необидился такимъ неблагодарнымъ поступкомъ, но еще хвалился, что нанаходилъ людей, подобныхъ себѣ въ великодушіи.

Цесарь, простоявъ недѣлю подъ

Корфиніемъ и собравъ подъ свое начальство, съ прибывшими изъ Галліи, шесть легіоновъ, пошелъ преслѣдовать Помпея и загналъ его въ Брундузій, приморской городъ на конецъ южной Италіи. Помпей, неотваживаясь на сраженіе, убѣжалъ въ Грецію, оставя Цесаря обладателемъ всей Италіи. Цесарь, по неимѣнію судовъ, немогъ далѣе преслѣдовать непріятеля своего; притомъ, имѣя въ тылу сильную армію въ Испаніи подъ начальствомъ намѣстниковъ Помпеевыхъ, рѣшился напередъ овладѣть Испаніею, а потомъ уже раздѣлаться съ Помпеемъ. Въ семъ намѣреніи спѣшилъ распорядиться Италійскими дѣлами; приказалъ приморскимъ городамъ строить суда и отправлять въ Брундузій; Валерія отправилъ въ Сардинію, Куріона въ Сицилію овладѣть сими островами, доставляющими Риму главнѣйшее продовольствіе; а самъ взялъ направленіе къ Риму. Дорогою заѣхалъ къ Цицерону и предложилъ ему, слѣдовать за собою.

Цицеронъ все еще думалъ и отклонилъ предложеніе, а послѣ, когда услышалъ о первой неудачѣ Цесаревой въ Испаніи, присталъ къ Помпею. Катонъ

нехвалилъ Цицерона за такую двуличность и за то, что отказался отъ приглашенія Цесарева, доказывая ему основательно, что въ случаѣ неудачи Помпеевой, Цицеронъ могъ бы служить посредникомъ къ примиренію обоихъ сторонъ. Здѣсь ясно открывается, что Катонъ въ дѣлахъ государственныхъ былъ разсудительнѣе Цицерона, которой нерѣшимостію своею охолодилъ расположеніе къ себѣ и Цесаря и Помпея, и присталъ наконецъ къ невыгодной партіи, неподавъ ей присудствіемъ своимъ ни какой помощи.

Катонъ управлялъ Сициліею и набиралъ войски для Помпея въ то время, когда Куріонъ отправилъ Азинія Полліона съ отрядомъ войскъ на сей островъ. Катонъ спросилъ, по чьему приказу вступилъ Полліонъ вооруженною ногою въ его провинцію, и узнавъ въ отвѣтѣ о состояніи дѣлъ Италійскихъ и бѣгствѣ Помпея, незахотѣлъ открыть междоусобной войны во ввѣренной ему провинціи. Онъ склонилъ Сиракузянъ покориться Цесарю, а самъ удалился въ станъ Помпеевъ. Валерій такъ же лишь только показался въ Сардиніи, то

жители Калліари выгнали Котту, намѣстника Помпеева, и приняли Валерія. Прочіе города послѣдовали сему же примѣру. Котта убѣжалъ въ Африку.

Цесарь послѣ свиданія съ Цицерономъ явился предъ Римомъ не въ лице побѣдителя, но въ родѣ повинующагося законамъ чиновника. Онъ собралъ небольшее число разбѣжавшихся Сенаторовъ, принесъ имъ жалобу на обиды, причиненныя ему отъ противной стороны, и предложилъ имъ вступить въ отправленіе дѣлъ, присовокупя къ тому, что естьли они страшатся чего нибудь, то онъ неотказывается возложить на себя все бремя правленія. Но видно Сенаторы непоняли, или нехотѣли понять, что Цесарь желаетъ быть избранъ Диктаторомъ, и потому онъ, оставя намѣреніе свое до другаго времени, произнесъ въ такомъ же смыслѣ рѣчь къ народу, обѣщая пещись о продовольствіи города и обнадеживая всѣхъ денежными наградами. Сія рѣчь, хотя нѣсколько успокоила жителей и заставила ихъ переодѣться въ мирное платье, однако же лютости Силлы и Марія невыходили у всѣхъ изъ па-

мяти и содержали народъ въ безпокойствѣ и сомнѣніи.

Намѣреніе Цесарево, получить добровольнымъ согласіемъ подтвержденіе предпріятіямъ своимъ, такъже неимѣло успѣха. Трибуны противной стороны останавливали его на каждомъ шагѣ, и когда Цесарь захотѣлъ взять общенародную казну, Трибунъ Метеллъ недопустилъ его. Цесарь, выведенный изъ терпѣнія, доказалъ Трибуну, какъ настоящій побѣдитель, безразсудное его упорство и угрожалъ смертію сказавъ, что для него труднѣе сіе выговорить, нежели выполнить на дѣлѣ. Трибунъ оробѣлъ и отступилъ; но другіе объявили, что они неимѣютъ ключей, и что въ казначействѣ хранятся заповѣдныя суммы, отложенныя на войну въ случаѣ нашествія Галловъ. Цесарь отвѣчалъ, что его трудами Галлы приведены въ такое состояніе, что нѣтъ уже надобности хранить казну на отраженіе ихъ. Потомъ, разломавъ двери, вывезъ изъ Казначейства все золото и серебро, котораго щитали 25 тысячь полосъ золота, 35 тысячь полосъ серебра и 40 миліоновъ сестерцій ходячею монетою.

Предъ походомъ въ Испанію, Цесарь опредѣлилъ начальниковъ въ Римъ и въ прочіе города и провинціи. Лепида, бывшаго тогда преторомъ, а въ послѣдствіи Тріумвиромъ, оставилъ главнокомандующимъ въ Римѣ; Марку Антонію поручилъ Италію, брату его Лигурію, Крассу Галлію; Долабеллу и сына Гортенсіева опредѣлилъ начальниками во флотѣ. Куріонъ и Валерій, какъ замѣчено выше, посланы были въ Сицилію и Сардинію, изъ коихъ первому приказано переѣхать и въ Африку. Аристовулъ, бывшій Царь Іудейской, выпущенъ изъ плѣна и посланъ въ отечество свое, предпринять движеніе въ пользу Цесаря.

Учредивъ такимъ образомъ управленіе Италіи и провинцій, отправился въ Испанію. Надорогѣ стояла Марсель, преданная сторонѣ Помпевой. Домиціи Агенобарбъ, освобожденный Цесаремъ въ Корфиніи, принятъ былъ Марсельцами для защиты ихъ города. Цесарь неразсудилъ оставить на пути столь важнаго и крѣпкаго города въ рукахъ непріятельскихъ и, располагаясь взять его приступомъ, вырубилъ свя-

щенный лѣсъ для построенія осадныхъ орудій, и оставя при осадѣ Требонія, самъ прошелъ въ Испанію, въ которой Афраній, Петрей и Варронъ, намѣстники Помпеевы, имѣли семъ легіоновъ строевыхъ войскъ, кромѣ Испанскаго ополченія.

Афраній и Петрей, съ ратью болѣе 60 тысячь, встрѣтили Цесаря недалеко отъ Лериды. Первое сраженіе невыгодно было для Цесаря потому, что образъ Испанской войны, сражаться россыпью, убѣгать и опять нападать, кому какъ удасться, былъ новъ для Цесаревыхъ воиновъ, привыкшихъ стоять твердо въ рядахъ и небѣгать по одиначкѣ отъ непріятеля. Къ первой неудачѣ отъ сраженія присовокупилось другое нещастіе отъ разлитія рѣки, отнявшей у Цесаря продовольствіе; а въ слѣдствіе того и другаго разнеслись слухи, что дѣло Цесарево потеряно въ Испаніи, отъ чего многіе Сенаторы, остававшіися въ нерѣшимости, въ томъ числѣ и Цицеронъ, пристали къ сторонѣ Помпея. Но Цесарь, изворотливый во всякомъ случаѣ, и силою необыкновеннаго ума своего умѣющій преодо-

левать всякія препятствія, построилъ нѣсколько обтянутыхъ кожею лодокъ, перевезъ оные на лошадяхъ за 30 верстъ къ верху отъ стана и, переправя на оныхъ ночью сильной отрядъ, успѣлъ укрѣпиться на другомъ берегу прежде, нежели непріятели узнали о сей переправѣ. Вскорѣ потомъ навелъ мостъ, и посредствомъ онаго снабдилъ армію свою нужнымъ продовольствіемъ. Афраній и Петрей сами нашлись въ томъ же положеніи, въ какомъ за нѣсколько дней находился Цесарь, которой прибывшею изъ Галліи сильною конницею отрѣзалъ у нихъ всѣ запасы Союзники ихъ начали одинъ за другимъ приставать къ Цесарю. Неоставалось возможности держаться долѣе на томъ же мѣстѣ; надобно было переправиться за рѣку Ебро и отступить въ Целтиберію.

Цесарь, нежелая выпустить изъ рукъ добычу свою и видя, что обходъ по мосту, построенному за 28 верстъ отъ стана, изнуритъ его армію, и пуститъ непріятеля на цѣлый день впередъ, рѣшился перейти въ бродъ рѣку Сикаръ или Сегуру. Для сего вырылъ

глубокой ровъ и, пропустя въ оной рѣку, уменьшилъ нѣсколько глубину ея; потомъ, разставя по рѣкѣ въ два ряда конницу, провелъ по срединѣ въ бродъ свою пѣхоту. Непріятель приготовился къ сраженію, но Цесарь, по усталости воиновъ своихъ, отказался отъ онаго; надругой день непріятель началъ отступать; Цесарь пошелъ по слѣдамъ его. Впереди лежали горы, въ которыхъ нетрудно было укрѣпиться непріятелю; но начальники неумѣли воспользоваться предстоящимъ средствомъ къ спасенію своему. Они, опасаясь засады и ночнаго отступленія, остановились переночевать на дорогѣ. Цесарь, между тѣмъ, послалъ часть арміи своей впередъ, обойти непріятеля окольными дорогами. Поутру намѣстники Помпеевы увидѣли себя окруженными и съзади и спереди. Небыло ни какой возможности пробиться впередъ. Истребленіе всей арміи зависѣло отъ воли Цесаря. Воины и подкомандующіе его просили битвы. Но Цесарь, всегда въ такихъ случаяхъ великодушный, нехотѣлъ рубить согражданъ своихъ. Онъ надѣялся безъ бою овладѣть всею арміею. Въ семъ намѣреніи далъ непріятелямъ спокойно

войти въ станъ своей, а самъ расположился поодаль.

На другой день осажденные начальники, расположась прокопать ровъ для пропуску воды, занялись надзоромъ за сею работою; воины же Цесаревы нашли случай въ то время завести разговоръ съ своими земляками и согражданами. Послѣдніе благодарили за пощаду прошедшаго дня и спрашивали, можноли положиться на великодушіе Цесаря, и небудетъ ли какой обиды начальникамъ ихъ. Когда же увѣрились въ милости побѣдителя, тотчасъ объявили разговоръ прочимъ товарищамъ своимъ и младшимъ начальникамъ. Дѣло приняло родъ перемирія и взаимнаго посѣщенія. Въ то время возвращаются главнокомандующіе съ работы. Афраній готовъ былъ довести до конца переговоры; но Петрей, огорченный поступкомъ воиновъ своихъ, обязалъ ихъ новою присягою, невходить ни въ какія сношенія безъ его воли, и даже приказалъ побить всѣхъ бывшихъ въ его станѣ воиновъ Цесаревыхъ. Но злость была неумѣстна въ его положеніи.

Цесарь хотя могъ бы отплатить такимъ же образомъ чиновникамъ и воинамъ Петрѣевымъ, однакожь выпустилъ ихъ изъ своего стана безъ всякаго оскорбленія говоря, что они невиновны въ злости начальника; а чрезъ нѣсколько дней, отрѣзавъ у Петрея всякое сообщеніе, довелъ его вторично до того, что могъ порубить всю армію; но будучи постояненъ въ правилахъ своихъ, удержалъ гнѣвъ свой и, презря низкую злость непріятелей, согласился на ихъ прозьбу, въ чемъ они за недѣлю съ такою гордостію отказали воинамъ своимъ. Цесарь далъ Афранію свиданіе въ присудствіи обоихъ армій. Условлено: всѣ Легіоны Помпеевы распустить, а начальникамъ удалиться къ главнокомандующему своему въ Грецію. Цесарь простеръ великодушіе свое еще далѣе. Онъ возвратилъ воинамъ всѣ пожитки ихъ, отнятыя въ прошедшихъ сраженіяхъ, заплатя за оныя своимъ рядовымъ наличныя деньги. Послѣ сего, кто имѣлъ домъ или землю въ Испаніи, тѣ разошлись на другой же день; а Италіянскіе воины отправлены были въ отечество свое подъ надзоромъ воз-

вращающихся обратно легіоновъ Цесаревыхъ.

Оставалось побѣдить еще Варрона съ двумя легіонами. Но та провинція, которою онъ управлялъ, была предана Цесарю по тому, что онъ прежде служилъ тамъ Квесторомъ. Лишь только прибылъ туда Кассій съ двумя легіонами, то одинъ легіонъ Варроновъ и перешелъ на сторону Цесаря. Начальникъ видя, что безполезно будетъ противиться, вручилъ самъ второй легіонъ Цесарю, и представилъ ему роспись всѣмъ судамъ и казенному имуществу.

Цесарь, учредивъ на скорую руку всѣ Испанскія дѣла и оставя тамъ Кассія съ четырмя легіонами, отправился на Варроновыхъ судахъ къ Марсели, употребивъ на покореніе Испаніи всего 40 дней. Марсельцы сначала защищались съ великимъ мужествомъ, но будучи разбиты два раза на морѣ и на многихъ вылазкахъ, готовы уже были къ пріѣзду Цесаря предаться на волю побѣдителя. Они просили Требонія пощадить городъ и небрать его приступомъ до прибытія Цесаря. Тре-

боній согласился; но Марсельцы во время перемирія сожгли осадныя орудія. Такое вѣроломство требовало отмщенія; но Цесарь простилъ городъ, отобравъ только у жителей оружіе, суда и все казенное имущество. Домицій убѣжалъ моремъ къ Помпею.

Цесарь, въ отсудствіе свое, нарѣченъ былъ въ Римѣ отъ намѣстника своего Лепида диктаторомъ. Хотя сіе избраніе произведено было не въ правилахъ закона, но похититель власти, имѣя нужду въ титлѣ, спѣшилъ въ Римъ воспользоваться дарованною ему честію. На дорогѣ онъ остановленъ былъ возмущеніемъ одного легіона, стоявшаго въ Платенціи. Причиною сего возмущенія полагаютъ, что Цесарь, содержавъ легіоны свои въ строгомъ порядкѣ, недопускалъ ихъ до грабежа и разбоевъ; между тѣмъ, какъ самъ онъ и подначальники его казались воинамъ первыми злодѣями и грабителями отечества. Такія мысли заставили сей легіонъ отказаться отъ наблюденія той подчиненности, которой сами начальники неимѣли къ законамъ, и требовали себѣ отставки, или равнаго права на поведеніе доказывая,

что они, въ бытность въ Галліи, служили по закону своему отечеству, а теперь они ни что иное, какъ сообщники злодѣевъ. Цесарь немогъ позволить легіону имѣть такія мысли и, сдѣлавъ ему жесточайшій выговоръ, согласился распустить его; но прежде опредѣлилъ десятаго казнить за неповиновеніе къ начальству. Легіонъ одумался, признал свою безразсудность и началъ просить прощенія. Цесарь согласился умѣрить наказаніе, приказавъ самому легіону представить 120 человѣкъ изъ главныхъ зачинщиковъ возмущенія, изъ коихъ и казнилъ десятаго по жеребью.

Окончивъ сіе непріятное дѣло, Цесарь приказалъ всѣмъ войскамъ собраться въ Брундузій, а самъ поѣхалъ въ Римъ принять диктаторство. Тамъ онъ избралъ себя на слѣдующій годъ Консуломъ, взявъ въ товарищи Сервія Исаврика; произвелъ выборъ преторовъ, квесторовъ, едилей и прочихъ чиновниковъ; облегчилъ участь должниковъ и изгнанниковъ, осужденныхъ Силлою, предоставя дѣтямъ ихъ вступать въ общественныя должности. По приведеніи

же городскихъ дѣлъ въ порядокъ, сложилъ съ себя диктаторство, будучи въ семъ чинѣ только 11 дней, и отправился въ званіи Консула въ Брундузій. Тамъ нашелъ онъ 12 неполныхъ легіоновъ и конницу, но небыло достаточнаго числа судовъ для перевозу сей арміи въ Грецію. Сіе препятствіе неудержало Цесаря. Онъ, несмотря на позднее осеннее время и на то, что всѣ берега Греціи заняты были флотомъ Помпеевымъ, посадилъ на суда половину своей арміи, до 20 тысячь пѣхоты и 600 конницы, и отправился съ оною на пораженіе всѣхъ силъ востока. Позднее время подало ему случай ускользнуть отъ бдительности непріятеля. Бибулъ, Адмиралъ Помпеевъ, имѣя въ распоряженіи до пяти сотъ судовъ, могъ затопить Цесаря въ морѣ со всею арміею; но воображая, что непріятель неотважиться въ такое время на переправу, убрался въ пристани. Самъ Помпей былъ такого же мнѣнія, и невзялъ ни какой предосторожности, недопустить Цесаря къ высадкѣ войскъ его на берегъ. Однакожь Цесарь не посмѣлъ пристать ни къ одной пристани и, высадя армію свою на безлюдной берегъ,

отправилъ суда свои обратно въ Брундузій за оставшимися тамъ войсками. Тридцать изъ сихъ судовъ наткнулись на Бибула, и были сожжены совсемъ екипажемъ; остальные спаслись отъ его поисковъ.

Прибытіе Цесаря въ Грецію встрѣвожило его непріятелей. Помпей вышелъ изъ Македоніи и занялъ Диррахій; Бибулъ обложилъ Брундузій своими судами. Но Цесарь успѣлъ извѣстить своего начальника въ Брундузіи, чтобъ онъ удержался отъ переправы остальной арміи. Вскорѣ послѣ того овладѣлъ онъ всемъ Епиромъ, кромѣ Диррахіи, и затруднилъ чрезъ то Бибула держаться на морѣ по невозможности доставать прѣсную воду. Въ слѣдъ за тѣмъ приключившаяся болѣзнь и смерть сему Адмиралу оставила флотъ Помпеевъ безъ главнаго начальника, однакожь отдѣльныя ескадры неменьше были опасны для Цесаря.

Большая часть зимы прошла въ бездѣйствіи. Двѣ арміи стояли одна противъ другой, непредпринимая ничего рѣшительнаго, кромѣ небольшихъ сши-

бокъ и занятія городовъ, отдѣльными отрядами. Наконецъ Цесарь вышелъ изъ терпѣнія и, переодѣвшись въ невольничье платье, самъ поѣхалъ въ Брундузій на рыбачей лодкѣ за остальными войсками. Когда онъ выплылъ изъ устья рѣки на открытое морѣ, вдругъ поднялся жестокой вѣтеръ, море взволновалось, рыбакъ выбился изъ силы и готовъ былъ бросить весла и пустить лодку свою по волнамъ на произволъ судьбы. Испуганный Цесарь вскрычалъ рыбаку: чего робѣешь? Знаешьли, ты Цесаря везешь и его щастіе. Бѣдный рыбакъ, взглянувъ на сѣдока, изумился, ободрился, напрягъ послѣднія силы и добился кое какъ до берега.

Цесарь, избавясь отъ потопленія, послалъ въ Брундузій приказъ, отправить войски при первомъ попутномъ вѣтрѣ. Антоній и Каленъ немѣшкавъ выполнили предписаніе, и пустились въ путь при непостоянствѣ весенняго времени. Приближаясь къ Аполлоніи, они были примѣчены изъ Диррахія. Тотчасъ Копоній съ 15 Родійскими галерами вышелъ на встрѣчу. И какъ суда Цесаревы, нагруженныя людьми, немогли

стать въ линію противъ легкихъ военныхъ галеръ, то гибель арміи была почти неизбѣжна, естьли бы особое щастіе непослужило Цесарю и присемъ случаѣ. Въ то самое время, когда Антоній и Каленъ, желая укрыться отъ непріятеля, бѣжали прямо въ берегъ, вдругъ вѣтеръ отступилъ и прикрылъ ихъ берегомъ отъ сильнаго волненія; на противъ того галеры Копоніевы остались на открытомъ морѣ, и почти всѣ погибли отъ поднявщейся жестокой бури.

Цесарь, коль скоро узналъ о прибытіи остальной арміи, тотчасъ пошелъ къ ней на встрѣчу, чтобъ недопустить Помпея воспрепятствовать сему соединенію. Помпей такъже получилъ знатное вспоможеніе изъ Сиріи, прибывшее къ нему подъ начальствомъ Метелла Сципіона. Время приближалось къ рѣшительному дѣйствію. Нетерпѣливый Цесарь, хотя имѣлъ армію гораздо меньше противника своего, представилъ однакожь оную на битву; но Помпей отказался отъ сраженія, имѣя надежду выморить Цесаря голодомъ. И дѣйствительно онъ имѣлъ море и большую часть Греціи въ повелѣніи своемъ; а

непріятель долженъ былъ получать бѣдное продовольствіе изъ небольшаго округа, имъ занимаемаго. Цесарь, проникнувъ въ сіе намѣреніе, отважился запереть Помпея въ собственномъ его станѣ проведенными вокругъ окопами. Помпей растянулъ станъ свой, и заставилъ Цесаря копать рвы надвадцати пяти верстномъ разстояніи. Въ продолженіе сихъ работъ часто происходили небольшія стычки. Наконецъ перемѣтчики отъ Цесаря изъ Галловъ указали Помпею слабыя мѣста, на которыхъ съ выгодою можно напасть на Цесаря. Помпей, сдѣлавъ сильную вылазку, овладѣлъ въ тѣхъ мѣстахъ непріятельскими окопами. Онъ могъ бы овладѣть и всемъ станомъ, но неумѣлъ воспользоваться щастливою минутою и первою своею побѣдою.

Цесарь, потерявъ въ семъ дѣлѣ до тысячи рядовыхъ, до тридцати военныхъ трибуновъ и сотниковъ, и немалое число всадниковъ, неразсудилъ подвергать разстроенную армію свою новому сраженію, ни даже оставаться въ наступательномъ положеніи. Недостатокъ же въ продовольствіи принудилъ его

оставить Епиръ и отступить въ Фессалію, въ которой, по приглашенію жителей, надѣялся найти во всемъ изобиліе. Но слухъ, о случившемся ему пораженіи и принужденномъ отступленіи, перемѣнилъ расположеніе къ нему Фессалійцовъ. Первый городъ Гомфы заперъ предъ нимъ ворота. Раздраженный Цесарь въ нѣсколько часовъ взялъ сей городъ приступомъ, и отдалъ на разграбленіе. Такая строгость привела въ послушаніе прочіе города, которые всѣ приняли Цесаря, кромѣ Лариссы, занятой Метелломъ Сципіономъ. Цесарь дошелъ до Фарсаліи и, увидя выгодное мѣстоположеніе и удобность къ продовольствію, рѣшился тутъ остановиться и ожидать Помпея, которой тянулся въ слѣдъ съ обыкновенною свою медленностію.

Впрочемъ отдаютъ справедливость предусмотрительности Помпеевой въ томъ, что онъ неохотно преслѣдовалъ Цесаря. Положеніе его при Диррахіи подкрѣпляемо было всею морскою силою, и въ случаѣ неудачи на сушѣ, онъ могъ дать убѣжище своей арміи на судахъ, бороться съ Цесаремъ на морѣ,

или открыть военныя дѣйствія въ самой Италіи, или гдѣ пожелаетъ. Но, удалясь въ Фессалію отъ своего флота, онъ лишился важнаго пособія и, при потерѣ сраженія, немогъ прикрыть своей арміи. Но нетакъ судили подчиненные ему начальники. Возгордясь побѣдою при Диррахіи и почитая бѣгущаго Цесаря погибшимъ, они ни очемъ больше недумали, какъ о жесточайшемъ мщеніи. Они заранѣе приготовили роспись къ осужденію на смерть всей приставшей къ Цесарю сторонѣ, и готовились завладѣть ихъ имуществомъ. Одинъ бралъ домъ молодаго Гортенсія, другой сады Цесаревы, иной выгодную должность въ Римѣ на будущій годъ; но ни кто не думалъ, какъ побѣдить напередъ Цесаря, почитая дѣло сіе уже рѣшенымъ. И Домицій Агенобарбъ, однажды прощенный, а въ другой разъ убѣжавшій отъ Цесаря, предложилъ учредить военный судъ надъ всею Италіею и надъ прочими областями, непринявшими участія въ дѣлѣ Помпеевомъ.

Въ такомъ расположеніи мыслей всякая медленность Помпеева казалась непростительною погрѣшностію, и даже въ

глаза говорили ему, что онъ проволачиваетъ дѣло въ томъ намѣреніи, чтобъ долѣе насладиться неограниченною властію. Домицій называлъ Помпея Агамемнономъ, или Царемъ Царей; Фавоніи спрашивалъ, будетъ ли онъ въ томъ годѣ кушать Тускуланскія смоквы? Всадники готовились, по пораженіи Цесаря, низложить и Помпея, дабы возстановить прежній образъ правленія. Послѣдняго мнѣнія держался и самъ Катонъ, съ тою только разницею, что онъ неопорачивалъ осторожности Помпеевой. И какъ онъ, въ случаѣ потери Цесаремъ своего дѣла, могъ быть самымъ опаснымъ поборникомъ властолюбія Помпеева, то по сему и былъ оставленъ въ Диррахіи при обозѣ. Цицеронъ такъже остался, по дѣйствительной или политической болѣзни. Впрочемъ Помпей и нерасположенъ былъ къ Цицерону, по склонности его къ язвительнымъ издѣвкамъ (*).

(*) На примѣръ, когда Помпей, перешедшимъ къ нему при Диррахіи Аллоброгамъ, обѣщалъ дать право гражданства, Цицеронъ сказалъ: чудный человѣкъ! Обѣщаетъ Галламъ право гражданства, когда и своихъ

Удаленіе Катона лишило нерѣшительнаго Помпея важнаго пособія, противиться настойчивости подначальниковъ своихъ, и вынудило его склониться на общее желаніе арміи, вступить въ сраженіе. Обѣ арміи стояли одна противъ другой на равнинѣ Фарсальской. Цесарь нѣсколько разъ предлагалъ сраженіе, но Помпей невыходилъ изъ стана. Наконецъ, когда Цесарь вздумалъ перемѣнить мѣсто, въ намѣреніи выманить непріятеля на сраженіе, и началъ уже разбирать станъ свой, Помпей, вѣроятно приневоленный, выступилъ изъ стана и построился къ битвѣ. Ни чего болѣе ненужно было для Цесаря. Онъ тотчасъ разставилъ войски свои въ боевой порядокъ, поставя Домиція Калвина въ срединѣ, Марка Антонія на лѣвомъ крылѣ, а самъ сталъ на правомъ противъ Помпея и выпре-

---

гражданъ неможетъ привести въ отечество. Въ другой разъ Помпей, вѣрно съ досады, спросилъ у Цецерона: гдѣ находится зять его Долабелла? При вашемъ тестѣ: отвѣчалъ Цицеронъ, намѣкая чрезъ то супружество Помпея на Юліи, дочери Цесаревой.

бованныхъ изъ Галліи Легіоновъ, которые по обученію Цесаремъ щитались лучшими въ Помпеевомъ войскѣ. Но какъ Помпей, имѣя у себя въ семъ разъ большую конницу, могъ или намѣренъ былъ охватить оною правое крыло и зайти въ тылъ непріятелю, то Цесарь, предвидя намѣреніе, отдѣлилъ шесть когортъ отъ своей арміи и, поставя ихъ назади за правымъ крыломъ, далъ приказъ, при обходѣ Помпеевой конницы ударить въ нее и, небросая дротиковъ, бить ими въ лицо зная, что всадники, состоящіе изъ богатой и отличной юности Римской, болѣе будутъ дорожить красотою своею, нежели побѣдою.

Цесарь имѣлъ подъ начальствомъ своимъ Италійскихъ войскъ 22 тысячи пѣхоты и 1200 конницы, а Помпей до 45 тысячь пѣхоты и до семи тысячь конницы, кромѣ вспомогательныхъ войскъ съ обоихъ сторонъ, которыхъ такъ же у Помпея было гораздо болѣе, нежели у Цесаря. Сія несоразмѣрность въ силахъ неустрашила Цесаря. Когда войски построились къ битвѣ, Помпей стоялъ неподвижно. Цесарь долженъ былъ начать нападеніе. Надобно было

арміи его перебѣжать немалое пространство, чтобъ сблизится съ непріятелемъ. Привыкшіе къ устройству легіоны Цесаревы, неразрываясь въ рядахъ, выбѣжали на средину поля, остановились, отдохнули и съ новымъ жаромъ пустились на сраженіе. Помпей выдержалъ первое нападеніе, и тотчасъ далъ знакъ, сломить Цесареву конницу и охватить пѣхоту. Первое приказаніе нетрудно было выполнить по тому, что одна тысяча конныхъ и другая тысяча пѣшихъ, разставленная между конными, немогли выдержать напора семи тысящной конницы. Но когда дѣло дошло до втораго порученія, то вдругъ оставленныя на зади шесть когортъ выстроились на дорогѣ и вступили въ сраженіе. Цесарь, неупуская ни малѣйшаго случая къ побѣдѣ и наблюдая вездѣ за движеніями арміи своей, прискакалъ на мѣсто сраженія, повторилъ приказъ когортамъ своимъ: бить въ лицо—и всадники Помпеевы, опасаясь быть обезображенными, обратили все свое вниманіе на защиту лица и, будучи поражаемы и съ боку, и спереду, смялись, разстроились и первые ударились бѣжать на ближнія горы.

Шесть когортъ, прочистя себѣ дорогу, сами зашли въ тылъ непріятелю. Цесарь, воспользуясь сею минутою, пустилъ въ дѣло заднюю линію и коль скоро замѣтилъ, что побѣда можетъ быть въ рукахъ его, тотчасъ далъ приказъ щадить Римлянъ, а бить одни вспомогательныя войски. Сію черту человѣколюбія, хотя неполнаго, можно пріобщить ко множеству другихъ, украшающихъ жизнь Цесареву. Онъ много прощалъ людей при своемъ щастіи, но здѣсь отважился на милость въ такое время, когда самъ, при надлежащихъ распоряженіяхъ Помпея, могъ быть еще задавленъ. Но робость главнокомандующаго на противной сторонѣ избавила Цесаря отъ сей опасности и доставила ему полную побѣду. Помпей, какъ скоро увидѣлъ конницу свою разстроенною, на которую полагалъ всю надежду, въ тоже время потерялъ присудствіе духа и убѣжалъ въ ставку, оставя армію на произволъ случая; когда же услышалъ, что непріятель врывается уже въ окопы, тотчасъ сбросилъ съ себя латы и удалился искать судьбы своей.

*

Цесарь, вошедши въ станъ Помпеевъ, удивился тщеславію непріятелей своихъ. Тамъ все дышало богатствомъ и роскошію; а что еще безразсуднѣе, всѣ ставки украшены были вѣнками въ знакъ Диррахійской и предстоящей побѣды. Разхищеніе столь богатаго стана могло быть знатной добычею для воиновъ; но Цесарь нелюбилъ побѣждать въ половину. Онъ, несмотря на усталость войскъ своихъ, оставилъ часть оныхъ для прикрытія своего и непріятельскаго стана, а съ остальными пошелъ преслѣдовать остатки разбитой непріятельской арміи, которая намѣрена была бѣжать въ Лариссу. Цесарь, выпередивъ ее и ставъ на дорогѣ, принудилъ искать спасенія на одной горѣ, при подошвѣ коей протекала небольшая рѣчка. Всякой начальникъ остался бы доволенъ дѣйтвіемъ истекшаго дня и усердіемъ воиновъ своихъ; но Цесарь склонилъ ихъ еще предъ самою ночью, пресѣчь непріятелю сообщеніе съ рѣкою. Тогда осажденные на горѣ, невидя ни какого спасенія, согласились здаться на волю побѣдителя. Но для сего надобно было дождаться утра. Между тѣмъ въ продолженіе

ночи нѣсколько Сенаторовъ и чиновниковъ успѣли спастись бѣгствомъ. На утро вся армія положила оружіе. Цесарь нетолько даровалъ всѣмъ жизнь, но запретилъ прикасаться даже къ ихъ имуществу. Тогоже дня, оставя утомленныхъ воиновъ своихъ въ станѣ непріятельскомъ для роздыха, а изъ онаго взявъ оставленныхъ въ караулѣ на прошедшую ночь, пошелъ съ ними нагонять самаго Помпея, и къ вечеру прибылъ въ Лариссу.

Здѣсь Цесарь, какъ побѣдитель и судія, принималъ и прощалъ явившихся къ нему соотечественниковъ, союзныхъ Риму Государей и градоправителей. Невидно было, чтобъ онъ кого ни будь осудилъ на смерть изъ непріятелей своихъ; онъ даже приказалъ, нечитавши, сжечь всю ихъ переписку съ Римомъ, дабы неразтрогать чемъ нибудь великодушныхъ чувствованій своихъ. Многіе Цари, бывшіе на Помпеевой сторонѣ, наказаны были одною денежною пѣнею; а Афиняне, приславшіе пословъ просить прощенія, отдѣлались и того легче. Изъ уваженія къ мерт-

вымъ прощаю живыхъ, сказалъ Цесарь, и отпустилъ пословъ съ милостію.

Столь великодушные поступки на междоусобной брани смягчили приговоръ надъ самимъ Цесаремъ въ законопротивномъ предпріятіи его, и произвели общее мнѣніе въ его пользу, состоящее въ томъ, что ни кто больше его не былъ достоинъ управлять всемірною державою, и прекратить крамолы въ существующемъ правленіи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Бѣгство и смерть Помпея. Дѣйствія Цесаря въ Египтѣ и въ Азіи до возвращенія въ Италію. Произшествія не полныхъ двухъ лѣтъ, 48 и 47 года до Р. Х.

Мы оставили Помпея, удалившагося изъ стана въ то время, когда непріятель началъ врываться въ окопы. Сей, претерпѣвшій сильную превратность щастія полководецъ, удалясь изъ стана, прибѣжалъ въ Лариссу и, неостанавливаясь въ оной, вышелъ на Темпейскую долину. Предавшись горестнымъ

размышленіямъ, слѣдовалъ онъ по теченію рѣки Пенея, переночевалъ въ рыбачей хижинѣ и на разсвѣтѣ, взявъ небольшую лодку, приплылъ на оной къ морскому берегу. Тамъ завидѣлъ онъ транспортное судно и подалъ знакъ, чтобъ его приняли. Разсказываютъ, что корабельщикъ, Римлянинъ Петицій, видѣлъ въ ту ночь во снѣ Помпея въ горестномъ положеніи, просившагося на корабль, и когда увидѣлъ лодку, тотчасъ призналъ на ней нещастнаго страдальца. Помпей вошелъ на корабль съ Лентуломъ и Фавоніемъ, да послѣ приняли еще съ берегу Галатскаго Царя Деіотара. Съ сею свитою Помпей присталъ къ Амфіополю, но узнавъ, что Цесарь идетъ туда, удалился въ Митилену, на островѣ Лезбосѣ, за оставленною тамъ супругою.

Корнелія Метелла, незнавшая ничего о послѣднихъ произшествіяхъ и обнадеженная побѣдою при Диррахіи, ожидала супруга своего, увѣнчаннаго лаврами и предписывающаго законы міру. Но какое было ея изумленіе, когда явился предъ нею посланный, съ печальнымъ видомъ и съ навернувшимися

на глазахъ слезами? Онъ едва выговорилъ, что начальникъ его потерялъ сраженіе и, спасшійся отъ преслѣдованія, ожидаетъ ее на наемномъ суднѣ у пристани. Корнелія, какъ громомъ пораженная, упала въ обморокъ и, опамятовавшись, побѣжала на берегъ. Помпей, подавъ руку, принялъ супругу на корабль и прижалъ ее къ сердцу, немогши съ печали вымолвить ни одного слова.

Участь Корнеліи достойна сожалѣнія. Она въ первой разъ вышла за молодаго Красса, богатѣйшаго гражданина, и по личнымъ дарованіямъ и храбрости подававшаго о себѣ великую надежду. Но онъ, отличась при Цесарѣ въ Галліи и желая сопутствовать отцу своему, погибъ, какъ замѣчено, въ нещастномъ походѣ на Парфянъ. Послѣ того Корнелія, въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ своихъ, вышла за пожилаго уже Помпея въ то время, когда вручена была ему отъ Сената полная власть управлять республикою. Она видѣла въ повелѣніи супруга своего всѣ сухопутныя и морскія силы величайшей на свѣтѣ державы; а теперь встрѣтила его

на бѣдномъ наемномъ суднѣ, неимѣюща-го даже раба для прислуги. Жители Митилены просили Помпея въ городъ, но онъ отказался, совѣтуя покорится побѣдителю и обнадеживая въ милосердіи его.

Отсюда Помпей направилъ путь свой къ Родосу; но Родійцы, видя его въ нещастіи, отказали въ страннопріемствѣ. Помпей удалился въ Памфилію, и въ первый разъ сошелъ на берегъ. Здѣсь пристали къ нему младшій сынъ его Секстъ Помпей, до шестидесяти убѣжавшихъ Сенаторовъ и до двухъ тысячь воиновъ съ нѣсколькими военными Киликійскими судами. Здѣсь же получилъ онъ первое извѣстіе о произшествіяхъ въ Греціи, послужившее ему великимъ урокомъ въ малодушіи его. Онъ къ досадѣ на самаго себя услышалъ, что сильный флотъ его непотерпѣлъ ни какого пораженія; что Катонъ имъ начальствуетъ и, собравши отъ сраженія при Фарсаліи довольно значительный корпусъ, плыветъ съ онымъ въ Африку.

Такія вѣсти раздирали сердце Пом-

пеево. Онъ видѣлъ ясно, что погубилъ самаго себя и всю сильную сторону древняго правленія единственно своею безразсудностію. Но невремя было размышлять о прошедшихъ ошибкахъ. Неутомимый Цесарь готовъ уже былъ исхватить его и въ Азіи. Надлежало искать безопаснаго убѣжища. Но куда укрытся? ни въ Азіи, ни Африкѣ, ни въ Европѣ не было вѣрнаго пристанища въ Римскихъ владѣніяхъ. Оставалось прибѣгнуть подъ защиту союзныхъ Государей. Помпей намѣренъ былъ убѣжать къ Парфянамъ; другіе совѣтовали скрытся къ Юбѣ, Мавританскому Царю; но Феофанъ Грекъ ближе всего указалъ на Египетъ, доказывая, что Парфяне вѣроломны, Мавританія далеко отстоитъ, а Египетъ и ближе всѣхъ и болѣе одолженъ Помпею, и что молодой Царевичь Птоломей неможетъ и недолженъ отказать въ помощи благодѣтелю своему, за возстановленіе на престолъ родителя его Птоломея Авлета.

Мнѣніе Феофана признано справедливымъ и болѣе прочихъ удобнымъ къ выполненію. Въ слѣдствіе сего Помпей снялся съ якоря, заѣхалъ къ ост-

рову Кипру, а потомъ присталъ къ Пелузіи. Управленіе Египта, за малолѣтствомъ Государя, находилось тогда въ рукахъ евнуха Поѳина, софиста Феодота и начальника надъ войсками Ахилла. Сіи правители предложили Государственному совѣту на разсужденіе, какой отвѣтъ дать Помпею, просившему покровительства. Одни предлагали принять участіе въ его состояніи, другіе страшились Цесаря и совѣтовали отказать побѣжденному полководцу въ помощи. Но бездушный Феодотъ доказалъ краснорѣчіемъ своимъ, что принявъ Помпея, надобно будетъ вооружить противъ себя Цесаря; отказать же одному, нездѣлавши услуги другому, значитъ невлечь на себя неудовольствіе обоихъ сторонъ; а потому выгоднѣе будетъ, пригласивъ Помпея на берегъ, убить его. Симъ средствомъ можно избавиться отъ мщенія одного и услужить другому.

Правительство Египетское непогнушалось сей ненавистной совѣтъ привести въ исполненіе. Оно отправило за Помпеемъ небольшее перевозное судно, на которомъ поѣхали, Ахиллъ и

поселившіися въ Египтѣ два Римскіе Центуріона, Септимій и салвій. Помпей и всѣ бывшіе съ нимъ на караблѣ замѣтили, изъ бѣднаго пріема, невыгодное къ нимъ расположеніе Египтянъ. Но Ахиллъ извинился, что по мѣлководію невозможно пристать къ берегу на галерѣ. Помпей незахотѣлъ обнаруживать недовѣрчивость свою и, прощаясь съ супругою, произнесъ ей Софокловъ стихъ такого содержанія, что кто предаетъ себя покровительству чужестраннаго Государя, тотъ теряетъ независимость и дѣлается рабомъ его.

Помпей, ѣхавши на лодкѣ, сказалъ нѣсколько словъ Септимію, бывшему сослуживцу своему; но видя, что онъ неохотно отвѣчаетъ, началъ читать про себя небольшую рѣчь, которую намѣренъ былъ при свиданіи сказать Птоломею. Приставши къ берегу, когда онъ сталъ выходить изъ лодки, Септимій нанесъ ему первый ударъ мечемъ съ зади; въ тужеминуту Ахиллъ и Салвій, выхватя мечи свои, довершили пораженіе. Помпей едва успѣлъ накинуть тогу на свою голову и испустилъ духъ, не выговоря ни одного слова.

Таковъ былъ конецъ жизни одного изъ знаменитыхъ полководцевъ древности, случившiйся ему на 58 годѣ отъ рожденiя. Писатели древней Исторiи похваляютъ его за тихой нравъ, воздержность и совершенную преданность къ дѣлу правительства со времени третiяго Консульства его. Они отдаютъ ему справедливость и въ военномъ искуствѣ, ибо нельзя приписать одному щастiю беспрестанныя побѣды его въ продолженiе 20 лѣтъ въ Европѣ, Африкѣ и Азiи, и на всѣхъ водахъ Средиземнаго моря. Но естьли онъ и былъ низложенъ Цесаремъ, то по крайней мѣрѣ уступилъ лавры свои такому герою, которому въ древности небыло другаго подобнаго.

Цесарь по одержанiи Фарсальской побѣды, ненашедши Помпея въ Ларисcѣ, преслѣдовалъ его съ неутомимою дѣятельностiю въ томъ увѣренiи, что жизнь сего знаменитаго гражданина правителя будетъ нарушать собственное его спокойствiе. Приказавъ армiи своей слѣдовать въ Македонiю, а оттуда въ Азiю, самъ съ конницею и съ однимъ Легiономъ пошелъ впередъ. Уз-

навъ въ Амфiополѣ, что Помпей приставалъ къ сему городу и отправился на кораблѣ, Цесарь немогъ преслѣдовать его, по неимѣнiю судовъ, и принужденъ былъ берегомъ тянутся въ Азiю. При переправѣ чрезъ Геллеспонтъ, встрѣтился онъ съ одною непрiятельскою ескадрою, плывшею въ Черное морѣ къ Фарнаку. Начальникъ ескадры могъ бы схватить Цесаря, плывшаго на одномъ небольшемъ суднѣ. Но Цесарь, говорятъ, однимъ страхомъ имени своего и своею неустрашимостiю, приказалъ начальнику ескадры здаться и быть въ его повелѣнiи. На дорогѣ узналъ онъ, что Помпей, отправясь изъ Атталiи Памфилiйскаго города, приставалъ къ острову Кипру, и потому догадывался, что ему должно быть въ Египтѣ. По сей догадкѣ, ни сколько немѣшкавъ, поплылъ туда, имѣя съ собою на флотѣ, собранномъ имъ въ Азiи и въ Родосѣ, неболѣе трехъ тысячь пѣхоты и осьми сотъ конницы. Приплывъ къ Александрiи и замѣтя смятенiе въ городѣ, онъ нерѣшился сойти на берегъ. Вскорѣ потомъ явился къ нему Феодотъ, съ перстнемъ и головою Помпеевою, въ полномъ увѣренiи получить награду и

благодарность за злодѣяніе свое. Но Цесарь былъ добръ по сердцу, отвратилъ лице отъ преступника, возгнушался его корыстолюбіемъ и приказалъ построить Храмъ Богинѣ мщенія, поставя въ ономъ урну съ сожженнымъ прахомъ головы Помпеевой.

Сойдя на берегъ вовсемъ приличіи Консульскаго достоинства, Цесарь замѣтилъ народное смятеніе и худое расположеніе къ нему Египтянъ, и потому принялъ мѣры къ собственной своей безопасности. Расположась постоемъ во дворцѣ, окружилъ себя сильною стражею, отправилъ въ Азію нарочныхъ съ указами, привести, какъ наивозможно скорѣе, Легіоны свои и другія вспомогательныя войски; между тѣмъ, неподавая ни какого виду неудовольствія своего, занялся обозрѣніемъ города и всѣхъ отличныхъ зданій, бесѣдою съ учеными и софистами, и другими тому подобными мѣлочами.

Въ то время, когда Цесарь прибылъ въ Александрію, молодой Государь былъ въ походѣ противъ сестры своей Клеопатры. Отецъ ихъ, Птоломей Авлетъ,

оставилъ по смерти четверыхъ дѣтей: двухъ сыновей, Птоломеевъ, и двухъ дочерей, Клеопатру и Арсиною. Завѣщаніе его было, старшему сыну Птоломею жениться на старшей дочери Клеопатрѣ и царствовать обоимъ совокупно по законамъ Египетскимъ. Но Клеопатра, будучи старѣе брата своего четырмя годами, которому было неболѣе 13 лѣтъ, хотѣла Царствовать самодержавно. Евнухъ Поѳинъ, съ главнѣйшими чиновниками въ Государствѣ, имѣли намѣреніе сами господствовать подъ именемъ молодаго Государя. Сіе несогласіе дошло до явной ссоры, и партія Птоломѣева, исходатайствуя въ Римѣ опредѣленіе въ свою пользу, выгнала Клеопатру изъ Египта, которая, удалясь съ сестрою своею въ Сирію, набирала войски для возвращенія правъ своихъ вооруженною рукою.

Цесарь, почитая Египетскихъ Царей подъ опекою и покровительствомъ Римлянъ, взялся быть судіею въ сей распрѣ. Онъ приказалъ обоимъ сторонамъ, распустить войски и явиться къ нему на судъ. Министры Птоломеевы предвидѣли, что такой судъ будетъ

противенъ ихъ пользамъ потому, что Клеопатра имѣла законное право на престолъ Египетской; сверхъ того была умна, прекрасна и, по правиламъ своимъ, готова была всемъ пожертвовать для непреодолимаго властолюбія своего. Къ сей опасности присовокупилась и другая непріятность. Цесарь потребовалъ у Птоломея долгу, оставшагося на родителѣ его, 40 миліоновъ Сестерцій, которыхъ въ наличности въ казнѣ небыло, и въ занятіи коихъ встрѣтилось большее затрудненіе. По симъ причинамъ евнухъ Поѳинъ рѣшился сбыть съ рукъ Цесаря такимъ же образомъ, какъ и Помпея, или, по крайней мѣрѣ, вывести его изъ терпѣнія, и тѣмъ получить предлогъ къ явной войнѣ, надѣясь на многочисленность Египетской арміи и слабость Цесареву. Всѣ хитрости и низости немогли завлечь осторожнаго Цесаря въ разставленныя противъ его сѣти. Онъ принужденъ былъ цѣлыя ночи просиживать за столомъ, опасаясь нечаяннаго нападенія. Наконецъ дѣло дошло до явной войны.

Въ продолженіе сихъ смятеній Пто-

ломей по требованію Цесаря прибылъ въ Александрію, нераспуская однакожь войскъ своихъ, которыя подъ начальствомъ Ахилла приблизились къ городу. Но Клеопатра взяла выгоднѣйшія для себя мѣры. Она по первому приказу, распустивъ войски свои, тотчасъ отправилась въ Цесарю; но неимѣя возможности пройти сквозь непріятельскую армію, сѣла на небольшее судно и, приплывъ вечеромъ ко дворцу, заставила пронести себя къ Цесарю, подъ видомъ ноши, завернутую въ одѣяло. Хитрость Клеопатры полюбилась Римскому Консулу, а личныя дарованія и красота ея довершили судъ въ ея пользу. Цесарь призвалъ Птоломея и опредѣлилъ царствовать ему вмѣстѣ съ Клеопатрою; а меньшему же брату его и сестрѣ Арсиноѣ отдалъ островъ Кипръ во владѣніе. Но министры Птоломеевы остались недовольны симъ опредѣленіемъ. Ахиллъ, съ 20 тысячами хорошо обученной пѣхоты и съ двумя тысячами конницы, стоялъ подъ городомъ, и когда Цесарь вынудилъ Птоломея, послать указъ къ главнокомандующему, чтобъ онъ неприближался къ городу, то Ахиллъ изъ посланныхъ съ указомъ

одного убилъ, другаго смертельно ранилъ и приступилъ къ столицѣ. Цесарь, по малочисленности войскъ своихъ, принужденъ былъ оставить защиту города и укрѣпится во дворцѣ, задержавъ и Царя въ залогѣ. Александрійцы, стараясь выручить изъ плѣну Государя своего и овладѣть пристанью, сильно наступили на Цесаря; но онъ успѣлъ отбить осаждающихъ, и зажечь флотъ Египетской, вмѣстѣ съ арсеналомъ и корабельною верфію. Симъ пожаромъ около 110 судовъ превращено въ пепелъ. Пламя распространилось до самаго дворца и сожгло часть славной Александрійской Библіотеки.

Положеніе Цесаря было крайне затруднительно. Будучи запертъ съ твердой земли, онъ всю надежду полагалъ на сообщеніе съ моремъ, и для того употреблялъ всѣ усилія, недопустить Египтянъ овладѣть пристанью и небольшимъ островкомъ Фаросомъ, лежащимъ при входѣ въ гавань, и соединеннымъ съ берегомъ мостомъ и плотиною. Цесарь занялъ сей островъ, и отражалъ всѣ нападенія съ свойственнымъ ему мужествомъ и искуствомъ.

Между тѣмъ состояніе дѣлъ на сторонѣ Египтянъ нѣсколько измѣнилось. Хитрый евнухъ Поѳинъ, находясь при Царѣ своемъ во власти Римлянъ и дѣйствуя за одно съ Ахилломъ, былъ умерщвленъ по приказанію Цесаря за умыселъ на жизнь его. Арсиноя нашла случай убѣжать въ армію, и съ помощію евнуха Ганимеда умертвила Ахилла и составила сильную партію въ свою пользу. Ганимедъ, принявъ начальство надъ воисками, неуступалъ Ахиллу въ ненависти къ Цесарю. Онъ отвелъ изъ его части прѣсную воду, собралъ нѣсколько судовъ и отнялъ островъ Фаросъ, послѣднюю надежду Цесареву на сообщеніе съ моремъ. Цесарю невозможно было оставить островъ во власти непріятеля, и онъ рѣшился, вочтобы то нистало, овладѣть опять Фаросомъ. Въ семъ намѣреніи, высадивъ часть войскъ своихъ на островъ, согналъ съ онаго Египтянъ и овладѣлъ однимъ мостомъ и плотиною. Оставался еще другой мостъ, соединяющій плотину съ твердою землею. Египтяне защищали мостъ отчаянно, и въ тоже время съ судовъ поражали Римлянъ на плотинѣ стрѣлами и каменьями. Мати-

розы Цесаревы, желая имѣть участіе въ битвѣ, вскочили на плотину и, вмѣшавшись въ средину строевыхъ войскъ, разстроили оные; а потомъ, убѣгая назадъ, увлекли съ собою часть и сухопутныхъ войскъ. Въ семъ общемъ смятеніи невозможно было возстановить порядокъ. Цесарь соскочилъ съ плотины на свое судно, но видя, что оно скоро затонетъ отъ множества бросающихся на него, снялъ съ себя латы и бросился вплавъ до другаго ближайшаго судна, стоявшаго въ разстояніи на треть версты отъ перваго. Неудача сего дня привела Римлянъ въ большее еще ожесточеніе противъ непріятелей своихъ такъ, что они въ послѣдующихъ сраженіяхъ рубили Египтянъ безъ всякой пощады.

Чрезъ нѣсколько дней Египтяне, невозмогши одолѣть Цесаря силою, принялись опять за хитрости. Они отправили къ Цесарю пословъ, просить объ освобожденіи Царя, обѣщая прекратить военныя дѣйствія. Птоломей, не смотря на молодость свою, искусно игралъ при семъ случаѣ притворную ролю. Однакожь Цесарь несовсемъ вдался въ об-

манъ, и отпустилъ Птоломея съ добрымъ совѣтомъ потому болѣе, что онъ казался ему тягостнымъ и безполезнымъ бременемъ. Къ тому же, онъ ожидалъ съ часу начасъ войскъ своихъ изъ Азіи, съ помощію коихъ надѣялся кончить столь непріятное для него дѣло, отнявшее у него много времени.

И дѣйствительно вскорѣ по освобожденіи Птоломея прибылъ на судахъ цѣлый легіонъ изъ Азіи. Въ слѣдъ затѣмъ подоспѣлъ сильный корпусъ, приведенный Митридатомъ Пергамскимъ, которой осадилъ Пелузію и въ одинъ день, взявъ ее приступомъ, подвинулся къ Александріи для соединенія съ Цесаремъ. Цесарь и Птоломей узнали въ одно время о прибытіи сего корпуса, и въ одно время вышли къ нему навстрѣчу, первый для соединенія, а второй для разбитія- Но провиденіе дало Птоломею другое назначеніе. Онъ, подведя армію свою, самъ подалъ случай рѣшить Цесарю въ одинъ день судьбу Египта. Цесарь, соединясь съ Митридатомъ, на другой же день далъ Птоломею сраженіе, разбилъ его наголову и заставилъ всю армію побросаться въ рѣку для пе-

реправы на другой берегъ. Птоломей утонулъ при сей переправѣ. Александрія покорилась безъ сопротивленія.

Цесарь, по любви своей къ Клеопатрѣ, отдалъ ей Царство Египетское, всзведя съ нею на престолъ младшаго Птоломея, которой однакожь, по молодости лѣтъ, неимѣлъ участія въ правленіи, и вся власть находилась въ рукахъ Царицы. Сія властолюбивая Государыня умѣла удержать Цесаря на нѣсколько времени въ любовныхъ связяхъ своихъ, и побѣдитель Помпея уснулъ въ обьятіяхъ Царицы, поѣхалъ съ нею кататься по Египту; между тѣмъ далъ время собратся и усилится побѣжденной сторонѣ. Ропотъ войскъ, и сильныя движенія въ разныхъ областяхъ и въ самомъ Римѣ, выѣели наконецъ Цесаря изъ любовнаго усыпленія. Онъ проснулся, и первымъ дѣломъ счелъ наказать Фарнака, Босфорскаго Царя, сына Митридатова.

Сей законопреступный сынъ, воспользуясь смутными обстоятельствами и междоусобною войною, покорилъ обратно большую часть владѣній отца

своего; отнялъ у Деіотара малую Арменію, и готовился выгнать Аріобарзана изъ Каппадокіи. Домицій Калвинъ, оставленный Цесаремъ въ малой Азіи, немогши словами удержать Фарнака отъ предпріятій его, принужденъ былъ поднять на него оружіе; но малочисленность войскъ и безразсудная горячность его доставили Фарнаку полную надъ нимъ побѣду. Послѣ сего Домицій убрался въ свою провинцію, а Фарнакъ пріобрѣлъ полную волю отнимать владѣнія у союзныхъ Риму Государей.

Въ то самое время прибылъ Цесарь на мѣста завоеваній Фарнаковыхъ. Фарнакъ, укрѣпившись въ Понтѣ по близости Зелы, хотѣлъ провести Цесаря такъ же, какъ и Домиція переговорами; послалъ ему золотой вѣнецъ и твердилъ чрезъ пословъ своихъ, что онъ былъ другомъ Цесарю потому, что неподалъ помощи Помпею. Цесарь отвѣчалъ въ короткихъ словахъ, что естьли Фарнакъ намѣренъ загладить обиды, причиненные Римскому правительству, то долженъ немедленно выбратся изъ Понта, заплатить за всѣ убытки, понесенные Римлянами отъ его предпрія-

тій, и взять свой вѣнецъ обратно, ибо онъ не въ правѣ присылать даровъ, когда самъ находится подъ властію Римскаго Консула. Фарнакъ прибѣгнулъ къ новымъ увѣрткамъ; но Цесарь, проникнувъ въ намѣренія его, заставилъ рѣшить тяжбу силою оружія. Легкость, съ какою Цесарь одержалъ побѣду, подала ему поводъ сказать, что щастливъ былъ Помпей, когда сражаясь съ такими непріятелями, заслужилъ названіе великаго; и непочитая войну сію достойною подробнаго описанія, изобразилъ ее въ донесеніи Сенату тремя словами: пришелъ, увидѣлъ побѣдилъ. Фарнакъ убѣжалъ въ свое Царство, но былъ убитъ Асандромъ, завладѣвшимъ въ отсудствіе царствомъ его.

Послѣ сей побѣды Цесарь остался въ Азіи на короткое время, выслушать жалобы и споры союзныхъ Государей. Однихъ надѣлилъ, другихъ наказалъ денежною пѣнею и отнятіемъ нѣкоторыхъ владѣній. Митридатъ Пергамской получилъ въ подарокъ, за услугу свою въ Египтѣ, часть Галлогреціи и право, отнять у Асандра Босфорское Царство; на противъ того Деіотаръ болѣе

всѣхъ испыталъ на себѣ гнѣвъ Цесаревъ. Унего отнята малая Арменія и часть Галлогреціи; сверьхъ того наложена большая денежная пѣня.

Сильныя движенія въ Африкѣ и беспокойства въ Италіи заставили Цесаря побывать въ Римѣ, и готовится къ новой войнѣ на пораженіе противной стороны. Долговременное отсудствіе его въ Египтѣ было причиною, что сія противная сторона, оставленная безъ преслѣдованія послѣ Фарсальской битвы, имѣла случай собратся вмѣстѣ и усилится въ Африкѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Катонъ собираетъ остатки Помпеевой арміи, переплываетъ на флотѣ въ Африку, переходитъ съ арміею песчаную Ливійскую степь. Сила и паденіе Помпеевой стороны въ Африкѣ. Смерть Катона.

Выше замѣчено, что Катонъ, Цицеронъ и нѣкоторые другіе Сенаторы оставлены были Помпеемъ въ Диррахіи, когда онъ потянулся за Цесаремъ въ Фессалію. Катону поручено еще было

начальство надъ оставленными въ Диррахіи войсками, и надзоръ за всѣми запасами. Потеря фарсальскаго сраженія произвела разномысліе въ начальникахъ. Всякой заботился о себѣ, недумая поддержать общими силами дѣло правительства. Сулпицій и Марцелъ, бывшіе товарищи въ консульствѣ, отказались отъ участія въ междоусобной брани, и добровольно удалились въ изгнаніе, одинъ въ Азію, другой въ Митилену, намѣреваясь остатокъ дней своихъ провести въ философскомъ уединеніи, въ которомъ и дѣйствительно нашли лучшее щастіе, нежели въ дѣлахъ обуреваемаго страстями правительства. Изъ прочихъ отличныхъ лицъ, Лентулъ убѣжалъ въ Египетъ и погибъ тамъ вскорѣ послѣ Помпея; Цицеронъ готовился ѣхать въ Италію и просить милости у Цесаря; Метеллъ Сципіонъ убѣжалъ въ Африку, въ которой надѣялся получить сильную защиту, по преданности жителей къ предкамъ его Сципіонамъ. Одинъ Катонъ, недумая о себѣ, заботился о законномъ употребленіи данной ему власти. Онъ намѣренъ былъ, въ случаѣ смерти Помпеевой, высадить войски обратно въ Италію, а самъ уда-

лится въ изгнаніе; или же, когда найдетъ Помпея живаго, здать ему въ цѣлости команду и всѣ запасы.

Между тѣмъ флотъ Помпеевъ, господствуя на моряхъ, непретерпѣлъ ни какого пораженія. Большая часть сего флота стояла у острова Корциры, нынѣ Корфу. Всѣ начальники изъ Диррахіи перебрались на флотъ, и собрали совѣтъ нащетъ будущаго поведенія. Катонъ, придерживаясь всегда закона, предложилъ избрать Цицерона главнокомандующимъ, такъ какъ онъ былъ уже въ чинахъ Консула и Проконсула Каликійскаго. Но Цицеронъ, вознамѣрясь уже личную безопасность свою отдѣлить отъ дѣлъ правительства, отказался отъ сего предложенія. Катонъ принужденъ былъ возложить на себя начальство надъ флотомъ и, объявя всѣмъ полную волю удалится, кто куда пожелаетъ, поплылъ къ Египту, догадываясь, что Помпей долженъ былъ убѣжать въ сіе Царство. На пути встрѣтился онъ у острова Крита съ Корнеліею, супругою Помпея и Секстомъ сыномъ его. Отъ нихъ узналъ

онъ о нещастной кончинѣ главнокомандующаго.

Смерть Помпеева произвела новое разномысліе въ спутникахъ Катоновыхъ. Многіе рѣшились предать судьбу свою на милость побѣдителя, и разъѣхались въ разныя стороны. Корнелія возвратилась въ Италію, два сына Помпеевы остались при Катонѣ. Самъ Катонъ нерасположенъ былъ продолжать междоусобной войны; но онъ не могъ бросить оставшейся на Флотѣ команды, которая вручила ему главное начальство надъ собою. Въ слѣдствіе сего присталъ онъ къ Кариніи подлѣ Египта и, высадя войски свои на берегъ, рѣшился пройти чрезъ Ливійскую степь въ Африканскія области, потому, что моремъ, по причинѣ бурнаго осенняго времени, плыть было опасно.

Надобно имѣть твердость Катонову, чтобъ втважиться на такое предпріятіе. Ливійская степь была ужасна, непроходима для всякой арміи. Она поглотила уже армію Камбизову и часть армій Александровой. Катонъ предвидѣлъ всѣ опасности, и неупустилъ изъ

виду ни чего, что казалось ему необходимо нужнымъ для сего труднаго и небывалаго еще въ Исторіи людей перехода. Онъ навьючилъ въ дорогу множество ословъ водою и другими потребностями; пригласилъ слѣдовать за собою достаточное число Африканцовъ, умѣющихъ высасывать ядъ отъ ужаленія змѣй. Оставалось подготовить воиновъ къ сраженію не съ людьми себѣ подобными, но совсѣми ужасами раздраженной природы. Съ верху пламенные лучи солнца безъ прохлады въ тѣни и утоленія жажды, съ низу горячій, переливающійся волнами песокъ безъ твердаго подъ ногами основанія, были такими непріятелями, которыхъ преодолѣть надлежало. Самые вѣтры, въ другихъ земляхъ прохладные, благодѣтельные, здѣсь знойные, раскаленные поднимали жгущую пыль столбомъ къ усугубленію нещастія. Катонъ все сіе въ сильной рѣчи предсказалъ своимъ воинамъ и, возбудивъ мужество любовію къ законному правленію, отправился въ предлежащій путь. Онъ шелъ впереди предъ своимъ корпусомъ, показывая собою примѣръ къ перенесенію всякихъ трудностей. Тридцать дней шли Римляне по-

песчаной степи, въ продолженіе коихъ Катонъ никогда несадился на лошадь, ни когда непокидалъ своего оружія. Естьли гдѣ напути встрѣчался ручеекъ, или плодоносная прорость посреди не обозримой песчаной степи, Катонъ послѣдній приходилъ пользоватся дарами природы. Наконецъ, выбравшись изъ ужасной, непроходимой пустыни, расположились провести остальное время зимы въ пограничномъ городѣ Лептисѣ.

Несогласіе, возникшее между начальниками въ Африкѣ, подало новый случай Катону употребить дарованія свои на общее благо. Сципіонъ Метеллъ, неимѣя личныхъ способностей, но гордясь заслугами предковъ своихъ, хотѣлъ быть главнымъ начальникомъ; Варръ, правитель Африканской, не соглашался уступить спасшемуся отъ пораженія бѣглецу правъ своихъ; Юба, король Мавританской, будучи всѣхъ сильнѣе и зная, что безъ его помощи Римляне не въ состояніи противится Цесарю, хотѣлъ надъ ними господствовать. Прибытіе Катона прекратило сію распрю. Онъ заставилъ Юбу уважать Римлянъ, въ какомъ бы состояніи они ненаходи-

лись; принудилъ и Варра уступить начальство Сципіону, какъ старшему по службѣ и бывшему уже Консуломъ, подчинясь и самъ его приказаніямъ. Примѣру Катона послѣдовали и другіе начальники Афраній и Петрей, бывшіе правители Испаніи, и Лабіенъ, намѣстникъ Цесаревъ въ Галліи.

Катонъ спасъ еще и главной городъ Утику, подозрѣваемый въ приверженности къ Цесарю, и взялся быть въ немъ Комендантомъ. Великіе запасы хлѣба, оружія и наличныхъ денегъ, хранящихся въ семъ городѣ, подали Сципіону возможность сформировать армію въ 10 легіоновъ, кромѣ вспомогательныхъ войскъ, поставленныхъ отъ Мавританскаго Царя. Прибавя къ сему 120 обученыхъ слоновъ, и многочисленныи флотъ, охраняющій берега Африканскіе, выходило, что сторона защитниковъ древняго правленія была столькоже сильна въ Африкѣ, какъ и въ Греціи предъ Фарсальскимъ сраженіемъ. Но главная слабость ея состояла въ томъ, что она неимѣла достойнаго начальника. Сципіонъ былъ надмѣненъ, нехотѣлъ слушать добрыхъ совѣтовъ и

немогъ предпринимать вѣрныхъ, рѣшительныхъ мѣръ во время самаго дѣйствія. Прочіе начальники, съ подобными недостатками, одарены были въ преизлишествѣ гордостію, препятствовавшею имъ наблюдать строгую подчиненность и единодушіе. Однимъ словомъ тотъ же духъ раздора и высокоумія, которой потерялъ сраженіе на поляхъ Фарсальскихъ, принесенъ былъ и въ Африку.

Несмотря на сіи недостатки Цесарю невозможно было оставаться въ Римѣ спокойнымъ правителемъ, доколѣ неистребитъ непріятелей своихъ. Онъ въ отсудствіе избранъ былъ въ другой разъ Диктаторомъ, а начальство надъ конницею вручено было Марку Антонію, которой оставался правителемъ Италіи въ небытность Цесареву; ибо прочія должности, кромѣ Едилей и народныхъ трибуновъ, за избраніемъ Диктатора оставались упраздненными. Естьли бы предоставлено было въ презрѣніе къ людямъ надѣлить ихъ дурнымъ правителемъ, то не скоро бы нашелся кто другой хуже Антонія. Распутство и мотовство въ высочайшей

степени, поддерживаемое явною продажею правосудія и отнятіемъ у владѣльцовъ имѣній, были его занятіями. Военное правленіе, основанное на одной силѣ безъ должнаго правосудія, произвело наконецъ всеобщій ропотъ. Всѣ вздыхали о безсиліи законовъ. Самые воины, неудовлетворенные въ обѣщанныхъ имъ наградахъ, пришли въ движеніе. Вездѣ искра мятежа была раздута; оставалось только вспыхнуть. Въ сіе самое время прибылъ Цесарь. Онъ видѣлъ ясно положеніе свое и зная, что не время заняться расправою, смотрѣлъ на все сквозь пальцы, и постарался примирить только враждующихъ между собою начальниковъ, особливо Антонія и Долабеллу трибуна народнаго, который въ дерзости неуступалъ самымъ наглымъ образцамъ своимъ.

Истощеніе казны, необходимо нужной на предстоящую Африканскую войну, обратило на себя все вниманіе Цесаря. Но какъ невозможно было думать о приведеніи казенныхъ доходовъ въ порядокъ потому, что многіе провинціи несостояли еще подъ властію Цесаря, то онъ старался добровольными и вы-

нужденными пожертвованіями, и займами у частныхъ лицъ и городовъ собрать потребную сумму; назначилъ даже въ продажу съ публичнаго торгу имѣнія погибшей на войнѣ противной партіи, въ томъ числѣ имѣніе и самаго Помпея. Однакожь уваженіе къ памяти его было столь велико, что никто въ день продажи невызвался купить его имѣнія, почитая таковой поступокъ святотатствомъ. Одинъ Антоній непосовѣстился изъявить желаніе свое, и къ общему неудовольствію всего народа, особливо противной стороны, купилъ все даже до послѣднихъ мебелей. Но Цесарь обманулся въ сей продажѣ. Антоній незаплатилъ денегъ. Время непозволяло строго ихъ взыскивать. Надобно было спѣшить въ Африку.

Предъ самымъ отъѣздомъ встрѣтилась Цесарю новая непріятность. Старые воины, особливо любимый Цесаремъ десятый Легіонъ, подняли знамя возмущенія. Они, предвидя Африканскую войну, стали просить обѣщанной имъ награды и отставки. Цесарь не въ состояніи былъ удовлетворить ихъ. Онъ

послалъ Претора Саллустія съ обѣщаніемъ, прибавить еще по тысячи динаріевъ каждому, когда кончитъ Африканскую войну. Но войски нехотѣли слышать объ отсрочкѣ обѣщаннаго, и пошли къ Риму, требовать себѣ удовлетворенія вооруженною рукою.

Не всякой согласился бы принять такія мѣры, какія принялъ Цесарь къ укрощенію столь опаснаго возмущенія. Онъ, приведя городъ въ оборонительное состояніе, самъ вышелъ къ бунтующимъ войскамъ на марсово поле и, взойдя на свое мѣсто, спросилъ грознымъ голосомъ: чего они требуютъ? Войски попросили отставки. Даю вамъ ее, отвѣчалъ Цесарь, и несмотря на то, что вы оставили меня, выдамъ еще по окончаніи Африканской войны обѣщанную прибавку. Слова Цесаревы смутили мятежниковъ. Они не нашлись, что сказать на столь великое снизхожденіе, и пока собирались съ мыслями, Цесарь, сойдя съ своего мѣста, привѣтствовалъ ихъ уже гражданами, давая чрезъ то замѣтить, что они уволены отъ службы и распущены. Столь искусный оборотъ въ словахъ произвелъ

свое дѣйствіе. Воины стали просить, нелишать ихъ участія въ послѣднихъ побѣдахъ. Цесарь, желая довести до конца намѣреніе свое, нѣсколько времени отговаривался и наконецъ, какъ бы по сильной прозьбѣ, склонился наградить старыхъ воиновъ новыми побѣдами; отказалъ только въ службѣ одному десятому Легіону.

Увернувшись отъ сей опасности, Цесарь полетѣлъ въ Африку на пораженіе непріятелей своихъ. Ни поздность годоваго времени, ни сильные флоты непріятельскіе неудержали его. Прибывъ въ Лилибей въ Сициліи, съ однимъ Легіономъ и съ шестью стами конницы, готовъ былъ отправится въ путь; но сильные вѣтры, недопустившіе отвалить отъ пристани, подали время собратся всей арміи. Однакожь переправа въ Африку доказывала одну отважность Цесареву безъ вѣрныхъ соображеній. Небыло назначено мѣста, куда пристать, потому, что всѣ берега заняты были непріятелемъ. Цесарь пустился въ море на удачу, съ одною надеждою на свое щастіе. Дорогою флотъ его разсѣянъ бурею, и Цесарь присталъ

вблизи Адрумета только съ 3000 пѣхоты и съ 500 конницы. Выходя на берегъ нечаянно упалъ наземлю, и въ туже минуту, простерши руки, вскрычалъ: Африка! Я принимаю тебя въ свои объятія. Можно изъ сего приключенія замѣтить, сколь велика была острота ума въ Цесарѣ. Паденіе его могло предвѣщать суевѣрному войску непріятныя послѣдствія; но Цесарь нашелся въ туже минуту поправить дѣло.

Другое обстоятельство, такъ же маловажное; но Цесаремъ неоставлено безъ вниманія. Римляне думали, что Сципіоны въ Африкѣ непобѣдимы, и по тому Цесарь, предпринимая войну противъ щастливой въ Африкѣ Фимиліи, привезъ съ собою и держалъ при своемъ станѣ одного, самаго глупаго отродка Сципіоновъ.

Цесарь, по высадкѣ небольшаго войска своего на берегъ, приступилъ къ Адрумету, въ намѣреніи склонить правителя города къ здачѣ; но неполучивъ въ томъ успѣха, отступилъ къ Руспину и раскинулъ станъ свой поблизости сего города. Первое стараніе его

было, снабдить себя продовольствіемъ и обезопасить въ высадкѣ приставшую въ разныхъ мѣстахъ остальную армію свою. Въ четвертый день показался предъ нимъ Лабіенъ, съ корпусомъ до 50 тысячь пѣхоты и конницы. Цесарь имѣлъ неболѣе 15 тысячь, и былъ окруженъ непріятелемъ въ то самое время, когда онъ, вышедши изъ стана, искалъ продовольствія. Надобно было имѣть дарованіе Цесаря, чтобъ избавится отъ сей первой напасти. Лабіенъ несомнѣвался въ побѣдѣ, и дѣйствительно поколотилъ Цесаря, но немогъ, или неумѣлъ, одержать побѣды. Цесарь, хотя съ урономъ, въ порядкѣ возвратился въ станъ свой.

Вскорѣ потомъ прибылъ Сципіонъ съ такою же многочисленною арміею, состоящею изъ осьми легіоновъ пѣхоты съ двумя тысячами конницы. Положеніе Цесаря сдѣлалось самое ненадежное. Онъ былъ запертъ въ пространствѣ неболѣе десяти верстъ въ окружности, претерпѣвая вовсемъ недостатокъ, особливо конница неимѣла подножнаго корму. Къ умноженію же опасности Юба вышелъ изъ своего Цар-

ства со всею арміею своею для соединенія съ Сципіономъ; но ни что немогло ослабить бодрости въ Цесарѣ. Чемъ болѣе была опасность, тѣмъ сильнѣйшія принималъ онъ мѣры къ преодолѣнію предстоящаго бѣдствія. По недостатку войскъ вывелъ съ судовъ матрозовъ и размѣстилъ ихъ въ пѣшей арміи; укрѣпилъ станъ свой глубокими рвами, и обезопасилъ сообщеніе съ моремъ и съ городомъ Руспиномъ, единственнымъ его убѣжищемъ. На Юбу поднялъ одного Африканскаго владѣльца, подкрѣпленнаго Сицціемъ (*), и чрезъ

(*) Сицці́й, замѣшанный въ заговорѣ Катилины, убѣжалъ въ Африку и, собравъ изъ недовольныхъ небольшей корпусъ, служилъ онымъ Африканскимъ владѣльцамъ изъ платы и продовольствія. Мужество и устройство дружины его было причиною, что та сторона, къ которой онъ приставалъ, почти всегда оставалась побѣдоносною, и чрезъ то доставила Сиццію уваженіе и довольно порядочное продовольствіе. Коль же скоро Юба выступилъ въ походъ, то Сицці́й, по стариннымъ связямъ съ Цесаремъ и по приглащенію его, тотчасъ напалъ съ однимъ Княземъ на владѣнія Мавританскаго Царя, овладѣлъ его столицею и чрезъ то отвелъ онъ соединенія съ Сципіономъ.

то заставилъ его воротится для защиты собственныхъ владѣній; послалъ строгіе приказы въ Сицилію, поспѣшить отправленіемъ старыхъ легіоновъ, несмотря ни накакую погоду и препятствія; разослалъ такъ же прокламаціи и по Африканскимъ городамъ, извѣщая о прибытіи своемъ. Сіи прокламаціи нѣсколько подѣйствовали, ибо многіе города, раззоренные Сципіономъ, прислали къ Цесарю депутатовъ съ жалобами, а одинъ городъ впустилъ и гарнизонъ Цесаревъ.

Цесарь неупустилъ изъ виду и самыя войски непріятельскія. Многіе полки набраны были Сципіономъ въ Гетулліи и Нумидіи. У сихъ народовъ имя Маріево было въ великой славѣ и почтеніи. Цесарь постарался внушить чрезъ перемѣтчиковъ своихъ, что онъ ближній родственникъ Марію, и приглашаетъ стать Африканцевъ подъ знамена начальника почитаемой ими фамиліи. По симъ внушеніямъ многіе Африканцы перешли въ станъ Цесаревъ. Въ слѣдъ затѣмъ прибылъ значительный транспортъ съ войсками и запасами изъ Сициліи. Сіе вспоможеніе

привело Цесаря въ возможность выступить изъ окоповъ своихъ и начать непріятельскія дѣйствія. На первой стычкѣ Цесарь одержалъ надъ конницею побѣду, но по недостатку войскъ немогъ приступить къ валовому дѣйствію.

Между тѣмъ Юба, по настоятельному приглашенію Сципіона, отправился къ нему на помощь, оставя противъ Сицція достаточную часть войска. Цесарь, желая разогнать страхъ въ Легіонахъ своихъ, объявилъ, что Юба ведетъ съ собою 10 легіоновъ пѣхоты, 30 тысячь конницы и 300 слоновъ, и потому несовѣтовалъ страшится непріятеля и развѣдывать о числѣ его войска. Когда же Юба прибылъ съ войскомъ гораздо меньшимъ противъ объявленнаго, то хитрость Цесарева получила ожидаемое дѣйствіе; ибо воины Цесаревы, увидя непріятеля гораздо въ меньшемъ числѣ, перестали страшится его. Немного спустя прибыли къ Цесарю и остальныя войски, въ томъ числѣ и десятый легіонъ безъ позволенія переѣхалъ въ Африку и предложилъ старому начальнику услуги

свои. Время приближалось къ рѣшительному сраженію. Въ нѣсколькихъ небольшихъ сшибкахъ Цесарь замѣтилъ въ Африканцахъ новый образъ войны, незнакомый его войскамъ, и потому нетеряя времени обучилъ свои Легіоны принаровливатся къ африканскимъ уловкамъ; привелъ такъ же въ станъ свой нѣсколько слоновъ, указавъ воинамъ слабыя мѣста, въ которыя надлежало бить ихъ, и подводилъ свою конницу, дабы приучить лошадей не страшится сихъ животныхъ.

Приготовя такимъ образомъ армію свою къ валовому дѣйствію и желая вызвать непріятеля на битву, Цесарь осадилъ приморской городъ Тапсъ. Сципіонъ и Юба отправились на защиту города, но Цесарь захватилъ дорогу и тѣмъ остановилъ непріятелей. Когда они начали разбивать станъ свой, въ то время войски Цесаревы, по данному ли приказу отъ начальника, или по собственной своей горячности, открыли сраженіе. Разсказываютъ, что Цесарь неимѣлъ участія въ семъ дѣлѣ. Въ ту самую минуту, когда началось сраженіе, схватили его судорожные

припадки. Онъ отнесенъ былъ на ближнюю башню. Но побѣда и безъ него была полная. Всѣ три стана взяты, и до десяти тысячь непріятелей положено на мѣстѣ, прочіе разбѣжались въ разныя стороны. Главные начальники Сципіонъ, Лабіенъ, Афраній и Петрей такъ же разбѣжались, незаботясь собрать сильныя еще остатки разбитой арміи своей. Напротивъ того Цесарь, одержавъ побѣду, неоставался ни на одинъ день въ праздности. Онъ оставилъ три Легіона при Тапсѣ, два при Тиздрѣ, а съ остальною арміею подъ личнымъ начальствомъ своимъ пошелъ къ Утикѣ, защищаемой Катономъ.

Здѣсь въ послѣдній разъ встрѣчаемся мы съ симъ великимъ мужемъ. Утическіе жители, особливо знатнѣйшее купечество, по роду занятія своего нелюбило войны и внутренно предано было Цесарю. По сей причинѣ Сципіонъ и Юба, съ самаго начала войны, назначили сей городъ къ разрушенію; но Катонъ, врагъ всякаго насилія, недопустилъ кровожадныхъ мстителей до расхищенія и истребленія знатнѣйшаго въ Африкѣ города, заступившаго мѣсто

Карфагена. Онъ взялся, какъ замѣчено уже, быть въ немъ комендантомъ. Многіе Сенаторы и другіе знатнѣйшіе Римляне оставались въ немъ же въ ожиданіи, какой оборотъ примутъ военныя дѣла.

Катонъ видѣлъ неспособность Сципіона и ошибки его въ распоряженіяхъ, и потому нѣсколько разъ посылалъ къ нему нарочныхъ съ добрыми совѣтами. Но Сципіонъ, презрѣвъ совѣты его, допустилъ Цесаря восторжествовать надъ собою. Когда же извѣстіе о побѣдѣ Цесаревой при Тапсѣ пришло въ Утику, то весь городъ пришелъ въ волненіе. Богатые граждане, въ числѣ трехъ сотъ человѣкъ, готовились предать городъ, вмѣстѣ съ Катономъ и со всѣми Римлянами, въ руки побѣдителя; другіе искали спасенія въ бѣгствѣ; нѣкоторые удалились въ Царство Юбино; но главнѣйшее убѣжище противной стороны открылось въ Испаніи. Катонъ съ самаго еще начала присовѣтовалъ дѣтямъ Помпеевымъ удалится въ сію провинцію, въ которой имя Помпеево было въ великомъ почтеніи. И дѣйствительно они нашли тамъ силь-

ную партію, и привели себя въ безопасность.

Катонъ видя, что невозможно защитить города по нерасположенію къ тому жителей, объявилъ всѣмъ на волю принимать мѣры, кто какіе пожелаетъ. Богатые граждане рѣшились отправить къ Цесарю посольство, предоставляя судьбу свою на его великодушіе. Многіе Сенаторы и прочіе Римляне изъявили желаніе, удалится въ Испанію. Катонъ далъ имъ суда и всѣ нужные на дорогу припасы. Между тѣмъ личнымъ присудствіемъ, наблюдая въ городѣ тишину, принялъ всѣ мѣры къ скорѣйшему отправленію спасающихся. Цѣлыя сутки протекли въ сихъ занятіяхъ. Наконецъ, когда все утихло, Катонъ пригласилъ къ себѣ на ужинъ оставшихся Римлянъ и знатнѣйшихъ Утическихъ начальниковъ. Застоломъ зашелъ разговоръ о Философіи. Катонъ, будучи ревностнымъ стоикомъ, хвалилъ правила Зенона и доказывалъ, что одинъ мудрый воленъ въ самомъ себѣ; напротивъ того порочные люди суть невольники страстей своихъ. Гости за-

мѣтили изъ разговора намѣреніе Катона, и замолчали.

Послѣ стола Катонъ прощался со всѣми съ горячностію болѣе обыкновенной, что еще болѣе подтвердило подозрѣніе. Проводя гостей Катонъ ушелъ въ спальну и, взявъ разговоръ Платоновъ о безсмертіи души, прочиталъ его до половины въ постелѣ; между тѣмъ, взглянувъ на стѣну и невидя меча, кликнулъ слугу и спросилъ: гдѣ мечь его? Слуга молчалъ. Катонъ занялся опять чтеніемъ, и когда прочиталъ весь разговоръ, началъ настоятельно требовать меча своего; но никто неприносилъ его. Катонъ вышелъ изъ терпѣнія и ударилъ одного слугу по щекѣ. Тогда вбѣжалъ сынъ Катоновъ съ друзьями своими и со слезами признался, что онъ вовремя стола приказалъ убрать мечь, когда услышалъ похвалу его стоической Философіи. А развѣ ты думаешь, что я глупѣе тебя, и хочешь быть моимъ попечителемъ, перехватилъ Катонъ? Послѣ сихъ словъ мечь былъ принесенъ, и Катонъ, поговоря немного съ философомъ Димитріемъ Аполлонійскимъ, легъ въ пос-

телю. Въ полночь призвалъ двухъ вѣрныхъ отпущенниковъ своихъ, изъ коихъ одному приказалъ перевязать руку, ушибенную при ударѣ слуги; а другаго послалъ на пристань узнать, всѣ ли суда отвалили отъ берегу, и неостался ли еще кто въ городѣ, кому бы нужна была его помощь. Посланный возвратился и донесъ, что суда всѣ отправились въ путь, кромѣ одного Крассова, которому вѣтръ препятствуетъ отвалить отъ берега. Катонъ вздохнулъ и пожалѣлъ объ участи тѣхъ, которыхъ щастіе зависитъ отъ воли вѣтровъ. Погодя немного опять послалъ тогоже отпущенника на пристань за тѣмъ же дѣломъ, и когда сей донесъ, что никого не осталось у пристани, Катонъ отпустилъ его и заперся въ спальнѣ. Вскорѣ послѣ того онъ прокололъ себя мечемъ пониже груди; но видно боль въ рукѣ недопустила его дать сильнаго удара, отъ чего онъ, метавшись на постелѣ, упалъ наполъ и опрокинулъ на себя стоявшій подлѣ постели столикъ. На стукъ вбѣжалъ сынъ его съ своими знакомыми и слугами. Катонъ лежалъ въ безпамятствѣ. Домашній лѣкарь осмотрѣвъ рану нашелъ, что внутренно-

сти не повреждены, и готовился высунувшіяся кишки вложить на мѣсто и зашить рану. Въ сію минуту Катонъ приходитъ въ чувство, и видя лѣкаря, старающагося о спасеніи его жизни, заноситъ руку къ ранѣ и, вырывая внутренность свою, умираетъ.

Одни писатели похваляютъ рѣшительность Катонову въ самопроизвольной смерти, другіе напротивъ охуждаютъ его за сей поступокъ...

Катонъ умеръ на 48 годѣ отъ рожденія, за 46 лѣтъ до Р. Х. По городу Утикѣ, которой онъ спасъ отъ разрушенія и въ которомъ прекратилъ жизнь свою, прозванъ онъ Катономъ Утическимъ, въ отмѣну отъ Катона Цензора прадѣда его. Смерть Катонова разнеслась по городу въ одно мгновеніе, и всѣ граждане, забывъ Цесаря подъ стѣнами, бросились отдать послѣдній долгъ великому мужу великолѣпнымъ погребеніемъ. Самъ Цесарь позавидовалъ Катону, что онъ лишилъ его чести даровать жизнь ему. Можетъ быть Цесарь сказалъ сіе по глубокой политикѣ своей. По крайней мѣрѣ Плутархъ думаетъ,

что Цесарь не захотѣлъ бы помрачить славы своей убіеніемъ гражданина столь добродѣтельнаго.

Цесарь, прибывъ въ Утику, осудилъ гражданъ на заплату денежной пѣни; такому же наказанію подвергнулись и другіе города, державшіе противную сторону. Юба съ Петреемъ убѣжали въ Мавританію, и хотѣли укрыться въ Замѣ; но жители не впустили ихъ, и они принуждены были сами себя лишить жизни. Фавстъ Силла и Афраній, съ остаткомъ конницы до пяти тысячь, встрѣтились съ Сицціемъ, побѣдителемъ полководца Юбина въ Мавританіи. Корпусъ ихъ разсѣянъ; сами они взяты въ плѣнъ и отданы Цесарю, который приказалъ ихъ обоихъ умертвить за то, что Афраній былъ уже прощенъ въ Испаніи; а Фавстъ Силла былъ зять Помпею и сынъ Диктатора Силлы, къ которому Цесарь имѣлъ личную ненависть. Метеллъ Сципіонъ также погибъ въ Африкѣ. Онъ, убѣжавъ съ мѣста сраженія, скрывался нѣсколько времени и наконецъ, собравши подъ свое начальство до 12 судовъ, поплылъ въ Испанію; но буря прибила его къ Гиппону, гдѣ и

былъ окруженъ Сицціевыми судами. Не имѣя ни какой надежды къ спасенію, онъ самъ себя умертвилъ. Разсказываютъ, когда воины Сицціевы бросились на судно и крычали: гдѣ же начальникъ? умирающій Сципіонъ отвѣчалъ: онъ уже въ безопасности.

Такимъ образомъ пала въ Африкѣ сильная сторона Помпеева, а вмѣстѣ съ оною и Царство Мавританское превращено въ Римскую провинцію, только столица онаго отдана Сиццію за услуги его. Цесарь, обложивъ Африканскіе города денежною пѣнею и распродавъ имѣніе Римлянъ противной стороны, возвратился въ Римъ, употребивъ на покореніе Африки менѣе полугода.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Единоначаліе Юлія Цесаря. Тріумфы его. Походъ въ Испанію на сыновей Помпеевыхъ. Заговоръ на жизнь и смерть его. Произшествія двухъ лѣтъ, отъ 46 до 44 года до Р. Х.

Цесарь, по возвращеніи изъ Африки, началъ спокойно пользоваться насильно

похищенною имъ властію. Онъ имѣлъ уже титла Диктатора и Консула; но Сенатъ, желая ласкательствомъ подслужиться еще болѣе, поднесъ ему Диктаторство на десять лѣтъ, чинъ блюстителя нравовъ на три года; сверьхъ того опредѣлилъ четыредневное молебствіе за побѣды въ Африкѣ, и поставилъ въ Капитоліи противъ Юпитера статую Цесареву съ надписью: Цесарю полу-богу. Цесарь имѣлъ слабость принять сіе почтеніе, внушенное страхомъ и лестію за истинное, обѣщалъ Сенату и народу употребить власть свою на благоденствіе подпавшихъ владычеству его, и кратковременное правленіе его доказало, что онъ почти сдержалъ свое слово.

Мирное состояніе державы, кромѣ неважнаго движенія въ Испаніи, подало Цесарю досужное время торжествовать побѣды свои. Четыре тріумфа сряду одинъ за другимъ были наградою военныхъ подвиговъ его. Однакожъ Цесарь не рѣшился искушать терпѣніе Римлянъ побѣдами надъ Помпеемъ и дружиною его. Первый тріумфъ назначенъ былъ за покореніе Галліи, второй за побѣды

надъ Испанцами, третій за пораженіе Фарнака, а четвертый за покореніе Царства Мавританскаго. Украшеніемъ сихъ тріумфовъ было множество плѣнныхъ чиновниковъ, нѣсколько особъ изъ Царскаго рода, отнятыя добычи и картины съ изображеніемъ перейденныхъ Цесаремъ земель, рѣкъ, морей и океяна, и Государствъ имъ покоренныхъ. Но человѣку на землѣ непредоставлено вкушать полнаго удовольствія. Воины, сопровождавшіе въ тріумфахъ побѣдителей, имѣли обычай съ давнихъ временъ изображать въ площадныхъ и даже сквернословныхъ пѣсняхъ характеръ героя своего. Въ тріумфахъ Цесаря своевольство сіе доведено было до высочайшей степени. Ни что не было пощажено въ его жизни. Не только представленъ онъ похитителемъ власти, но даже обнаружены и всѣ пороки его молодости, и возобновлено подозрѣніе на щетъ поведенія его при дворѣ Никомедовѣ.

За тріумфами послѣдовали щедрыя награды и великолѣпныя зрѣлища. Каждый рядовой воинъ, кромѣ пожалованной земли, получилъ въ награду по 20 тысячь сестерцій наличными деньгами;

сотники получили въ двое, военные трибуны и всадники въ четверо. Бѣдные граждане такъ же неоставлены безъ вспоможенія. Каждому выдано по 10 четвериковъ пшеницы, по 10 фунтовъ масла и по 400 сестерцій деньгами. До 150 тысячь гражданъ получили сію милость. Сверьхъ того выставлено было на улицахъ и площадяхъ до 22 тысячь столовъ съ кушаньемъ и виномъ для угощенія народнаго.

По окончаніи торжествъ и наградъ Цесарь приступилъ къ другимъ важнѣйшимъ занятіямъ. Уменьшеніе народа отъ междоусобныхъ браней дѣлало сильный проломъ въ державѣ. Цесарь узаконилъ вспомоществовать въ содержаніи отцамъ многочисленныхъ семействъ; запретилъ гражданамъ отъ 20 до 40 лѣтъ отлучаться на долгое время изъ Италіи, и издалъ нѣкоторыя другія, способствующія къ размноженію народа узаконенія.

Расточительная жизнь богатыхъ гражданъ такъ же неупущена изъ виду. Запрещено носить ежедневно, кромѣ торжественныхъ дней и состоящимъ

въ должностяхъ, нарядное платье, и ограничены издержки на столовое содержаніе. Для умноженія же способовъ пропитанія бѣднымъ людямъ, запрещено владѣльцамъ земель употреблять на полевыя работы болѣе двухъ третей крѣпостныхъ рабовъ, а третью часть предписано брать изъ вольнонаемныхъ.

Свободныя науки и врачебное искусство получили въ Римѣ при Цесарѣ особыя права и награжденія, особливо исправленіе запутаннаго лѣтосчисленія дѣлаетъ Цесарю честь въ его ученыхъ познаніяхъ. До его правленія годъ у Римлянъ находился въ крайнемъ замѣшательствѣ, и состоялъ иногда, смотря по надобности вельможъ и откупщиковъ, цѣлымъ мѣсяцомъ долѣе, или короче, а послѣдній годъ продолжался 445 дней. Цесарь призвалъ изъ Александріи Астронома Созигена и, при посредствѣ его познаній, издалъ календарь, названный по имени его Іуліянскимъ...

Естьли бы Цесарь остановился на однихъ полезныхъ узаконеніяхъ, и постарался бы искоренить въ правительствѣ тѣ злоупотребленія, въ которыхъ

самъ былъ главнѣйшимъ участникомъ, то могъ бы заслужить безсмертную славу и вѣчное уваженіе къ себѣ отъ современниковъ и потомства. Но Цесарь нерожденъ быть справедливымъ, и потому не могъ быть правосуднымъ. Щедрость его и милосердіе выходили изъ предѣловъ справедливости. Онъ унизилъ достоинство Сенаторовъ, награждая симъ отличнымъ званіемъ многихъ иностранцевъ, особливо приверженныхъ къ нему негодяевъ и явныхъ злодѣевъ. Онъ даже хвалился тѣмъ, что готовъ награждать всякаго, хотя бы онъ былъ разбойникъ или грабитель, только бы усердно служилъ ему. Въ семъ отношеніи Цесарь явно презиралъ и законы и права народовъ, и игралъ судьбою людей для одной своей личности. Такой человѣкъ, пренебрегающій всѣми приличностями и обязанностями къ обществу, недостоинъ и самъ наслаждаться сообществомъ людей.

Прибытіе въ Римъ Клеопатры съ малолѣтнымъ братомъ, супругомъ своимъ, и съ лишкомъ дружеское обхожденіе Цесаря съ сею Царицею, подало Римлянамъ новый поводъ къ неудовольствію

на Цесаря. Но сильныя движенія, произведенныя въ Испаніи сыновьями Помпея, заставили Цесаря оставить на время Римъ для наказанія послѣднихъ, явно вооруженныхъ непріятелей его.

Замѣчено уже, что Цесарь, по разбитіи Афранія и Петрея въ Испаніи, оставилъ правителемъ оной Кассія Лонгина. Но сей начальникъ былъ неспособенъ управлять ни Испанцами, ни Римлянами, и вообще можно сказать, что злость и корыстолюбіе большей части намѣстниковъ Цесаревыхъ не дѣлаетъ ему чести въ выборѣ правителей, и неудовольствіе на Лонгина простерлось до того, что два Испанскіе легіона, бывшіе подъ начальствомъ Варроновымъ при Помпеѣ, пристали къ недовольнымъ. Но паденіе въ Греціи Помпеевой стороны, сила Проконсула Лепида и прибытіе Требонія съ новыми войсками укротили на короткое время возмущеніе.

Когда же Помпеева сторона усилилась опять въ Африкѣ, то недовольные въ Испаніи предложили Метеллу Сципіону услуги свои, и просили прислать начальника. По сей прозьбѣ старшій

сынъ Помпеевъ Кней отправился въ Испанію и, принимая въ службу всѣхъ безъ разбору, успѣлъ въ короткое время собрать армію въ 13 легіоновъ. По разбитіи Сципіона въ Африкѣ, остатки разсѣянной арміи частію спаслись въ Испанію и соединились съ Кнеемъ; братъ его Секстъ, Лабіенъ и Варръ привели туда же нѣсколько военныхъ судовъ, остававшихся подъ начальствомъ Помпеевой стороны. Пребываніе же Цесаря послѣ Африканской войны въ Римѣ, подало молодому Помпею средство усилить партію свою, и привлечь къ себѣ большую часть Испаніи. Оставленные Цесаремъ намѣстники принуждены были уступить силѣ, и просили самаго Цесаря поспѣшить на помощь, естьли не хочетъ потерять Испаніи.

Цесарь прискакалъ туда прежде, нежели пришло извѣстіе о выѣздѣ его изъ Рима. Помпей, собравъ силы свои, укрѣпился въ одной Бетикѣ, имѣя отъ жителей сей провинціи болѣе прочихъ къ себѣ расположенія. Цесарь хотѣлъ рѣшить дѣло съ обыкновенною своею торопливостію; но Помпей, уклоняясь отъ валоваго сраженія, проволочилъ войну

небольшими сшибками и движеніями нѣсколько мѣсяцовъ. Наконецъ обѣ арміи сошлись по близости города Мундъ въ нынѣшней Гренадѣ. Помпей расположилъ армію свою на возвышеніи и, опасаясь уклоненіемъ отъ битвы ослабить мужество въ сподвижникахъ своихъ, рѣшился дать валовое сраженіе. Цесарь давно искалъ сего случая и, построя армію свою въ боевой порядокъ, пошелъ на непріятеля. Онъ имѣлъ подъ начальствомъ своимъ 8 легіоновъ, а Помпей 13. Рѣдко бывало столь упорное сраженіе, какъ сія послѣдняя битва. Войски Помпеевы, неожидая себѣ ни какой пощады, дрались отчаянно; легіоны Цесаревы, привыкшіе къ побѣдамъ, не хотѣли лишиться прежней славы; однакожъ они подломились отъ мужества непріятелей. Самъ Цесарь ни когда не бывалъ въ такой опасности. Сражаясь прежде для славы, теперь долженъ былъ защищать собственную жизнь свою. Онъ кричалъ своимъ воинамъ: нестыдно ли вамъ предать молокососу старика, въ лаврахъ посѣдѣвшаго? но все было бы бесполезно, естьлибъ особое щастіе и острота Цесарева непослужили ему.

Мавританской владѣлецъ, союзникъ Цесаревъ, желая во время сраженія воспользоваться добычею, напалъ на станъ Помпеевъ. Лабіенъ, опасаясь потери стана, отрядилъ пять когортъ на отраженіе Африканца. Цесарь, воспользуясь сею минутою, вскричалъ: непріятель бѣжитъ отъ насъ! сей крикъ тотчасъ подхваченъ войсками и проникъ до арміи непріятельской, приведя сію въ робость, а другой придалъ мужества. Воины Цесаревы ободрились, напрягли послѣднія силы и сломили ряды Помпеевы. Вскорѣ побѣда сдѣлалась полною. Лабіенъ, Варръ и до тридцати тысячь рядовыхъ и всадниковъ легло на мѣстѣ; остатокъ разбитой арміи скрылся въ станъ и въ городъ Мунду. Но станъ тотчасъ былъ взятъ, и городъ, по мѣсячномъ отчаянномъ сопротивленіи, осиленъ. Старшій сынъ Помпеевъ, тяжело раненый, скрылся въ одной пещерѣ; но былъ найденъ, умерщвленъ и голова его отослана къ Цесарю. Младшій, Секстъ Помпей, во время Мундскаго сраженія находился въ Кордуѣ и, узнавъ о разбитіи брата своего, скрылся въ горахъ Целтиберіи, и принужденъ былъ нѣсколь-

ко времени содержать себя съ небольшею дружиною грабежемъ и разбоемъ.

Такимъ образомъ посѣчены въ Испаніи послѣдніе отрасли стороны Помпеевой. Отпавшіе отъ Цесаря города наказаны денежною пѣнею. Здѣсь юный Октавій въ первый разъ является заступникомъ приговоренныхъ къ наказанію, особливо Сагунтинцы по ходатайству его получили себѣ прощеніе.

Цесарь, возвратясь въ Римъ, къ общему неудовольствію гражданъ назначилъ себѣ тріумфъ надъ побѣжденною стороною. Онъ позволилъ даже отправить подобные два тріумфа и намѣстникамъ своимъ. Но народъ былъ недоволенъ и, по склонности къ насмѣшкамъ, нашелъ случай позабавиться надъ сими тріумфами. Изображеніе городовъ въ тріумфѣ Цесаревомъ выдѣлано было изъ серебра и слоновой кости, а у намѣстниковъ его изъ дерева. Сіе подало случай говорить въ насмѣшку, что послѣдніе тріумфы были ни что иное, какъ футляры Цесарева.

Но не таковъ былъ образъ мыслей въ Сенатѣ, привыкшемъ уже къ ласка-

тельству. Тамъ опредѣлено было продолжительное молебствіе за истребленіе враговъ, поднесены Цесарю титла Императора въ смыслѣ главнокомандующаго надъ всѣми войсками, отца отечества, Консула на 10 лѣтъ и безсмѣннаго Диктатора. Сверьхъ того особа его объявлена священною, неприкосновенною; одинъ мѣсяцъ въ году названъ по имени его Юліемъ, опредѣлено почетное мѣсто на зрѣлищахъ и въ собраніяхъ, и предоставлено право завсегда носить на головѣ лавровой вѣнокъ.

Цесарь, упоенный ласкательствомъ, запутался въ сѣтяхъ, предъ нимъ раскинутыхъ. Онъ съ жадностію принялъ всѣ поднесенные ему чины и титла, кромѣ одного Консульства, которое старался привести въ слабость и презрѣніе. Послѣднее же преимущество, лавровой вѣнокъ, принялъ съ радостію потому болѣе, что былъ плѣшивъ со лба и могъ прикрыть сей недостатокъ, ибо онъ, не смотря на старость, хотѣлъ щеголять своею наружностію.

Цесарь, по власти Диктаторской, управлялъ дѣлами одинъ безъ помощи

Консуловъ, и только для означенія времени избиралъ ихъ подъ конецъ каждаго года. Такимъ образомъ въ текущій годъ избраны были Консулы на послѣднie три мѣсяца, и когда одинъ изъ нихъ скончался на канунѣ послѣдняго дня, то Цесарь назначилъ на его мѣсто на одинъ день новаго Консула. Цицеронъ, по склонности къ острымъ словамъ, сказалъ при семъ случаѣ, что Канидій былъ самый неусыпнѣйшій изъ всѣхъ Консуловъ, ибо не смыкалъ глазъ во время своей должности.

Цесарь награждалъ чинами и должностями преданныхъ себѣ людей безъ всякаго постановленнаго законами порядка, и только для виду давалъ иногда избранныхъ имъ чиновниковъ утверждать народными голосами. Онъ осмѣлился даже пожаловать юному Октавію, Цицерону и нѣкоторымъ другимъ Сенаторамъ достоинство Патриціевъ, чему въ Римѣ во все время Консульскаго правленія не было примѣра; ибо родъ Патриціевъ произходилъ отъ избранныхъ Ромуломъ и преемниками его Сенаторовъ, и былъ отличенъ отъ роду бла-

городныхъ, произшедшихъ отъ чиновъ курульныхъ.

Привычка къ славѣ военной недопустила Цесаря спокойно наслаждаться похищенною имъ властію. Окончивъ послѣднюю междоусобную войну въ Испаніи, онъ задумалъ, подобно Александру Македонскому, новый походъ на Парфянъ для отмщенія за смерть Красса и погибшей съ нимъ арміи. Отсюда намѣревался онъ зайти съ Восточной стороны Каспійскаго моря въ Скифію, покорить лежащіе на пути неизвѣстные тогда земли нынѣшней Россіи и Царства Польскаго, и возвратиться въ Римъ чрезъ Германію и Галлію такъ, чтобъ океянъ, по не вѣрному тогда землеописанію, омывалъ границы Римскихъ владѣній.

Какъ сіе предпріятіе требовало долговременной отлучки, то Цесарь назначилъ себя на будущій годъ Консуломъ, взявъ въ товарищи Марка Антонія, опредѣлилъ 16 преторовъ, 40 квесторовъ и многихъ другихъ чиновниковъ. Спѣшилъ такъ же украсить Римъ великолѣпными зданіями, изъ коихъ важнѣй-

шими могли быть, огромнѣйшій театръ и Марсовъ храмъ, величайшій изъ всѣхъ бывшихъ на землѣ до того времени. Къ симъ блестящимъ памятникамъ располагался присовокупить и другія, гораздо полезнѣйшія. Онъ хотѣлъ обсушить вредныя по испаренію болота Понтійскія, и превратить ихъ въ хлѣбородныя пашни; прокопать удобнѣйшій каналъ для теченія Тибра, и сочинить изъ всѣхъ древнихъ законовъ полной судебникъ или уложеніе; приказалъ ученому Варрону собрать Греческія и Латинскія сочиненія, и открыть библіотеку для народнаго просвѣщенія; такъ же приказалъ сочинить полное землеописаніе всѣхъ Римскихъ владѣній, съ означеніемъ дорогъ и поверстныхъ разстояній.

Много было у Цесаря и другихъ предпріятій, въ томъ числѣ возстановленіе Коринфа и Карфагена. Но самая пріятнѣйшая черта въ жизни Цесаревой была, милосердіе. Онъ объявилъ общее прощеніе всѣмъ противной партіи, и позволилъ беспрепятственно возвращаться въ Римъ; нѣкоторыхъ даже, какъ на примѣръ Брута и Кассія, опредѣлилъ къ первѣйшимъ должностямъ.

Насмѣшки и пасквили пропускалъ мимо ушей, почитая ихъ недостойными своего гнѣва. Приказалъ возстановить статуи Помпеевы, и оставилъ невредимыми статуи Силлы, котораго ненавидѣлъ и лично и по дѣламъ его.

По столь великому снизхожденію Цесарь могъ почитать себя въ безопасности отъ всякихъ злыхъ умысловъ, и могъ бы, подобно Периклу, удержать власть свою на одной любви къ нему народной. Но Цесарь неумѣлъ преодолѣть своей страсти. Неудовольствуясь мѣстомъ перваго чиновника въ величайшей на землѣ державѣ, захотѣлъ быть вѣнценоснымъ Государемъ и даже полубогомъ. Ему опредѣлены Божескія почести, воздвигнуты въ честь его храмы, приставлены жертвеннослужители, поставлены во всѣхъ храмахъ между богами его статуи, особливо двѣ, одна въ храмѣ Квириновѣ, а другая въ Капитолійскомъ, между истуканами древнихъ Царей и Брута, дѣлали непріятное впечатлѣніе въ народѣ и во всѣхъ защитникахъ низпроверженнаго Цесаремъ правленія. Первая напоминала Ромула, умерщвленнаго въ собраніи Сена-

та, а для второй истуканъ Брута грозилъ мщеніемъ за низпроверженіе законовъ. Но ласкательство не всегда умѣло наблюдать приличія. Положено издать еще законъ, по которому Цесарь, подражая восточнымъ Государямъ, въ правѣ былъ брать себѣ женъ, сколько пожелаетъ и которыя ему понравятся.

Можно сказать, что Цесарь помѣшался на семъ безумномъ ласкательствѣ, и когда Сенатъ поднесъ ему нѣсколько относящихся въ пользу его опредѣленій, то Цесарь, забывшись въ величествѣ своемъ, принялъ сіе августѣйшее сословіе неприподнявшись съ креселъ. Поступокъ, самъ по себѣ не важный, но онъ болѣе огорчилъ все собраніе, нежели самыя междоусобныя брани. Всѣ понимали такъ, что Цесарь, не уважая правительства, почитаетъ всѣхъ своими рабами. Неупустили замѣтить, что самъ Цесарь въ послѣднемъ тріумфѣ, когда проѣзжалъ мимо засѣданія народныхъ трибуновъ и увидѣлъ, что одинъ изъ нихъ Понтій Аквилла не всталъ съ своего мѣста, то не могъ удержаться, чтобъ тутъ же не закричать на трибуна; а послѣ, съ досады и въ на-

смѣшку, говорилъ всегда при обѣщаніяхъ своихъ: ежели впрочемъ Аквилла позволитъ.

Цесарь, не умѣя ограничить желаній своихъ, безпрестанно сѣялъ сѣмена ненависти противъ себя. Онъ часто давалъ чувствовать, чтобъ въ разговорахъ съ нимъ наблюдали рабскую почтительность и безусловно принимали бы слова его за настоящіе законы. Такой образъ мыслей приличенъ только законному Государю и его народу. Но ни Цесарь, ни Римляне ненаходились въ семъ состояніи. Первый, не будучи Государемъ ни по рожденію, ни по избранію, не могъ требовать себѣ правъ, однимъ Царямъ принадлежащихъ; послѣдніе видѣли въ Цесарѣ не болѣе, какъ сослуживца своего, а что еще хуже, незаконнаго похитителя Монаршей власти. Цесарь зналъ невыгодное о себѣ мнѣніе, и потому добивался всякими средствами, чтобъ поднесено было ему Царское титло.

Однажды, возвращаясь съ празднествъ Латинскихъ, приказалъ сообщникамъ своимъ поздравить его Царемъ

при въѣздѣ въ городъ. Народъ молчалъ и даже роппалъ. Цесарь тотчасъ отвѣчалъ поздравившимъ его: Я не Царь, а Цесарь. Въ другой разъ, неизвѣстно кѣмъ, возложенъ былъ вѣнецъ съ короною на статую Цесареву. Двое изъ народныхъ трибуновъ сорвали корону и, отыскавъ виновнаго, отдали его подъ судъ. Цесарь защитилъ подсудимаго и отрѣшилъ трибуновъ отъ должности. Но Маркъ Антоній послужилъ Цесарю еще усерднѣе. Во время луперкальныхъ празднествъ, когда Цесарь сидѣлъ на кафедрѣ во всемъ приличіи Царскаго достоинства, только безъ короны, Антоній поднесъ ему оную. Глухой шумъ народа заставилъ Цесаря отклонить предложеніе. Антоній повторилъ еще разъ, повергаясь къ ногамъ Цесаревымъ, какъ будто просилъ его униженно о принятіи короны. Глубокое молчаніе народа подало опять совѣтъ Цесарю несклоняться на прозьбу. Однакожъ Цесарь, снизходя къ Антонію, взялъ корону и, невозлагая на голову, положилъ на престолѣ своемъ. Но народъ еще далъ почувствовать неудовольствіе свое, и Цесарь принужденъ былъ отослать корону въ Капитолій, сказавши, что одинъ

Юпитеръ Царемъ въ Римѣ. Однакожъ приказалъ внести въ лѣтопись, что Консулъ Антоній по соизволенію народному подносилъ Цесарю, безсмѣнному Диктатору корону, но Цесарь отрѣкся отъ сей чести.

Такія комедіи доказываютъ, что похитители власти новѣйшихъ временъ имѣли Цесаря лучшимъ образцемъ своимъ. Цесарь, невозмогши удовлетворить желанія своего въ Римѣ, вознамѣрился достигнуть онаго, по крайней мѣрѣ, въ провинціяхъ. По сей причинѣ Котта нашелъ въ книгахъ Сивиллиныхъ, что Парфяне могутъ побѣждены быть только Царемъ. Полагаютъ, что намѣреніе Цесарево было, получивши Царское титло для Парфянской войны, остаться съ онымъ на всегда въ провинціяхъ, перенеся столицу въ Иліонъ или въ Александрію. Сообщники Цесаревы усердно хлопотали по сему дѣлу, и уже назначено было въ день Мартовскихъ идъ поднести ему корону. Но въ то же самое время, когда Цесарь готовился возложить на себя знаки Царскаго достоинства, составлялся страшный заговоръ на жизнь его. Въ Капитоліи у статуи

Брута видѣли надпись: да воскреснетъ Брутъ! а у Цесаревой: Брутъ за изгнаніе Царей былъ первымъ Консуломъ, а сей за уничтоженіе Консульства будетъ послѣднимъ изъ Царей. Къ живому же Бруту, бывшему тогда Преторомъ, нерѣдко подкидывали билеты съ надписью: ты спишь Брутъ.

Кассія почитаютъ первымъ зачинщикомъ заговора. Онъ есть тотъ самый, который привелъ въ Сирію отрядъ истребленной арміи Крассовой. Ненависть къ незаконному самовластію была природнымъ его свойствомъ. Разсказываютъ, что Кассій, будучи еще ребенкомъ, учился въ одной школѣ съ Фавстомъ Силлою сыномъ Диктатора, и когда услышалъ, что Фавстъ началъ хвастать правленіемъ отца своего, то Кассій ударилъ его по щекѣ. Родственники Силлы просили Помпея, наказать ребенка за его грубость. Помпей взялся разобрать дѣло, позвалъ обоихъ учениковъ предъ себя. Кассій, смотря на Силлу съ негодованіемъ, сказалъ при Помпеѣ: начни же разсказывать про свою обиду, чтобъ я снова попотчивалъ тебя пощечиной.

Брутъ, напротивъ того, былъ нрава тихаго, имѣлъ умъ глубокомысленный, образованный чтеніемъ и размышленіемъ. Онъ ни чего не предпринималъ важнаго по первому побужденію, но естьли что предпринималъ обдумавши, то производилъ съ непреодолимымъ постоянствомъ и рѣшительностію. Онъ не былъ дѣйствительно потомокъ древняго Брута, а произошелъ изъ другой Плебейской породы, съ давнихъ временъ вошедшей въ курульные чины. Но по сходству имени и по обстоятельствамъ признавали, или хотѣли признавать его отраслію древняго Патриційскаго рода, изгнавшаго Тарквинія. Онъ родился отъ сестры Катоновой Сервиліи (*), и былъ женатъ на дочери его Порціи. Родство съ Катономъ и природная склонность его къ наукамъ и размышленію удаляли его отъ всякаго насилія; но заговорщики несо-

---

(*) Цесарь, по любовнымъ связямъ съ Сервиліею, почиталъ Брута своимъ сыномъ, и имѣлъ къ нему родительскую горячность. Предъ Фарсальскимъ сраженіемъ онъ приказалъ воинамъ своимъ, неподнимать оружія на Брута, и естьли нельзя будетъ взять его въ плѣнъ живаго, то отпустить, не дѣлая ему ни какого вреда.

глашались приступить къ дѣлу, естьли Брутъ не будетъ у нихъ начальникомъ, и потому Кассію стоило великаго труда завлечь его въ умышляемое предпріятіе.

Надобно думать, что ненависть на самовластное правленіе Цесаря была уже съ-лишкомъ велика потому, что вошли въ заговоръ многіе изъ сподвижниковъ Цесаревыхъ, дѣйствовавшихъ на междоусобной брани съ его стороны. Въ числѣ сихъ были Требоній, Децимъ Брутъ и нѣкоторые другіе. Съ противной же стороны пристали Понтій Аквилла, Лабеонъ, Лигарій; сверхъ того вошли въ участіе Сервій Галба, два брата Сервій Каска и Тиллій Цимберъ, и Минуцій Базиль. Число всѣхъ, участвовавшихъ въ заговорѣ, простиралось до 60 человѣкъ, большею частію, Сенаторовъ и всадниковъ.

Заговорщики условились, убить Цесаря въ день Мартовскихъ идъ въ полномъ собраніи Сената, когда онъ долженъ былъ принять и возложить на себя корону для Парфянской войны. Хотя всѣ они намѣреніе свое содержали

въ великой тайнѣ, но невозможно было однакожъ скрыть ихъ совѣщаній. Цесарь зналъ о нощныхъ собраніяхъ, и даже подозрѣвалъ о составляющемся на жизнь его заговорѣ; но по великодушію своему немогъ увѣриться, чтобъ посягнули на жизнь его люди, имъ облагодѣтельствованные.

Историки разсказываютъ о предсказаніяхъ и предчувствіяхъ предъ смертію Цесаревою. Прорицатель Спурина объявилъ Цесарю, чтобъ онъ боялся Мартовскихъ идъ. Наканунѣ жъ сего дня, Цесарь ужиналъ у Лепида. За столомъ, или послѣ, сталъ подписывать нужные доклады, а гости между тѣмъ завели разговоръ: какая смерть можетъ быть легчайшая? Цесарь, вслушавшись въ разговоръ, отвѣчалъ: нечаянная. Но важнѣйшее предчувствіе случилось въ послѣднюю ночь. Калпурнія, супруга его, видѣла во снѣ, будто бы она держала Цесаря всего израненнаго и обагреннаго истекшею изъ ранъ кровію. Она испугавшись вскричала во снѣ и разбудила тѣмъ самаго Цесаря. Проснувшись, просила его остаться на тотъ день дома. Цесарю и самому непоздоровилось. Онъ

сталъ уже приказывать Антонію, распустить Сенатъ; но Децимъ Брутъ, стоявшій подлѣ, началъ уговаривать Цесаря, неоткладывать собранія, доказывая, что непристойно будетъ обидить августѣйшее сословіе, собравшееся для поднесенія ему короны; и что всѣ будутъ смѣяться, естьли начнетъ отлагать собранія, доколѣ Калпурнія неувидитъ пріятнаго сна. Оканчивая послѣдніе слова, взялъ Цесаря за руку и заставилъ, какъ бы насильно, слѣдовать на смерть, ему опредѣленную.

Философъ Артемидоръ, будучи вхожъ въ знатные домы и замѣтя злоумышленіе, развѣдалъ, сколько могъ, о заговорѣ и подалъ о томъ на дорогѣ Цесарю записку. Но увидя, что Диктаторъ, принимая прозьбы, отдавалъ ихъ нечитавши секретарю своему, подошелъ поближе къ Цесарю и попросилъ его, чтобъ онъ немѣшкавъ прочиталъ поднесенную записку по нужному для собственной его особы содержанію. Цесарь, по множеству толпившихся вокругъ его просителей, немогъ прочесть записки, однакожъ, неотдавая секретарю, держалъ ее въ рукѣ. Предъ входомъ въ Сенатъ

встрѣтился съ Спуриною и, вспомня предсказаніе его, сказалъ: вотъ и тридцатое Марта наступило! да, оно еще не прошло, отвѣчалъ Спурина.

Участники заговора были въ великомъ страхѣ по случаю сновидѣнія и совѣтовъ Калпурніи; потомъ едва было сами себя неоткрыли по нечаянной двусмысленности. Одинъ незнакомой, подойдя къ Каскѣ, сказалъ ему: вы таились отъ насъ, но Брутъ намъ все разсказалъ. Каска остолбенѣлъ отъ ужаса. Къ щастію его незнакомой договорилъ: развѣ вы такъ богаты стали, что просите едилитетства? Другое обстоятельство не меньше смутило заговорщиковъ. Сенаторъ Попилій Ленатъ, въ ожиданіи Цесаря, подошелъ къ Бруту и Кассію и сказалъ: желаю вамъ щастливаго успѣха въ вашемъ предпріятіи и прошу немѣшкать, ибо въ городѣ начали уже разсѣваться непріятные слухи; когда же увидѣлъ Цесаря, то вышелъ къ нему на встрѣчу, и говорилъ съ нимъ при входѣ въ Сенатъ очень долго и съ великимъ жаромъ. У заговорщиковъ волосы стали дыбомъ, а нѣкоторые ухватились даже за кинжалы въ намѣреніи, не-

отдаться живыми въ руки правосудія. Къ щастію ихъ Брутъ замѣтилъ просительный видъ въ Попиліѣ, и тихимъ мановеніемъ головы успокоилъ товарищей.

Едва успѣлъ Цесарь вступить на порогъ Сената, какъ Децимъ и Требоній заняли Антонія при входѣ разговорами, а прочіе проводили Цесаря до его мѣста. Когда онъ сѣлъ, Тиллій Цимберъ приступилъ первой просить о возвращеніи брата его изъ ссылки, прочіе присовокупили о томъ же свои прозьбы, и тѣмъ какъ бы окружили Цесаря. Цимберъ ухватился за полу одежды его, то былъ условный знакъ и средство, недопустить Цесаря приподняться. Въ ту минуту Каска, стоявшій позади Цесаря, поразилъ его кинжаломъ въ плечо. Цесарь вдругъ обернулся и укололъ его въ руку. Тогда всѣ заговорщики выхватили кинжалы свои, и одинъ изъ нихъ нанесъ смертельной ударъ прямо въ грудь. Кровь хлынула изъ раны. Цесарь, увидя уставленные со всѣхъ сторонъ кинжалы противъ себя и не находя ни какого средства къ спасенію, накинулъ тогу на свою голову и упалъ

къ подножію статуи Помпеевой. Другіе разсказываютъ, что Цесарь, увидя Брута съ кинжаломъ между убійцами, сказалъ ему съ чувствомъ: и ты сынъ мой противъ меня! и тогда уже не захотѣлъ защищаться отъ убійцъ, а старался только упасть въ пристойномъ положеніи.

Убійцы дали Цесарю 23 раны, изъ коихъ, какъ выше замѣчено, только одна по свидѣтельству доктора была смертельная. Цесарь убитъ на 56 годѣ отъ рожденія за 44 года до Р. Х. Слѣдовательно спустя только шесть лѣтъ отъ начатія имъ междоусобной брани. Нужно ли было на такое короткое время предпринимать Цесарю столько хлопотъ на себя для порабощенія отечества? настояла ли надобность и убійцамъ, неподождать смерти старика, и погубить преждевременно такого правителя, которому по уму, милосердію и военнымъ дарованіямъ не было въ древности подобнаго? вотъ два вопроса, на которыхъ основаны сужденія современниковъ и потомства...

Историки замѣтили, что всѣ пер-

вые тріумвиры: Цесарь, Помпей и Крассъ скончались насильною смертію.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Смятеніе въ Сенатѣ и въ Римѣ по смерти Цесаревой. Образованіе различныхъ партій. Новое тріумвирство Октавія, Антонія и Лепида на пораженіе противной стороны, подъ начальствомъ Брута и Кассія. Убійства и грабительство тріумвировъ. Два сраженія при Филиппіи и смерть Кассія и Брута, а вмѣстѣ съ ними паденіе и всей противной стороны. Произшествія двухъ лѣтъ, отъ 44 до 42 года до Р. Х.

Участники заговора, убивъ Цесаря, не приняли ни какихъ надежныхъ мѣръ къ возстановленію древняго законнаго правленія. Они надѣялись, какъ думали, на правость своего дѣла и полагали, что всѣ сословія по смерти Диктатора примутъ единодушное участіе въ ихъ предпріятіи, подобно какъ въ дѣлѣ древняго Брута. Но они обманулись въ своей надеждѣ. Римляне были уже не тѣ и не имѣли той любви къ отечеству, какою гордились въ первые вѣки Кон-

сульскаго правленія. Время, побѣды, завоеванія, богатство, роскошь и выгодныя должности измѣнили нравъ народной. Бѣдные граждане привыкли жить подкупами и подаяніемъ честолюбцевъ; воины продавали услуги свои тому, кто больше имъ заплатитъ; главные правители наживались отъ должностей. Однимъ словомъ, всѣ сословія думали о личной корысти, но ни кто о благосостояніи отечества.

Нельзя изобразить того ужаса, какимъ объяты были Сенаторы, неучаствовавшіе въ заговорѣ, когда увидѣли кинжалы, поднятые на пораженіе Цесаря. Они думали, что весь Сенатъ обреченъ на смерть, и потому всѣ бросились къ дверямъ. Тщетно Брутъ, поднявши кинжалъ, призывалъ къ слушанію рѣчи, которую намѣренъ былъ произнесть. Всѣ бѣжали, тѣсня другъ друга; сами Консулы, Антоній и Лепидъ, первые скрылись. Слухъ о совершенномъ въ Сенатѣ убійствѣ, тотчасъ разнесся и по городу, и привелъ всѣхъ въ движеніе. Одни запирали лавки, другіе хватались за оружіе, иные, воспользуясь минутою безпорядка, начали ломать и грабить, кому

что попалось. Убійцы неосмѣлились въ такомъ смятеніи бросить тѣла въ Тибръ по обыкновенію. Оно поднято рабами и отнесено въ домъ въ той же носилкѣ, въ которой Цесарь живой несенъ былъ до Сената.

Брутъ и товарищи его вышли на площадь, держа въ правой рукѣ окровавленные кинжалы, а лѣвую обернутую въ полу одежды своей, и успокоивъ нѣсколько народъ своими разговорами, вошли въ Капитолій. Консулы Антоній и Лепидъ такъ же старались привести себя въ безопасность, склоняя на свою сторону приверженныхъ къ Цесарю. Но какъ въ предпріятіи Брута не было ни какого насилія, кромѣ смерти одному Диктатору, то дѣло дошло до переговоровъ. Назначено созвать Сенатъ, и согласиться на его рѣшеніе.

Разномысліе Сенаторовъ произвело жаркіе споры, не поставя на мѣрѣ ни чего рѣшительнаго. Антоній воспользовался сею минутою и предложилъ вопросъ: ежели Цесаря признать незаконнымъ похитителемъ власти, то надобно будетъ уничтожить и всѣ поста-

новленія его; слѣдовательно и всѣ награды, чины и должности, чрезъ его полученные, надобно будетъ признать не дѣйствительными. Сей вопросъ, нечаянно предложенный и принаровленный къ личности большей части Сенаторовъ и прочихъ чиновниковъ, заставилъ признать законными всѣ Цесаревы постановленія; а признавши ихъ законными, невозможно было отказать Цесарю въ приличномъ погребеніи. Хотя постановлено въ томъ же опредѣленіи, не мстить за смерть Цесареву, однакожъ убійцы, для большей безопасности своей, выговорили въ управленіе себѣ надежныя провинціи. Брутъ взялъ Македонію, Кассій Сирію, Требоній Малую Азію, Тиллій Цимберъ Вифинію, Децимъ Брутъ оставленъ по прежнему правителемъ предъ Алпійской Галліи. Управленіе сими провинціями подавало убійцамъ средство, имѣть въ готовности войски и, въ случаѣ надобности, защитить себя вооруженною рукою.

Возстановленное спокойствіе и примиреніе всѣхъ партій продолжалось только до погребенія Цесарева. Антоній, захвативши канцелярію его и казну,

умѣлъ подготовить народъ къ новому возмущенію. Онъ взялся быть распорядителемъ погребенія и сказать надгробное слово. Тѣло выставлено было на кафедрѣ подъ великолѣпнымъ балдахиномъ. Срубъ для сожженія приготовленъ былъ на Марсовомъ полѣ. Волненіе умовъ началось при чтеніи завѣщанія, въ которомъ Бруту отказана часть наслѣдства, народу сады при Тибрѣ, а бѣднымъ по 300 сестерцій наличными деньгами. Такая щедрость и послѣ самой смерти склоняла сердца гражданъ въ пользу убитаго. Потомъ Антоній приказалъ прочесть Сенатское опредѣленіе, по которому особа Цесарева признана священною и неприкосновенною; далѣе привелъ на память присягу въ защитѣ Цесаря собственною каждаго жизнію. Когда же увидѣлъ, что народъ пришелъ въ жалость, развернулъ окровавленную тогу, въ которой показалъ всѣ диры, кинжалами проколотыя; наконецъ выставилъ на показъ восковое изображеніе Цесарево, на которомъ означены были всѣ раны, убійцами нанесенныя. Всѣ сіи знаки, принаровленные къ рѣчи самой умилительной, привели наконецъ въ ярость слушателей. Народъ побросалъ въ срубъ

судейскія столы и стулья, воины оружіе, а знатнѣйшія дамы уборы свои. Пламя распространилось до обывательскихъ домовъ, и могло бы часть города превратить въ пепелъ, естьли бы военная команда непотушила пожара. Однакожъ многіе схватили горящія головни и побѣжали зажигать домы убійцъ. Но сіи остереглись, поставя заблаговременно предъ домами своими добрую стражу.

Антоній увидя, что излишнею ревностію своею къ Цесарю, обратилъ на себя неудовольствіе Сената и всѣхъ благомыслящихъ гражданъ; но не имѣя еще довольно силы, явно обнаружить замыслы свои, постарался примириться съ Сенатомъ. Онъ, какъ замѣчено, захвативши въ свои руки бумаги Цесаревы и воспользуясь Сенатскимъ опредѣленіемъ, успѣлъ выдать подъ именемъ Цесаревымъ множество указовъ, особливо жалованныхъ грамотъ, не только частнымъ лицамъ, но и цѣлымъ городамъ; и собравъ сею беззаконною мѣрою великія суммы, предложилъ для примиренія съ Сенатомъ издать указъ, чтобъ всѣ, открывающіяся впредь подъ име-

немъ Цесаревымъ узаконенія щитать недѣйствительными; такъ же предложилъ уничтожить на всегда Диктаторство, и постарался укротить волненіе народное. Онъ сдѣлалъ еще болѣе. Желая выказать себя ревностнымъ защитникомъ древняго правленія, предложилъ вызвать скрывающагося въ Испаніи Секста Помпея и выдать ему изъ казны за потерю имѣнія 200 миліоновъ сестерцій. Сіе предложеніе нѣсколько времени спустя приведено уже въ исполненіе, и Сенатъ, предполагая въ юномъ Помпеѣ найти сильнаго защитника законовъ, выдалъ ему за конфискованное у отца его имѣніе 700 миліоновъ сестерцій; сверьхъ того опредѣлилъ главнокомандующимъ надъ морскими силами, что и подало ему въ послѣдствіи средство, тягаться съ новыми тріумвирами во власти.

Антоній, притворною ревностію къ аристократіи подслужась къ Сенату, испросилъ себѣ охранительную стражу для безопасности, какъ онъ говорилъ, отъ нападенія приверженнаго къ памяти Цесаревой народа. Но, подъ видомъ сего позволенія, набралъ цѣлый ле-

гіонъ изъ старыхъ и опытныхъ рядовыхъ и сотниковъ. Потомъ принялся за прежній промыселъ, продавать Цесаревы указы. Въ семъ безчестномъ промыслѣ поступилъ онъ съ такимъ безстыдствомъ, что ненаблюдалъ уже ни какого приличія, и часто продавалъ милости задними числами по такимъ дѣламъ, которыя случились послѣ смерти Цесаревой. Не было такого дѣла, котораго бы Антоній непродалъ. Жалованныя грамоты на право гражданства, на возвращеніе изъ ссылки, на роздачу казенныхъ земель продавались всякому безъ разбору, и получаемый отъ сего доходъ доставилъ Антонію неизщетныя суммы такъ, что онъ принималъ уже деньги отъ казначея своего не щетомъ, а вѣсомъ. Сверьхъ того получилъ онъ отъ Калпурніи, супруги Цесаревой, и похитилъ изъ храма богини оспы до 800 миліоновъ сестерцій.

Столь великія суммы и набранное войско подали наконецъ Антонію средство, явно обнаружить свои мысли. Онъ напалъ на Брута и Кассія, отнялъ у нихъ назначенныя Сенатомъ провинціи, Македонію взявъ себѣ, а Сирію отдалъ

товарищу своему Долабеллѣ. Сенатъ, неимѣя ни войскъ, ни денегъ, немогъ противиться замысламъ Антоніевымъ; однакожъ Брутъ, предвидя собирающуюся грозу, убѣдилъ участниковъ своихъ Требонія, Децима Брута и Цимбера тотчасъ отправиться въ провинціи свои; ему же и Кассію, по случаю занимаемой ими должности преторовъ, невозможно было отлучиться изъ Рима, да и въ Римѣ оставаться было опасно, между множествомъ приглашенныхъ Антоніемъ старыхъ воиновъ Цесаревыхъ. Сенатъ, желая прикрыть бѣгство ихъ благовиднымъ предлогомъ, поручилъ имъ ѣхать въ Сицилію для снабженія Рима продовольствіемъ.

Въ такомъ состояніи находилось при истеченіи года Римское правительство, какъ вдругъ явился въ Римъ молодой Октавій, усыновленный племянникъ Цесаревъ. Онъ во время смерти Цесаревой и послѣдовавшихъ смятеній проживалъ въ Аполлоніи; когда же увидѣлъ, что дѣло Цесарево приняло въ Римѣ лучшую сторону, то вознамѣрился вступить въ права свои и получить наслѣдство по завѣщанію. Дорогою за-

ѣхалъ онъ къ Цицерону, и успѣлъ обмануть и склонить сего стараго Сенатора на свою сторону. Трудность оставалась только въ примиреніи съ Антоніемъ, которой расточилъ уже большую часть наслѣдства Октавіева, и замышлялъ самъ овладѣть правленіемъ. Октавій, по ходатайству Цицерона, вскорѣ пріобрѣлъ благоволеніе отъ Сената, и вошелъ такъ же въ любовь у народа, забавляя его великолѣпными зрѣлищами и щедрыми подаяніями; ибо, вмѣсто отказанныхъ Цесаремъ неимущимъ по 300 сестерцій, выдалъ каждому въ двое. На сіи издержки онъ распродалъ не только оставшееся отъ Цесаря наслѣдство, но даже собственное свое, матери и вотчима своего имѣніе.

Антоній, опасаясь усиливающагося совмѣстника и видя приверженность къ нему Сената и народа, рѣшился поддержать себя оружіемъ. Онъ вытребовалъ изъ Македоніи одинъ легіонъ и, встрѣтя его въ Брундузіи, вошелъ съ онымъ въ Римъ какъ грозный побѣдитель. Однакожъ и Октавій не дремалъ въ бездѣйствіи. Сей такъ же успѣлъ набрать подъ начальство свое до десяти тысячь

старыхъ Цесаревыхъ воиновъ и, употребя политику дяди своего, переманилъ многихъ Антонiевыхъ воиновъ на свою сторону. Къ тому же и Цицеронъ усердно хлопоталъ въ Сенатѣ за Октавiя. Въ слѣдствiе сего Октавiю поручено отъ Сената защитить Римъ отъ наглости Антонiевой, которой, увидя приготовленную защиту и узнавъ объ отпаденiи Македонiи, бросился изъ Рима въ предъ Алпiйскую Галлiю, въ намѣренiи выгнать оттуда Децима Брута.

Въ продолженiе сихъ движенiй въ Италiи, Брутова сторона на Востокѣ получила неожидаемое могущество. Отправленный Антонiемъ Долабелла для отнятiя у Кассiя Сирiи, хотя успѣлъ сначала, проходя Iонiю, исплошить дружескими переговорами Требонiя и, схвативъ его въ Смирнѣ, предать жестокимъ мученiямъ; но коль скоро явился Кассiй въ Сирiю, то легiонные командиры вдругъ здали ему 8 легiоновъ, съ помощiю коихъ онъ овладѣлъ Сирiею, осадилъ Долабеллу въ Тарсѣ, Киликiйскомъ городѣ, и принудилъ его къ насильной смерти. Брутъ такъ же однимъ именемъ своимъ и добродушнымъ пове-

деніемъ, подчинивъ себѣ почти всю Грецію и Македонію, собралъ многочисленную армію со всемъ оружіемъ и деньгами, приготовленными Цесаремъ для Парфянской войны.

Такимъ образомъ не прошло одного года по смерти Цесаревой, какъ возникли въ правительствѣ три сильныя вооруженныя партіи. Сторона Брутова, подкрѣпляемая Сенатомъ и всѣми благомыслящими гражданами, старалась возстановить древнее законное правленіе; но она была удалена отъ Италіи, и не могла подать въ нетерпящемъ промедленія дѣлѣ скорой помощи. Остальныя двѣ партіи, Антоніева явно, а Октавіева двусмысленно, дѣйствовали каждая для личной своей пользы.

Осажденіе Антоніемъ Децима Брута въ Моденѣ побудило Сенатъ набрать войски отъ имени правительства. Вступившіе на 43 годъ до Р. Х. Консулы Гирцій и Панса, хотя внутренно преданы были Цесарю, но въ настоящихъ обстоятельствахъ не отказались помогать правительству. Они отправились съ набранными войсками противъ Ан-

тонія. Октавій присталъ къ нимъ же, и общими силами при двухъ жестокихъ сраженіяхъ успѣли они отбить Антонія отъ Модены и обратить въ бѣгство; но въ сихъ сраженіяхъ оба Консула лишились жизни. Октавій могъ бы настичь Антонія и довершить надъ нимъ побѣду; но онъ по хитрой политикѣ своей, недовѣряя Сенату, не захотѣлъ истребить совершенно врага своего, и допустилъ его спокойно удалиться на Алпійскія горы. Сенатъ, такъ же опасаясь Октавія, поручилъ начальство надъ Консульскими войсками Дециму Бруту, и хотѣлъ даже приневолить Октавія, здать команду сему же начальнику. Но во времена разврата опредѣленіе Сенатское легче было написать, нежели привести въ исполненіе. Октавій успѣлъ задобрить воиновъ, пріобрѣлъ случай поссориться съ Сенатомъ и послалъ намѣкнуть Антонію, что онъ худо понимаетъ общія ихъ пользы. Антоній прислалъ попросить поясненія, но Октавій отвѣчалъ: для догадливыхъ сказано много, а глупымъ сколько ни говори, все будетъ мало.

Къ симъ двумъ поборникамъ правительства вскорѣ пріобщился третій.

Емилій Лепидъ, бывшій товарищь Антоніевъ въ Консульствѣ 44 года, оставался правителемъ Нарбонской Галліи въ званіи Проконсула, и имѣлъ подъ начальствомъ своимъ сильный корпусъ. Расположеніе его могло дать перевѣсъ той партіи, къ которой пристанетъ. Сенатъ надѣялся на его дружбу. Но Лепидъ, хотя не имѣлъ личныхъ способностей, но по гордости своей вздумалъ играть важную ролю, а по приглашенію Октавія и Антонія принялъ ихъ сторону. Оставалось Октавію подкрѣпить себя чиномъ, и онъ, будучи только 20 лѣтъ отъ роду, вздумалъ проситься прямо въ Консулы, на мѣсто одного изъ погибшихъ на брани. Цицеронъ всею довѣренностію къ нему отъ Сената подкрѣпилъ сію прозьбу. Но Сенатъ несогласился удовлетворить Октавія, признавая требованіе его, какъ по молодости лѣтъ, такъ и по другимъ причинамъ не законнымъ.

Вскорѣ потомъ получено извѣстіе, что Антоній соединился съ Лепидомъ. Устрашенный Сенатъ разослалъ вторично указы къ Бруту, Кассію и въ Африку о присылкѣ войскъ въ Италію;

между тѣмъ, желая удержать Октавія на своей сторонѣ, послалъ къ нему нарочныхъ съ обѣщаніемъ Консульства. Лишь только нарочные уѣхали, получено извѣстіе о прибытіи изъ Африки двухъ легіоновъ. Сіе извѣстіе перемѣнило мысли Сената. Данъ приказъ привести Римъ въ оборонительное состояніе, на случай прибытія Октавія съ войсками. Онъ и дѣйствительно незамедлилъ приступить къ городу, отправя напередъ нѣсколько всадниковъ съ объявленіемъ жителямъ, чтобъ они оставались спокойными. Посланные выполнили порученіе съ наилучшимъ успѣхомъ, ибо не только жители, но и присланные изъ Африки легіоны, необнажая меча, впустили Октавія въ городъ.

Сенатъ, оставленный и жителями и войсками, принужденъ былъ принять законъ отъ двадцатилѣтняго юноши. Въ то же время разнесся слухъ, что два лучшіе легіона отложились отъ Октавія и вступились за дѣло законнаго правленія. Вдругъ Сенаторы ободрились, назначили ночью тайное собраніе. Цицеронъ первый, остановясь въ дверяхъ, соглашалъ входящихъ стоять за дѣло

правительства. Когда всѣ собрались, начали спрашивать другъ у друга о достовѣрности разнесшагося слуха; но ни кто не могъ подать яснаго въ томъ удостовѣренія, а напротивъ открылось, что пропущены нарочно ложные вѣсти. Тогда бодрость упала въ ноги. Всѣ побѣжали опрометью изъ Сената. Цицеронъ забѣжалъ даже за городъ. Октавій, посмѣявшись разыгранной комедіи, приступилъ къ дѣлу. Взявъ общенародную казну, роздалъ изъ оной войскамъ обѣщанное награжденіе, и не наблюдая ни какого законнаго порядка, нарѣкъ самъ себя Консуломъ; потомъ утвердилъ себя народными голосами во всѣхъ правахъ по завѣщанію Цесаря, и вынудилъ у Сената опредѣленіе, предоставляющее отмстить убійцамъ за смерть Диктатора. Въ слѣдствіе сего учредилъ особую коммисію для осужденія и наказанія убійцъ. Выкликали ихъ всѣхъ поимянно явиться къ суду. Но какъ ни кого изъ нихъ въ городѣ не было, кромѣ одного Каски, находящагося въ должности трибуна народнаго, то всѣ они осуждены за очно, а въ опредѣленіи приписано: и съ сообщниками ихъ. Сія приписка относилась на Секста Помпея и

на многихъ другихъ, неучаствовавшихъ въ заговорѣ, но опасныхъ для Октавія; по чему и сіи осуждены вмѣстѣ съ настоящими преступниками.

Оставалось привести въ силу опредѣленіе на осужденныхъ. Но главные изъ нихъ, Брутъ и Кассій, имѣли подъ начальствомъ своимъ 20 легіоновъ со всѣми восточными провинціями, и болѣе имѣли средства, совершить надъ самимъ Октавіемъ изданное на нихъ опредѣленіе. По сей причинѣ Октавій вышелъ изъ Рима подъ предлогомъ войны на Антонія и Лепида, въ самомъ же дѣлѣ для нападенія вообще съ ними на противную сторону. Онъ приказалъ товарищу въ Консульствѣ Педію, отмѣнить въ отсудствіе его опредѣленіе на Антонія и Лепида о признаваніи ихъ врагами отечеству. Они все трое, не имѣвши еще личнаго свиданія, по одной перепискѣ напали вдругъ на одного Децима Брута въ предъ Алпійской Галліи. Сей начальникъ съ корпусомъ изъ новонабранныхъ войскъ, немогши противиться соединеннымъ силамъ, располагался пройти въ Македонію къ Бруту; но Октавій заперъ ему проходы. Остава-

лась еще дорога чрезъ Германію. Но войски несогласились слѣдовать по пути неизвѣстному, и передались большею частію на сторону новыхъ тріумвировъ; другіе разбѣжались. Оставленный войсками Децимъ побѣжалъ съ десятью спутниками въ предназначенный путь, но былъ пойманъ на дорогѣ разбойниками и приведенъ къ атаману; а сей передалъ его Антонію, который приказалъ его умертвить и показать себѣ отрубленную голову, дабы увѣриться въ исполненіи приказанія.

По истребленіи Децимова корпуса, неоставалось въ Италіи и въ Галліи ни какихъ войскъ подъ властію Сената. Побѣдители, имѣя каждый собственные свои замыслы, вздумали однакожъ соединиться на пораженіе Брута и Кассія. Они сблизили свои арміи и условились о свиданіи. Маленькой необитаемой островокъ на рѣчкѣ Рено по близости Болоніи назначенъ былъ мѣстомъ свиданія. Октавій и Антоній, недовѣряя другъ другу, поставили каждой по пяти легіоновъ въ равномъ разстояніи. Лепидъ, не имѣя ни съ однимъ изъ нихъ личной ссоры, осмотрѣлъ напередъ

островъ, построенные съ обоихъ береговъ мосты и подалъ знакъ о безопасности свиданія. Товарищи его пришли безъ всякой свиты, ощупали другъ друга: нѣтъ ли спрятаннаго подъ платьемъ оружія, и наконецъ всѣ трое сѣли на стулья.

Три дня продолжались переговоры, и три властолюбца на пригоркѣ необитаемаго острова, въ виду отчизны Фабриція и Катона, разсуждали не о водвореніи на землѣ спокойствія, но объ истребленіи людей, способныхъ занимать мѣста въ правительствѣ. Они осудили на смерть нѣсколько тысячь знатнѣйшихъ гражданъ, дабы воспользоваться ихъ имѣніемъ, и раздѣлили между собою Имперію съ неограниченнымъ управленіемъ на пять лѣтъ. Октавію досталась Африка съ островами Сициліею и Сардиніею, Антонію обѣ Галліи, а Лепиду Испанія. Италія и восточныя провинціи оставлены въ общемъ ихъ распоряженіи до совершеннаго истребленія противной стороны. Подъ симъ разумѣли они не одного Брута съ участниками, но всѣхъ личныхъ и подозрѣваемыхъ непріятелей своихъ. Общая

ихъ безопасность, а еще болѣе кровожадное мщеніе, запечатлѣло сей союзъ такимъ злодѣяніемъ, которому не много находится примѣровъ въ исторіи. Каждый подалъ списокъ личнымъ и мнимымъ врагамъ своимъ, которыхъ надлежало принести въ жертву общей ихъ безопасности; но вышло затрудненіе въ томъ, что нашлись такія лица, которыя были друзьями одного, а врагами другаго. Тріумвиры неостановились на семъ затрудненіи. Октавій, въ удовольствіе Антонія и Лепида, пожертвовалъ защитникомъ своимъ Цицерономъ, а сіи въ замѣну представили къ смерти: Антоній дядю своего Луція Цесаря, а Лепидъ брата Павла. Триста Сенаторовъ, болѣе двухъ тысячь всадниковъ стояли въ спискахъ. Имѣніе ихъ назначено въ опись и продажу для предстоящей войны и награжденія убійцамъ.

Сей адской приговоръ вскорѣ приведенъ былъ въ силу. Осажденный Римъ, неимѣя войскъ для защиты, принужденъ былъ вытерпѣть всѣ ужасы отъ разбѣжавшихся по городу убійцъ. Кого изъ обрѣченныхъ жертвъ неслучилось въ городѣ, тѣхъ искали и преслѣдовали по

дорогамъ. Цицеронъ, проживая въ загородномъ домѣ и узнавши о страшномъ убійствѣ въ городѣ, сѣлъ на корабль и хотѣлъ удалиться изъ Италіи. Но противный вѣтръ, сильная качка корабля и всегдашняя нерѣшимость, заставили его опять сойти на берегъ и возвратиться въ домъ свой. Въ полночь домашніе разбудили его и, почти насильно, понесли въ носилкахъ на корабль. Едва успѣли его вынести, какъ убійцы ворвались въ домъ и, ненаходя его, бросились къ морю. Цицеронъ, видя неизбѣжную смерть, выставилъ голову свою убійцамъ, которая отрублена была вмѣстѣ съ руками и поднесена Антонію. Тріумвиры приказали выставить ее на показъ народу на той же кафедрѣ, съ которой Цицеронъ поражалъ рѣчами своими враговъ отечества.

Такъ погибъ одинъ изъ величайшихъ ораторовъ древности. Его нельзя включить въ число истинныхъ Философовъ, повѣряющихъ правила собственнымъ своимъ поведеніемъ. Онъ имѣлъ слабость гоняться за наружными титлами и, вмѣшавшись въ правленіе, принужденъ былъ для личной пользы жертвовать иногда справедливостію.

*

Розыски осужденныхъ на смерть продолжались нѣсколько времени съ великою жестокостію. Октавій, сдѣлавшись Императоромъ и стыдясь прежнихъ злодѣяній своихъ, приказалъ истребить списки осужденныхъ, и потому неизвѣстны ни имена, ни настоящее число погибшихъ жертвъ. Впрочемъ многіе успѣли скрыться въ восточныя провинціи и въ Африку. Но ни кто столько неоказалъ услуги нещастнымъ, какъ Секстъ Помпей, владѣвшій тогда большею частію Сициліи и морскими силами. Онъ разставилъ по всему берегу Италіи военныя ескадры свои съ мѣлкими перевозными судами, и разослалъ по всей Италіи объявленія, что для всѣхъ обрѣченныхъ на смерть поставлены суда къ спасенію и открыто безопасное убѣжище въ Сициліи, которая, по близости къ Италіи, и дѣйствительно послужила къ спасенію великаго множества осужденныхъ.

Жадность тріумвировъ къ деньгамъ равнялась ихъ лютости. Недовольно было имѣнія осужденныхъ и внесенныхъ въ списки богатыхъ гражданъ, надобно было еще новыми налогами, разными при-

дирками и отнятіемъ ввѣренныхъ Весталкамъ залоговъ вымучить страшныя суммы. За всѣмъ тѣмъ недоставало, по разчисленію ихъ, на предстоящую войну 800 миліоновъ сестерцій. Тріумвиры вздумали обложить податью богатыхъ женщинъ и, поставя изъ нихъ въ роспись 1400 лицъ, приказали имъ объявить безъ утайки имѣніе свое. Женщины вошли въ процессъ противъ сего налога; явились на площадь, и Гортенсія, дочь оратора, произнесла рѣчь отъ имени всѣхъ просительницъ. Сильныя доводы ея разтрогали слушателей, и заставили тріумвировъ освободить отъ налога, изъ внесенныхъ въ списокъ, тысячу женщинъ.

Тріумвиры, насытясь мщеніемъ и корыстями, объявили наконецъ Сенату, что осужденіе на смерть и розыски по сему дѣлу прекращаются. Они взяли съ народа присягу въ соблюденіи узаконеній Цесаревыхъ и, опредѣливъ на пять лѣтъ преданныхъ себѣ градоначальниковъ и прочихъ правителей, оставили Лепида въ Римѣ для наблюденія тишины въ Италіи; а Октавій съ Антоніемъ повели свои войски на востокъ противъ Брута и Кассія.

Мы замѣтили уже, что сіи начальники собрали на востокѣ знатныя силы. Брутъ, идучи въ Азію для соединенія съ Кассіемъ, усмирилъ дорогою Фракіянъ, и возобновилъ дружескія сношенія съ союзными Государями въ Малой Азіи. Кассій между тѣмъ, побѣдивъ Долабеллу, готовился наказать Клеопатру, Родянъ и Ликіянъ, за присылку Долабеллѣ сильнаго вспоможенія; но узнавъ о прибытіи Брута въ Азію, отложилъ походъ до личнаго свиданія съ товарищемъ. Обѣ арміи сблизились при Смирнѣ, и начальники въ первый разъ по разлученіи, увидѣвъ другъ друга съ такими многочисленными арміями, поздравили себя взаимно съ благополучнымъ успѣхомъ. Брутъ отсовѣтовалъ Кассію нападать на Клеопатру, доказавъ, что ихъ должность избавить отечество отъ насилія тріумвировъ, а не воевать съ законными Государями. Но какъ невозможно было оставить въ тылу два непріязненные народа: Родянъ и Ликіянъ, то и расположились наказать ихъ до перехода въ Европу. Кассій отправился на флотѣ противъ Родянъ, а Брутъ взялъ на себя усмирить Ликіянъ. Надменность и отчаяніе сихъ непріятелей

довели ихъ до погибели. Кассій, предавъ смерти главнѣйшихъ виновниковъ, взялъ съ Родянъ непомѣрную контрибуцію; а Брутъ, не смотря на всѣ увѣщанія, принужденъ былъ видѣть ожесточенныхъ санепріятелей, взаимно истребившихъ самихъ себя.

По возвращеніи изъ сихъ походовъ начальники увидѣлись въ Сардахъ. Прежде, нежели отправятся на избавленіе отечества отъ тираніи, захотѣли они объясниться наединѣ во взаимныхъ неудовольствіяхъ, и условиться на мѣрѣ о предстоящемъ предпріятіи. Они заперлись въ особомъ домѣ. Изъясненія были очень жаркія. Но сколь велика была розница въ мысляхъ на семъ свиданіи, отъ совѣта нечестивыхъ тріумвировъ на островѣ Рено? Тамъ спорили о числѣ головъ, приносимыхъ на жертву своенравной тираніи; здѣсь разсуждали о мѣрахъ, какъ надежнѣе возвратить угнѣтенному отечеству права его. По крайней мѣрѣ, къ чести Брута историки замѣтили, что онъ одинъ, исключая Катона, дѣйствовалъ безкорыстно для возстановленія древняго правленія. Кассій такъ же, какъ и Секстъ

Помпей, были сомнительны, и къ дѣлу правительства примѣшивали собственное свое возвышенie.

По окончанiи переговоровъ, Кассiй далъ Бруту и главнымъ чиновникамъ при немъ вечернiй столъ. Ужинъ, по тогдашнему обычаю знатнѣйшихъ Римлянъ, приправленъ былъ остроумными шутками и философскими размышленiями. На другой же день начали сбираться въ походъ въ Европу, чтобъ сократить, какъ они говорили, путь трiумвировъ, и скорѣе рѣшить судьбу народовъ.

Разсказываютъ, что Брутъ имѣлъ привычку по ночамъ заниматься чтенiемъ. Въ одну ночь предъ переѣздомъ въ Европу, показалось ему, будто онъ слышитъ необыкновенной шумъ, растворяются двери, входитъ ужасной исполинъ и въ безмолвiи смотритъ съ суровымъ видомъ на Брута. Брутъ отважился спросить: кто онъ и за чемъ пришелъ? привидѣнiе отвѣчало, что оно злой духъ, и увидится опять при Филиппiи. И такъ мы опять увидимся, сказалъ Брутъ равнодушно. При сихъ словахъ привидѣнiе

изчезло. Брутъ кликнулъ домашнихъ, спросилъ: не приходилъ ли кто ночью? всѣ отвѣчали, что ни кого не видали. На другой день разсказалъ Кассію о явившемся ночью привидѣніи. Сей, будучи послѣдователемъ Епикуровой секты, приписалъ явленіе сильному напряженію мыслей и задумчивости, примолвя, что онъ желалъ бы увѣриться въ участіи боговъ въ дѣлахъ человѣческихъ, ибо они могли бы подать помощь въ справедливомъ ихъ предпріятіи.

Между тѣмъ Октавій и Антоній, переправясь чрезъ Адріатическое море, приблизились къ Македоніи. Брутъ и Кассій, вступивъ во Фракію, подошли къ Филиппіи, гдѣ и раскинули станъ свой. Сближеніе сихъ войскъ занимало умы всей Имперіи. Мечу предлежало рѣшить, которой сторонѣ управлять вселенною. Всѣ терялись въ соображеніяхъ. Одинъ Брутъ былъ спокоенъ. Ему наскучило томленіе отечества подъ бременемъ междоусобныхъ браней, и желалъ скорѣйшей развязки дѣлу. Разговаривая однажды съ Кассіемъ о предстоящемъ сраженіи, объявилъ ему свои мысли. Кассій такъ же сознался, что въ

случаѣ потери сраженія, безполезно будетъ еще бороться съ обстоятельствами и, обнимая Брута, сказалъ ему: другъ мой! мы смѣло можемъ идти на непріятеля. Намъ нечего бояться. Жребій нашъ въ нашей волѣ.

Брутъ и Кассій имѣли подъ начальствомъ своимъ около ста тысячь, а тріумвиры до ста тринадцати тысячь воиновъ. Обширная Филиппійская равнина, на границахъ Фракіи, послужила сему многочисленному въ Римской исторіи войску мѣстомъ сраженія. Кассій намѣренъ былъ томить непріятеля голодомъ; но Брутъ, подозрѣвая нѣкоторыхъ чиновниковъ своихъ въ измѣнѣ, или какъ онъ самъ сказалъ Кассію, желая скорѣе кончить нещастіе народовъ, склоненъ былъ дать сраженіе. Дѣйствіе открылось и само собою. Сначала отряды съ обоихъ сторонъ подрались за дорогу, а на другой день вступили и въ рѣшительное сраженіе.

Октавій, дѣйствительно или притворно, сказался больнымъ. Антоній одинъ принялъ начальство, наступилъ на Кассія и, не смотря на храбрость

и искуство сего начальника, сломилъ его сторону. Между тѣмъ Брутъ на другомъ крылѣ разбилъ намѣстника Октавіева, ворвался въ станъ его и, возвращаясь побѣдителемъ, увидѣлъ, что товарищь его разбитъ и обращенъ въ бѣгство. Желая развѣдать короче о положеніи Кассія, отправилъ конной отрядъ искать его. Сей нещастный полководецъ, невозмогши удержать войскъ своихъ отъ побѣга, удалился на одинъ пригорокъ и, замѣтя скачущую конницу, выслалъ Тицинія на встрѣчу узнать: чей былъ отрядъ, свой или непріятельской? Тициній, заслушавшись разказовъ побѣдоносныхъ друзей своихъ, забылъ о начальникѣ. Кассій видя, что посланный невозвращается, подумалъ, что онъ взятъ въ плѣнъ, и слѣдуя намѣренію, живымъ неотдаваться въ руки, лишилъ себя жизни. Вскорѣ потомъ прискакалъ Тициній съ побѣдоноснымъ отрядомъ, и побѣжалъ къ начальнику съ радостнымъ донесеніемъ. Но его уже не было на свѣтѣ. Отчаянный посолъ убилъ себя на трупѣ Кассія. Брутъ, увѣдомленный о преждевременной кончинѣ товарища своего, едва могъ перенести чрезвычай-

ную скорбь о потерѣ, какъ онъ говорилъ, послѣдняго Римлянина.

Смерть Кассіева разстроила все дѣло. Брутъ, лишась въ немъ лучшаго сотрудника, принужденъ былъ одинъ принять начальство надъ всею арміею. Онъ хотѣлъ уже послѣдовать мнѣнію Кассія, и неспѣшить вторымъ сраженіемъ. Но мы и здѣсь найдемъ ясное доказательство, что Провидѣніе управляетъ судьбою народовъ по своимъ непремѣннымъ законамъ. Состоящіе на сторонѣ Брутовой флоты, не только пресѣкли тріумвирамъ подвозъ припасовъ, но потопили цѣлые два легіона и отрядъ конницы при переправѣ изъ Италіи. Но Брутъ не былъ извѣщенъ о сихъ приключеніяхъ. Подчиненные же начальники его и войски, возгордясь первою побѣдою, настоятельно просили сраженія. Неимѣя возможности одинъ противиться желанію всей арміи, Брутъ принужденъ былъ, по прошествіи трехъ недѣль отъ перваго сраженія, согласиться на вторую окончательную битву.

Привидѣніе опять явилось въ послѣднюю ночь. Брутъ лишился бодрости,

однакожъ далъ приказъ къ сраженію; онъ даже подъ личнымъ начальствомъ разбилъ непріятеля. Но войски Кассіевы, разстроившіе первое сраженіе, опять обратились въ бѣгство, и чрезъ то передали побѣду непріятелю. Тріумвиры зная, что одинъ Брутъ, естьли спасется, завлечетъ ихъ въ новыя хлопоты, приказали неупускать его изъ виду. Онъ былъ охваченъ, дрался отчаянно съ окружавшею его свитою и наконецъ видя, что все дѣло потеряно, вырвался изъ рукъ побѣдителей и предался бѣгству. Отрядъ Фракіянъ погнался за нимъ. Луцилій, желая спасти начальника своего, назвался Брутомъ, отдался въ плѣнъ непріятелемъ и приказалъ отвести себя прямо къ Антонію. Обрадованные Фракіяне воротились съ пріобрѣтенною ими добычею. Антоній, окруженный знатнѣйшими чиновниками, вышелъ на встрѣчу. Онъ былъ въ нерѣшимости, какъ принять плѣнника; но Луцилій вывелъ его изъ недоумѣнія. Подходя къ Антонію съ веселымъ видомъ, сказалъ ему: Брутъ не пойманъ! щастіе не могло поругатся надъ его честностію. Будетъ ли онъ живъ, неизвѣстно, но ни когда неизмѣнитъ своему характе-

ру. Я обманулъ Фракіянъ, назвавшись Брутомъ, и вы можете казнить меня, какъ вамъ угодно. Антоній не былъ золъ по природѣ, почувствовалъ цѣну сдѣланной ему довѣренности и, подавая руку Луциллію, сказалъ: я очень радъ, что встрѣтилъ друга вмѣсто непріятеля.

Между тѣмъ Брутъ, въ сопровожденіи нѣсколька друзей, скрылся отъ непріятелей. Вспомня о храбрыхъ сподвижникахъ, падшихъ вокругъ его, послалъ Статилія развѣдать о судьбѣ прочихъ. Но посланный невозвратился: онъ убитъ непріятелями. Брутъ, догадываясь о судьбѣ его, незахотѣлъ и самъ болѣе жить на свѣтѣ. Онъ бросился на мечь свой, поставя его противъ сердца.

Оставимъ приговоръ на поведеніе Брута. Одно пятно въ его жизни, что онъ поднялъ руки на Цесаря, отличаетъ его отъ Катона, которой ни въ какомъ случаѣ несоглашался обагрять рукъ въ крови своего ближняго... Римляне того времени, знавшіе все дѣло, не почли Брута злодѣемъ, и правительство безъ всякаго насилія, но добровольно тотчасъ приняло его сторону. Но естьли сіе же

правительство, по слабости и недальновидности своей, допустило своевольничать Антонія, обманулось въ хитростяхъ Октавія и довело наконецъ дѣло до новой междоусобной войны, то сего нельзя уже относить къ дѣлу Брутову. Лучше согласиться, что Римляне, потерявъ любовь къ отечеству и предавшись своекорыстнымъ понятіямъ, неспособны уже были жить подъ властію республиканскихъ законовъ... Слѣдовательно Брутъ виноватъ и въ томъ, что онъ ошибся въ характерѣ гражданъ своего времени, и затѣялъ дѣло, не по единодушному желанію всего народа, но по мыслямъ слабѣйшей партіи, отъ чего неминуемо долженъ былъ потерять свое дѣло.

Остатки побѣжденной арміи почти всѣ достались въ руки побѣдителямъ, и вступили къ нимъ въ службу. Флотъ раздѣлился на два отдѣленія. Одно подъ начальствомъ Мурка присоединилось къ Сексту Помпею, и тѣмъ умножило силы его; а другое, подъ начальствомъ сына извѣстнаго Домиція Агенобарба, неподчиняясь ни къ которой сторонѣ, держалось на морѣ до первой размолвки

Октавія съ Антоніемъ, и тогда уже пристало къ сему послѣднему.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Владычество Антонія на Востокѣ. Октавій остается въ Италіи. Бѣдствія жителей при отнятіи земель для награды воинамъ. Ревность Фулвіи, жены Антоніевой, и произшедшая отъ того междоусобная или Перузская война въ Италіи. Ссора и примиреніе Антонія съ Октавіемъ. Секстъ Помпей пріобщенъ къ тріумвирству и свержень вмѣстѣ съ Лепидомъ. Октавій начинаетъ приходить въ силу. Произшествія 6 лѣтъ, отъ 42 до 36 года до Р. Х.

Тріумвиры, утвердивъ власть свою на пораженіи противной партіи, должны были, въ слѣдствіе перваго соглашенія, раздѣлить между собою восточныя области. Но какъ они, попирая законы, столь же мало заботились о соблюденіи собственныхъ договоровъ, то право сильнаго доставило одному Антонію весь плодъ побѣды. Онъ былъ тогда на высочайшей степени власти, приписывая одному себѣ всю честь по-

бѣды надъ Брутомъ и Кассіемъ. Октавій, по дальновидной политикѣ своей, непротиворѣчилъ Антонію въ господствѣ надъ богатыми восточными областями, и выговорилъ себѣ въ управленіе ближайшія къ Риму провинціи, взявъ еще на себя, удовольствовать войски раздѣломъ обѣщанныхъ въ Италіи земель и денежными наградами. Лепидъ, неучаствовавшій въ побѣдѣ, былъ обойденъ и въ раздѣлѣ. Ему вмѣсто Испаніи, поступившей по новому раздѣлу Октавію, отдана та часть Африки, въ которой господствовалъ Корнифицій.

Въ слѣдствіе сего новаго раздѣла, Антоній поѣхалъ въ Грецію для принятія лестныхъ похвалъ отъ льстиваго народа. Пробывъ нѣсколько времени въ Афинахъ, отправился въ Азію. Тамъ встрѣтили его всѣ подвластные Римлянамъ восточные Цари, съ изъявленіемъ почтенія своего. Молодыя и прекрасныя Царицы должны были ласкать побѣдителя, чтобъ смягчить приговоръ его надъ Царями. Антоній, неуступая ни кому изъ Римлянъ въ распутствѣ и мотовствѣ, нашелъ въ Азіи богатую пищу природной склонности своей. Онъ,

путешествуя изъ Царства въ Царство въ сопровожденіи многихъ Царей, а еще болѣе придворныхъ шутовъ, лицедѣевъ, музыкантовъ и поваровъ, налагалъ подати, сыпалъ милости и роздавалъ престолы по своему своенравію. Но ни кто столько не угодилъ ему, какъ славная Египетская Царица Клеопатра.

Антоній, негодуя на Кипрскаго намѣстника ея Серапіона, подавшаго Бруту и Кассію небольшее вспоможеніе, потребовалъ къ суду самое Царицу. Клеопатра, неучаствовавшая въ дѣйствіи намѣстника своего, вышедшаго изъ ея повелѣній, легко могла оправдаться тѣмъ болѣе, что подала знатную помощь Долабеллѣ противъ Кассія. Но она не столько надѣялась на правость дѣла, сколько на прелести свои. Будучи въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ, на 27 годѣ отъ роду, она знала уже всѣ женскія хитрости, умѣла говорить на многихъ языкахъ, и образовала природныя дарованія свои науками до высочайшей для женскаго пола степени. Съ такими совершенствами не трудно было оправдаться предъ женолюбивымъ Антоніемъ, когда и безъ сего усовершенствованія, одною

красотою своею, успѣла прельстить самаго Цесаря. Въ сей надеждѣ она безусловно повиновалась Антоніеву указу, поѣхала къ нему въ Киликію и, прибывши къ устью рѣки Цидны, поплыла въ верьхъ по рѣкѣ на позолоченной галерѣ, на которой весла были посеребренные, паруса багряные. Сама Царица небрежно лежала подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, давая замѣтить всѣ прелести, какія стихотворцы приписывали Венерѣ. Дѣти, одѣтые купидонами, стояли вокругъ ложа и вѣерами освѣжали воздухъ; прекраснѣйшія дѣвицы, въ видѣ Нимфъ и Грацій, разставлены были по галерѣ. Благовонныя куренія по обѣимъ сторонамъ рѣки возносились къ небу облаками. Огромная музыка, принаровленная къ греблѣ, вскорѣ подала вѣсть городу о прибытіи Царицы. Антоній занимался въ то время на площади судными дѣлами. Любопытный народъ, оставя тріумвира одного на своемъ стулѣ, бросился смотрѣть Царицу.

Клеопатра, подъѣхавъ къ городу, пригласила Антонія со всею свитою къ себѣ на ужинъ. Столовая по колѣно усыпана была розами, а множество

свѣтильниковъ, въ разныхъ фигурахъ разставленныхъ, представляли рѣдкое, очаровательное по тому времени освѣщеніе. Царица давала тріумвиру нѣсколько богатыхъ столовъ на серебренныхъ и позолоченныхъ приборахъ, всякой разъ въ новыхъ видахъ, и всякой разъ всѣ приборы, мебели и даже всю прислугу, дарила Антонію и свитѣ его. Такая просительница была по сердцу тріумвиру. Онъ былъ не Телемакъ, и не имѣлъ при себѣ наставника мудрости; а потому, бросивъ Царства и Царей, поплылъ въ Египетъ, въ слѣдъ за обожаемою имъ Калипсою. Тамъ въ объятіяхъ любви, роскоши и распутства забылъ и честь, и долгъ, и злонравную жену свою Фулвію, и опаснаго въ тріумвирствѣ Октавія.

Между тѣмъ Октавій, возвратясь въ Италію, приступилъ къ раздѣлу земель, обѣщанныхъ воинамъ. Дѣло вышло самое затруднительное. Нашлось до 170 тысячь человѣкъ, требующихъ награжденія. Всѣмъ имъ обѣщаны лучшія земли въ Италіи. Для сего понадобилось выгнать жителей изъ многихъ городовъ и деревень, и поселить въ тѣ домы и

на тѣ земли воиновъ, дѣйствовавшихъ въ пользу тріумвировъ на порабощеніе отечества своего. Столь наглая несправедливость и совершенное раззореніе множества семействъ, наполнило жалобами всю Италію. Извѣстный стихотворецъ Виргилий долженъ былъ такъ же лишиться отцовскаго наслѣдія, и хотя прозьба его изъ уваженія къ отличнымъ талантамъ была уважена, и предоставлено было ему пользоваться своею пашнею; но сотникъ, вступившій во владѣніе сосѣдней земли, отрѣзалъ оной большую часть и у Виргилія, и даже чудь не убилъ и самаго стихотворца. Прочіе земляки его, жители Кремоны и Мантуи, не были столько щастливы, чтобъ удержать хотя частицу земли своей. У нихъ все отнято съ свойственнымъ Октавію равнодушіемъ. За всѣмъ тѣмъ, воины были еще недовольны наградою. Малѣйшая понаровка въ чемъ нибудь прежнимъ владѣльцамъ, приводила ихъ въ бѣшенство. Они неставили мѣры заслугамъ своимъ; требовали гораздо болѣе, нежели сколько дать можно, и явно обнаруживали мятежный духъ противъ Октавія. Съ другой стороны Секстъ Помпей, овла-

дѣвшій Сициліею, Сардиніею и Корсикою, и усилившійся на морѣ остатками побѣжденной стороны, пресѣкъ въ Римъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ. И какъ во время раздѣла земель, большая часть была на тотъ годъ незасѣяна, то послѣдовалъ во всей почти Италіи совершенной голодъ. Къ умноженію же нещастія присовокупилось мщеніе Фулвіи, супруги Антоніевой.

Сія злобная женщина, вдова Клодіева, узнавъ о любовныхъ связяхъ Антонія съ Глафирою, супругою Первосвященника Комагенскаго, приглашала Октавія, отплатить мужу своему за невѣрность; но не получивъ въ томъ успѣха, вооружилась на него со всею свойственною злымъ женщинамъ местію. Она подговорила Луція, брата Антоніева, вступившаго тогда въ Консулы, дѣйствовать за одно съ нею; стала принимать прошенія отъ прежнихъ владѣльцовъ земель, чтобъ общія жалобы возвести на Октавія въ несправедливыхъ его притѣсненіяхъ; внушила Сенату, что Октавій раздачею земель, какъ своимъ, такъ и Антоніевымъ войскамъ, пріобрѣтаетъ одинъ всю благодарность

отъ нихъ; и что отнятыхъ имѣній у осужденныхъ на смерть, и присланныхъ изъ Азіи отъ Антонія денежныхъ суммъ, достаточно бы было на удовлетвореніе войскъ награжденіемъ; но Октавій, подъ предлогомъ сей надобности, грабитъ храмы, и взялъ деньги даже изъ храма Капитолійскаго для собственной своей надобности.

Большая часть изъ сихъ доносовъ были неосновательны. Имѣніе пронаписанныхъ разхищено еще до открытія войны на Брута и Кассія; ожидать же денегъ отъ Антонія, было бы во все безразсудно, ибо ему недоставало всѣхъ Царствъ на землѣ на безумное мотовство его. Однакожъ Фулвія настояла въ томъ, чтобъ удовлетвореніе войскъ Антоніевыхъ предоставить ей и Луцію. Луцій же понесся еще далѣе. Онъ располагался уничтожить и самое тріумвирство, и возстановить Консульское правленіе.

Въ столь смутныхъ обстоятельствахъ, Октавій поступилъ по обыкновенной своей хитрости. Онъ предложилъ рѣшить сіе дѣло суду воиновъ,

которыхъ пользы, будучи соединены со властію тріумвировъ, подавали несомнѣнную надежду на защиту ими собственнаго своего дѣла. Въ назначенный день Октавій первый явился на судъ; но Луцій, испуганный на дорогѣ разъѣзднымъ отрядомъ, уклонился отъ суда, и приступилъ къ набору войска. Октавій воспользовался сею уклонностію, внушилъ воинамъ презрительный отвѣтъ Луціевъ о семъ судилищѣ (*), и довелъ дѣло до того, что они единодушно согласились защитить оружіемъ своимъ права тріумвировъ.

Однакожъ и Луцій былъ довольно силенъ въ Италіи. Кромѣ шести легіоновъ подъ собственнымъ его начальствомъ, онъ имѣлъ въ повелѣніи намѣстниковъ Антоніевыхъ съ сильными корпусами въ Галліи. Самое предпріятіе его, низложить тріумвировъ, пріобрѣтало отъ жителей Италіи внутрен-

(*) Октавій, въ нарушеніе закона, дѣлалъ воиновъ судіями въ собственномъ ихъ дѣлѣ. Луцій изъ презрѣнія назвалъ, или хотѣлъ назвать, сіе собраніе Сенатомъ въ полусапожкахъ, означая тѣмъ не судей, но воиновъ.

нее доброжелательство. Онъ, въ небытность Октавіеву, разбилъ Лепида предъ самымъ городомъ и, неостанавливаясь въ ономъ, отошелъ къ Перузѣ, въ ожиданіи Вентидія и Полліона намѣстниковъ Антоніевыхъ. Но полководцы Октавіевы Агриппа и Салвидіянъ воспрепятствовали сему соединенію, и осадили самаго Луція въ Перузѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ прибылъ Октавій, и началъ производить осаду съ большею настойчивостію, желая захватить Консула въ свои руки. Фулвія, бывшая тогда въ Пренестѣ, привела въ движеніе намѣстниковъ Антоніевыхъ для освобожденія Луція; но они неохотно выполняли приказы ея и, будучи остановлены выставленными противъ ихъ Октавіевыми корпусами, допустили сего тріумвира беспрепятственно продолжать осаду. Голодъ принудилъ наконецъ осажденныхъ здаться. Октавій, опасаясь раздражить Антонія, пощадилъ его брата. Но Сенаторы, всадники и прочіе отличные граждане, обнаружившіе приверженность свою къ древнему правленію, заплатили за то своею жизнію. Триста человѣкъ изъ нихъ принесено въ жертву памяти Цесаревой. Ни какія прозьбы не могли

склонить Октавія на жалость. Онъ всѣмъ просителямъ и заступникамъ отвѣчалъ хладнокровно: надобно умереть, или пусть умретъ. Самъ Силла въ подобныхъ случаяхъ былъ снисходительнѣе Октавія.

Симъ кончилась Перузская война, нанесшая еще одинъ жестокой ударъ древнему правленію. Многіе изъ осужденныхъ на смерть убѣжали въ Сицилію и въ другія мѣста; самые намѣстники Антоніевы вышли изъ Италіи и разбѣжались въ разныя стороны. Отчаянная Фулвія со стыда и досады скрылась въ Грецію, отписала обо всемъ мужу своему, возведя всю вину на Октавія.

Антоній хотя обвороженъ былъ Клеопатрою, но призналъ нужнымъ вблизи посмотрѣть на дѣла Италійскія. Прибывъ въ Грецію, разругалъ супругу свою и, оставя ее при смерти въ Сикіонѣ, началъ сбираться въ Италію. Предъ отъѣздомъ явился къ нему Либонъ съ дружескими предложеніями отъ Секста Помпея, и привезъ съ собою мать Антоніеву Юлію, убѣжавшую въ Сицилію

отъ Перузской войны. Антоній, будучи благодаренъ за оказанное покровительство матери своей, и предполагая, въ случаѣ разрыва дружбы съ Октавіемъ, найти въ Помпеѣ добраго союзника, радъ былъ предложенію. Но не желая прежде времени разсориться съ Октавіемъ, обнадежилъ Секста принятіемъ въ тріумвирство, или въ отдѣльной союзъ съ однимъ собою, смотря по обстоятельствамъ. На переѣздѣ въ Брундузій, Антоній встрѣтился съ флотомъ Домиція Агенобарба, которой также предложилъ Антонію услуги свои, и присоединился къ его флоту. Но прибывши къ Брундузію, тамошній гарнизонъ невпустилъ Антонія. Надобно было приступить къ осадѣ. Вся Италія встрѣвожена была симъ происшествіемъ, опасаясь новой междоусобной войны и новыхъ казней. Октавій спѣшилъ на помощь осажденному городу. Но дѣло приняло другой оборотъ. Тріумвиры боялись другъ друга; воины неохотно принимались за оружіе, бывши прежде подъ однимъ начальствомъ. Смерть Фулвіи такъ же уничтожала препятствіе къ примиренію. Кокцей Нерва, будучи другомъ тому и другому, и замѣтя слабую наклон-

ность ихъ къ междоусобной войнѣ, предложилъ себя въ посредники. Въ слѣдствіе его переговоровъ тріумвиры примирились между собою, и вновь раздѣлили Имперію. За Антоніемъ остались восточныя, а за Октавіемъ западныя провинціи; Лепидъ оставленъ въ прежнемъ владѣніи; Домицій освобожденъ отъ пронаписанія на смерть, и опредѣленъ правителемъ Вифиніи; Секстъ непринятъ въ статьи новаго договора. Въ заключеніе же всего Антоній женился на сестрѣ Октавіевой, и оба въѣхали въ Римъ въ маломъ тріумфѣ.

Ссоры главныхъ начальниковъ часто бываютъ гибельны для подчиненныхъ. И здѣсь тріумвиры свалили всю вину и причину вражды на намѣстниковъ своихъ, и наказали: Октавій Салвидіана, Антоній Манія смертію. Оставалось еще рѣшить дѣло Секста Помпея. Повсемѣстный голодъ почти во всей Италіи, произшедшій отъ пресѣченія подвоза съѣстныхъ припасовъ, и привязанность жителей къ послѣдней отрасли роду Помпеева, принудили наконецъ Октавія склониться на общее желаніе народа. Онъ согласился войти съ Сек-

стомъ въ переговоры. Взаимная недовѣрчивость такъ же, какъ и на островѣ рѣки Рено, приняла всѣ предосторожности для безопаснаго свиданія. Переговоры были очень жаркіе, особливо Секстъ сильно настаивалъ на прощеніе спасенныхъ имъ изгнанниковъ. Наконецъ миръ заключенъ. Помпею къ тремъ островамъ, Сициліи, Сардиніи и Корсики, прибавлена во владѣніе Ахаія съ обѣщаніемъ на слѣдующій годъ Консульства. Изгнанники раздѣлены на три части. Убійцы Цесаревы не были освобождены отъ сдѣланнаго на нихъ опредѣленія, однакожъ имъ позволено свободно удалиться изъ Сициліи, и искать себѣ въ другихъ земляхъ безопаснаго убѣжища. Осужденные за приверженность къ древнему правленію, или прописанные на смерть въ первомъ тріумвирствѣ, получили прощеніе съ возвращеніемъ четвертой части отнятаго у нихъ имѣнія; убѣжавшіе же отъ одного страха, или нерасположенія своего къ тріумвирамъ, вошли во всѣ права свои. Бѣглымъ рабамъ, вступившимъ въ службу къ Помпею, дана свобода; а воинамъ свободнаго состоянія, обѣщаны

тѣже награды, какія слѣдуютъ по закону за выслугу урочныхъ лѣтъ.

По заключеніи договора дѣло дошло до взаимныхъ угощеній. Сексту досталось по жеребью первому угостить тріумвировъ. Онъ принялъ ихъ на кораблѣ своемъ. Во время стола Менай, начальникъ флота, шепнулъ Помпею на ухо: не угодно ли будетъ приказать отрубить якорь, чтобъ захватить обоихъ тріумвировъ въ свои руки? Помпей отвѣчалъ: ты могъ бы сіе сдѣлать, не сказавши мнѣ; а теперь, я не могу нарушить правилъ гостепріемства. Можно полагать, что Октавій не былъ бы столь честенъ въ подобномъ случаѣ.

По части законодательной замѣчательно, изданное около сего времени по предложенію трибуна Фалцидія узаконеніе, которымъ запрещалось отказывать по смерти болѣе трехъ частей имѣнія стороннимъ лицамъ, а четвертая часть неотложно предоставлялась въ пользу законныхъ наслѣдниковъ.

Къ сему же времени относится Парфянская война, и возшествіе на Іудей-

ской престолъ Ирода Идумеянина. Причина сихъ произшествій состояла въ слѣдующемъ.

Во время междоусобной войны подъ начальствомъ Брута и Кассія, Лабіенъ, сынъ извѣстнаго намѣстника, а потомъ противоборника Цесарева, просилъ у Парфянъ помощи противъ тріумвировъ. Царь Ородъ, по старой дружбѣ съ Помпеемъ, расположенъ былъ къ его сторонѣ, и готовился подать просимую у него помощь. Но когда Брутъ и Кассій лишились жизни, то опасаясь съ одной стороны мщенія тріумвировъ, а съ другой послѣдуя совѣтамъ Лабіена, воспользоваться безпечностію Антонія въ Египтѣ и Перузскою войною, отправилъ армію подъ начальствомъ сына своего Пакора и Лабіена, для нападенія на Римскія владѣнія. Они вскорѣ овладѣли большею частію Сиріи, и по приглашенію Антигона, племянника Гирканова, заняли Іудею. Потомъ, заманивъ Гиркана въ переговоры, схватили его и возвели на Іудейской престолъ Антигона. Иродъ Идумеянинъ, правитель Галилеи, потерявъ надежду отразить непріятелей, убѣжалъ въ Римъ просить помощи и

престола шурину своему, брату нещастной Маріамны. Но тріумвиры, надѣясь болѣе получить услуги отъ Ирода, объявили самаго его Царемъ Іудейскимъ, и отправили на отраженіе Парфянъ Вентидія намѣстника Антоніева. Вентидій выполнилъ порученіе съ неожидаемымъ успѣхомъ. Онъ разбилъ Парфянъ на двухъ сраженіяхъ, а на третьемъ и самаго Царевича лишилъ жизни. Онъ могъ бы совершенно кончить сію войну, но удержался потому только, чтобъ невозбудить зависти въ начальникѣ своемъ. Антоній и дѣйствительно пожелалъ самъ воспользоваться окончательною побѣдою и, по заключеніи договора съ Помпеемъ, отправился въ Азію. Мы оставимъ его на время въ дорогѣ, между тѣмъ кончимъ обозрѣніе дѣлъ Италійскихъ.

Октавій, простясь съ Антоніемъ, остался въ Римѣ, и отправилъ часть войскъ своихъ въ Галлію, въ которой, по случаю послѣдней междоусобной войны, открылись непріятельскія движенія; а Секстъ Помпей удалился въ отданныя ему владѣнія, и для занятія Ахаіи. Но Антоній несогласился здать сей про-

винціи, доколѣ Помпей незаплатитъ оставшейся на жителяхъ недоимки. Отъ сего въ скоромъ времени произошли новыя несогласія, и Римляне, вмѣсто ожидаемаго мира и изобилія, получили себѣ четвертаго господина. Помпей началъ по прежнему производить грабежи на морѣ, и перехватывать идущіе въ Италію суда съ хлѣбомъ.

Октавій, неохотно примирившійся съ Помпеемъ и давно уже замышлявшій сбыть съ рукъ товарищей своихъ, воспользовался благовиднымъ предлогомъ, открыть войну на новаго союзника; но будучи не силенъ на морѣ, отраженъ въ первой годъ съ великою потерею. Сія первая неудача неудержала его отъ предпріятія. На другой годъ, онъ поручилъ Агриппѣ, вѣрному и искусному намѣстнику своему, построить новый флотъ для вторичнаго нападенія; пригласилъ и Лепида изъ Африки, сдѣлать высадку въ Сицилію; отписалъ и къ Антонію о присылкѣ флота. Когда все было приготовлено, Октавій надѣялся, подъ личнымъ начальствомъ, нанести рѣшительный ударъ Помпею; но жестокая буря разсѣяла флотъ его, и заставила на цѣлый мѣсяцъ заняться починкою судовъ. Новое нападеніе на Сицилію,

такъ же не во всѣмъ получило желаемый успѣхъ. Октавій былъ разбитъ Помпеемъ на морѣ, и самъ едва спасся на небольшей лодкѣ; но намѣстникъ его Агриппа, командовавшій отдѣльною эскадрою, былъ гораздо щастливѣе и, подобно Вентидію, побоялся производить вдаль побѣды свои, чтобъ нераздражить завидливаго начальника. Впрочемъ сильная высадка въ Лилибей изъ Африки, и другая изъ Италіи, привели дѣла Секстовы въ сомнительное положеніе. Лепидъ подъ личнымъ начальствомъ привезъ въ Сицилію до 20 легіоновъ; Октавій также чрезъ намѣстника своего Агриппу, овладѣвъ Тиндаріемъ, открылъ свободное сообщеніе изъ Италіи въ Сицилію. Оба тріумвира соединили силы свои подъ Мессиною. Секстъ предложилъ рѣшить дѣло морскимъ сраженіемъ. Октавій не отказался, и каждый выстроилъ въ линію по триста судовъ подъ начальствомъ намѣстниковъ своихъ. По жаркомъ и продолжительномъ сраженіи Агриппа остался наконецъ побѣдителемъ. Секстъ, не имѣя больше ни какой надежды держаться въ Сициліи, убѣжалъ на 17 судахъ съ имуществомъ своимъ въ Азію, искать покровительства у Антонія, но былъ убитъ его намѣстникомъ.

Оставшіяся побѣдителями два тріумвира вскорѣ поссорились въ раздѣлѣ добычи. Лепидъ хотѣлъ владѣть Сициліею доказывая, что онъ первый сдѣлалъ на нее высадку, и большую часть городовъ покорилъ своимъ оружіемъ; напомнилъ также о сдѣланной ему обидѣ въ раздѣлѣ восточныхъ провинцій. Но Лепидъ худой имѣлъ разсудокъ, когда, утвердивъ власть свою на крови и притѣсненіи гражданъ, вздумалъ требовать справедливости у таковыхъ же, и еще болѣе алчныхъ товарищей. Октавій отказалъ ему во всѣхъ требованіяхъ, и презирая его, какъ недостойнаго быть въ союзѣ, употребилъ обыкновенную свою хитрость къ избавленію себя отъ всѣхъ обязанностей съ Лепидомъ. Онъ подговорилъ войски Лепидовы, отложиться отъ своего начальника, обѣщалъ и остаткамъ Секстовой арміи предположенную въ договорѣ съ начальникомъ ихъ награду; и когда переговоры сіи подѣйствовали, то не обнажая меча, перевелъ почти всю армію подъ начальство свое. Потомъ разжаловалъ и самаго Лепида, оставя изъ презрѣнія ему жизнь и чинъ Первосвященника, который по узаконеніямъ давался по смерть, и былъ неопасенъ для Октавія.

Такимъ образомъ Октавій, низложивъ однимъ разомъ двухъ тріумвировъ, остался полнымъ господиномъ ихъ владѣній, и слѣдуя постоянно безчеловѣчной политикѣ своей, умертвилъ многихъ Сенаторовъ и всадниковъ за приверженность къ бывшимъ товарищамъ своимъ. Однакожъ онъ не могъ еще спокойно пользоваться плодами низкой хитрости и побѣдъ своихъ. Не говоря о Антоніѣ, страшномъ совмѣстникѣ, другое обстоятельство завлекло его въ чрезвычайныя хлопоты. Низложивъ Помпея и Лепида, и принявъ арміи ихъ подъ начальство свое, собралось у него до 45 легіоновъ тяжело вооруженной пѣхоты, до 25 тысячь конницы, до 37 тысячь стрѣлковъ и пращниковъ и до 600 военныхъ судовъ. Столь страшная армія, одною корыстію привязанная къ незаконному начальнику, требовала себѣ отставки и такой же награды, какая выдана была войскамъ за Филиппійское сраженіе. Октавій не имѣлъ возможноэжности удовлетворить такого многолюдства; отозвался сначала, что онъ долженъ приступить къ наградѣ по общему распоряженію съ Антоніемъ; потомъ вздумалъ было утолить мятежъ раздачею вѣнцовъ и другихъ знаковъ от-

личія. Но дерзкіе изъ трибуновъ въ глаза кричали ему, что сіи отличія почитаютъ они за дѣтскія игрушки, а имъ нужны земли и деньги.

Октавій принужденъ былъ тотчасъ дать отставку 20 тысячамъ воиновъ, и немедленно вывезъ ихъ изъ Сициліи, дабы они неимѣли вліянія на остальную армію. Удаливъ же самыя возмутительныя войски, остальнымъ объявилъ рѣшительно, что онъ наградитъ ихъ по разсмотрѣнію и заслугамъ. Между тѣмъ наложивъ на Сицилію 1600 талантовъ пѣни, выдалъ каждому воину по 2000 сестерцій, и тѣмъ укротилъ возмущеніе.

Опредѣливъ въ Сицилію и въ отнятую у Лепида Африку новыхъ начальниковъ, Октавій возвратился въ Италію, и съ сего времени началъ утверждать на прочномъ основаніи владычество свое; съ сего же времени и поведеніе его перемѣнилось въ пользу собственной его чести и народнаго благосостоянія. Онъ возвратилъ большую часть убѣжавшихъ въ Сицилію рабовъ прежнимъ господамъ, искоренилъ размножившіяся по дорогамъ разбои, непремѣнное слѣдствіе междоусобныхъ браней и слабости правительства; началъ покровительствовать науки, и украшать

Римъ лучшими зданіями; однимъ словомъ, истребивъ большую часть отличныхъ гражданъ, сталъ управлять остальными какъ Государь правосудный, несмѣя еще явно напасть на послѣдняго товарища своего Антонія, которой занятъ былъ въ то время Парфянскою войною; но по безразсудной любви своей къ Клеопатрѣ, желая кончить войну одною наподьностію, дабы скорѣе возвратиться въ объятія Царицы, надѣлалъ множество ошибокъ въ распоряженіяхъ и привелъ себя въ положеніе, подобное нещастному Крассу, съ тою только розницею, что успѣлъ живой возвратиться изъ похода.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Безразсудные поступки Антоніевы въ Египтѣ. Домогательство Октавія къ низложенію его. Послѣдняя междоусобная война, и конецъ жизни Антонія и Клеопатры. Октавій пріобрѣтаетъ самодержавную власть. Произшествія 7 лѣтъ, отъ 36 до 29 года до Р. Х.

Антоній, возвратясь со стыдомъ изъ Парфянскаго похода, свалилъ всѣ ошибки свои на измѣну Арменскаго Ца-

ря, захватилъ его въ плѣнъ и въѣхалъ въ богатомъ тріумфѣ въ Александрію. Потомъ подарилъ Клеопатрѣ островъ Кипръ, Каринію и многіе города въ Сиріи, принадлежащіе къ Римскимъ владѣніямъ. За сіи подарки, которыхъ Антоній не въ правѣ былъ дѣлать, Октавій возбудилъ на него гнѣвъ народной; а чтобъ задрать его къ ссорѣ, послалъ къ Антонію бывшую за нимъ въ замужествѣ сестру свою Октавію.

Клеопатра узнавъ, что совмѣстница ея прибыла уже въ Афины, удвоила притворные вздохи, слезы и хитрости, и довела Антонія до того, что онъ приказалъ Октавіи возвратиться въ Римъ, а самъ, бросивъ ее, вздумалъ жениться на Клеопатрѣ. Ни чего не было безумнѣе, какъ пышное торжество сей предосудительной свадьбы. Въ Александрійскомъ театрѣ поставлены были два позлащенные престола подъ серебренными балдахинами. При многочисленномъ стеченіи народа Антоній взошелъ на одинъ въ образѣ Вакха, а на другомъ сѣла Царица во всѣхъ украшеніяхъ богини Изиды. Антоній, объявя Клеопатру законною супругою своею, призналъ ее Царицею Египта и всѣхъ подаренныхъ ей областей; сына ея Цесаріона,

прижитаго съ Цесаремъ, назначилъ наслѣдникомъ Египетскаго престола; а двухъ сыновей своихъ, прижитыхъ съ Клеопатрою, Александра и Птоломея, нарѣкъ Царями Царей, предоставя первому во владѣніе Арменію и Парфянское Царство, когда оное покоритъ, а послѣднему отдалъ Сирію, Финикію и Киликію.

Всѣ сіи театральныя сумазбродства увѣнчалъ послѣднею глупостію, посвятивъ себя въ боги съ вожделенною супругою своею, и обо всѣхъ сихъ безумныхъ дѣяніяхъ своихъ послалъ въ Римъ къ Консуламъ подробное донесеніе. Домицій и Созій, бывшіе на тотъ годъ въ Консулахъ, по преданности своей къ Антонію, скрыли сіе донесеніе; но услужливый Октавій, увѣдомленный чрезъ тайныхъ повѣренныхъ своихъ о всѣхъ произшествіяхъ, и опасаясь, чтобъ Цесаріонъ, хотя побочный, но единственный сынъ Юлія Цесаря, не вошелъ въ какое либо совмѣстничество, постарался обнаружить предъ Сенатомъ и народомъ всѣ глупости Антоніевы. Однакожъ и Антоній былъ въ Римѣ не безъ пріятелей, особливо простой, открытой нравъ его, не смотря на всѣ слабости, былъ предпочитаемъ скрытному

и мстительному нраву Октавія. Римъ сдѣлался судіею жаркихъ споровъ между тріумвирами. Октавій поносилъ Антонія тѣмъ, что онъ, будучи Римскимъ полководцемъ, торжествовалъ тріумфъ въ Александріи, женился на Клеопатрѣ, назвалъ Царями дѣтей своихъ и роздарилъ безъ согласія правительства Римскія области. Антоній же съ своей стороны укорялъ Октавія незнатною породою, хитрымъ своекорыстнымъ нравомъ, низложеніемъ Лепида и Помпея, и присвоеніемъ одному себѣ ихъ владѣній. Когда же сіи укоры мало подѣйствовали, то рѣшился сразить Октавія послѣднимъ ударомъ, написавъ въ Сенатъ, что онъ готовъ сложить съ себя власть тріумвирскую и возстановить по прежнему Консульское правленіе. Хитрый Октавій умѣлъ отклонить сей ударъ. Онъ приглашалъ Октавія явиться въ Римъ, для сложенія съ себя тріумвирства, будучи твердо увѣренъ, что невозможно ему рисковать своею жизнію, и пріѣхать въ такой городъ, въ которомъ товарищь его былъ полнымъ властелиномъ.

Споры въ Сенатѣ, по случаю размолвки тріумвировъ, кончились тѣмъ, что оба Консула и многіе Сенаторы

уѣхали къ Антонію. Октавій, желая очистить Италію отъ противной стороны, позволилъ всѣмъ недовольнымъ, или преданнымъ Антонію, удалиться къ нему, и обнаруживая безпрестанно пороки товарища своего, довелъ расположеніе народное до той степени, что Антоній признанъ помѣшавшимся въ умѣ, а Клеопатрѣ объявлена война по всѣмъ законнымъ приличіямъ.

Цѣлой годъ протекъ во взаимныхъ приготовленіяхъ. Антоній, давъ приказъ своей арміи выступить въ Европу подъ начальствомъ Канидія, самъ съ Клеопатрою поѣхалъ моремъ, и остановился у острова Самоса. Всѣ Цари, отъ Египта до Понта, получили отъ него повелѣніе, прислать вспомогательныя войски со всѣми потребностями. Между тѣмъ, призваны были въ Самосъ изъ Греціи лицедѣи, плясуны, шуты и музыканты; а изъ Азіи повара и прочая тому подобная дворня. Жители Самоса часто обманывались въ приходѣ кораблей. Когда приставало судно, они думали съ войсками, или оружіемъ, но вмѣсто того съ удивленіемъ видѣли выходящихъ скомороховъ со всѣмъ прибoромъ театральныхъ украшеній; когда сходили на берегъ курьеры, думали съ

извѣстіемъ изъ арміи, но вмѣсто того съ предварительнымъ донесеніемъ объ отправленіи дичи. Цари и начальники областей, принаравливаясь къ свойству тріумвира, не столько думали о наборѣ войскъ, сколько о доставленіи молодому богу всякаго рода удовольствій. При такихъ занятіяхъ Антонія, лучшіе сподвижники его въ дѣлѣ потеряли надежду въ успѣхѣ, начали отставать отъ него и переходить къ Октавію.

Пребываніе Антонія въ Самосѣ, а потомъ въ Афинахъ, дало время Октавію приготовиться. А чтобъ еще вѣрнѣе успѣть въ намѣреніи своемъ, Октавій, по обыкновенной привычкѣ своей, объявилъ сподвижникамъ Антоніевымъ, что онъ призываетъ ихъ подъ знамена свои, не будетъ мстить за расположеніе къ Антонію и даже обѣщалъ великія награды. Обѣ арміи сблизились при Акціумѣ, Епирскомъ городѣ. У Антонія было до ста тысячь воиновъ на землѣ и пять сотъ кораблей на морѣ. У Октавія же находилось сухопутныхъ войскъ не сполна сто тысячь, а флотъ въ половину меньше. Клеопатра присовѣтовала Антонію рѣшить дѣло морскимъ сраженіемъ, которое и дано было въ виду обоихъ армій. Въ самомъ жару сраже-

нія, когда еще не видно было, на чью сторону склонится побѣда, Клеопатра, устрашенная битвою, пустилась въ бѣгство съ своими 60 кораблями. Антоній, бросивъ начальство, погнался за нею. Однакожъ флотъ и безъ него продолжалъ сраженіе до самаго вечера. Наконецъ, будучи тѣснимъ Агриппою и склонясь на лѣстныя обѣщанія, передался Октавію. Сухопутная армія, по тщетномъ ожиданіи главнокомандующаго, чрезъ нѣсколько дней послѣдовала примѣру флота. Такимъ образомъ Антоній, по одной безразсудности, потерялъ свое дѣло, и доставилъ Октавію полное владычество надъ свѣтомъ.

Распоряженія Октавія послѣ Акціумской побѣды доказываютъ, что онъ не былъ столько же лютъ къ сподвижникамъ Антоніевымъ, какъ прежде къ защитникамъ законнаго правленія. Причиною сего полагаютъ, что подчиненные Антоніевы, будучи пріучены уже къ повиновенію, были неопасны для новаго господина. Предусмотрительность его и въ отношеніи къ войскамъ была благоразумна. Опасаясь, чтобъ двѣ столь сильныя арміи, служившіе изъ одного корыстолюбія, не ввели его такъ же, какъ и въ Сициліи, въ новыя хлопоты,

тотчасъ отправилъ старыхъ воиновъ въ Италію съ обѣщаніемъ наградить ихъ по заслугамъ; а въ слѣдъ за ними послалъ Мецената и Агриппу для наблюденія тишины въ Римѣ и въ Италіи. Восточныхъ Государей оставилъ въ прежнихъ владѣніяхъ, обложивъ только ихъ для награды войскамъ денежною пѣнею; и непочитая уже Антонія опаснымъ для себя совмѣстникомъ, не спѣшилъ гнатся за нимъ, стараясь утвердиться напередъ во всѣхъ Римскихъ владѣніяхъ.

Между тѣмъ Антоній, убѣжавшій отъ своего дѣла и настигши Клеопатру, перешелъ къ ней на галеру; но со стыда, неявляясь къ Царицѣ, прожилъ три дня въ особой каютѣ. Наконецъ, по сношеніямъ и переговорамъ чрезъ прислужницъ, они увидѣлись, помирились, снова слюбились и продолжали путь свой въ томъ увѣреніи, что сухопутными войсками можно еще поправить дѣло. Когда же Антоній, прибывши въ Ефесъ, узналъ объ отложеніи отъ него всей арміи, то вздумалъ со стыда и отчаянія лишить себя жизни; но вѣтренность или беспечность недопустила его совершить сего предпріятія. Оставшіяся при немъ друзья, от-

клонивъ его отъ самоубійства, присовѣтовали бѣжать въ Египетъ. Клеопатра была мужественнѣе въ нещастіи. Она придумала перетащить флотъ свой въ Чермное морѣ и, погрузя на оной всѣ сокровища свои, поселиться, подобно Дидонѣ, въ странѣ отдаленной и безопасной отъ Римлянъ. Она приступила было къ сему предпріятію, но встрѣтившіяся затрудненія и совѣтъ Антонія склонили ея, оставить намѣреніе и готовиться къ защитѣ своего Царства.

Антоній, въ щастіи своемъ назвавшійся богомъ, былъ столько малодушенъ въ нещастіи, что просилъ у Октавія, когда сей слѣдовалъ къ Египту, жизни и уголка земли, гдѣ бы провести въ уединеніи остатокъ дней своихъ. Клеопатра напротивъ того, хотя была уже въ лѣтахъ, но надѣялась смягчить Октавія умомъ, богатствомъ и прелестями своими. Она посылала къ нему секретно отъ Антонія повѣренныхъ своихъ съ разными предложеніями, и между прочимъ обѣщала здать ему Египетъ. Октавій, столько же хитрый, проводилъ Царицу нерѣшительными отвѣтами, а между тѣмъ продолжалъ походъ свой. На дорогѣ явились къ нему послѣдніе, отпавшіе отъ Антонія Цари, въ числѣ

коихъ находился и замѣченной выше Иродъ Царь Іудейской. Сей коль скоро увидѣлъ Антонія въ нещастіи, то и предложилъ Октавію услуги свои; сдѣлалъ ему со всею свитою, при переходѣ чрезъ Іудею, богатое угощеніе, снабдилъ армію продовольствіемъ и деньгами, и чрезъ таковое пожертвованіе удержалъ себя на престолѣ.

Антоній, приготовясь къ отчаянной защитѣ, старался провести послѣдніе дни въ любимой своей склонности. Составленное имъ въ щастіи общество неподражаемыхъ въ сладострастіи, переименовалъ на посвятившихъ умереть вмѣстѣ, и проводилъ съ ними дни и ночи въ мотовствѣ и распутствѣ. Клеопатра, будучи такъ же членомъ сего общества, изыскивала однакожъ легчайшія средства къ прекращенію жизни. Она производила опыты надъ преступниками, наблюдая какой ядъ приноситъ легчайшую смерть и меньшія страданія; нашла, что уязвленіе аспида клонитъ къ легкой испаринѣ и ко сну, въ которомъ человѣкъ нечувствительно умираетъ.

Октавій между тѣмъ подошелъ къ Пелузіи. Антоній, судя по крѣпости города, думалъ надолго задержать непріятеля при осадѣ; но Клеопатра по-

слала тайной приказъ коменданту, здать крѣпость. Огорченный измѣною Антоній взялъ подозрѣніе на Царицу, но она и при семъ случаѣ умѣла оправдаться, отдавъ Антонію на казнь жену и дѣтей комендантовыхъ. Когда же Октавій приступилъ къ Александріи, Антоній сдѣлалъ сильную вылазку, и прогналъ непріятельскую конницу до самаго стана. Возгордясь сею минутною побѣдою, онъ прямо вошелъ во дворецъ, и во всемъ оружіи обнялъ Клеопатру. Онъ разполагался еще испытать щастіе свое въ валовомъ сраженіи на сухомъ пути и на морѣ, и хотя сомнѣвался въ побѣдѣ, по крайней мѣрѣ думалъ умереть геройски. На канунѣ сего послѣдняго дня приказалъ заготовить богатой ужинъ и, проведя ночь съ друзьями своими за бокалами, на разсвѣтѣ принялъ начальство надъ сухопутными войсками, распорядясь въ одно время съ флотомъ начать сраженіе. Но когда увидѣлъ, что флотъ Клеопатринъ безъ бою опустилъ флагъ предъ непріятельскимъ флотомъ, и конница Египетская, не начиная сраженія, перешла къ Октавію, тогда лишась надежды выдержать сраженіе одною пѣхотою, былъ побѣжденъ и прогнанъ въ городъ, объявляя всѣмъ неблагодарность и измѣну Клеопатрину.

Хитрая Царица успѣла еще разъ обмануть Антонія. Она, запершись въ построенную для себя великолѣпную гробницу со всѣми богатствами своими, прислала объявить Антонію, что она скончалась. Отчаянный Антоній, выхвативъ мечь, прокололъ себя подъ грудью; но слабость нанесеннаго удара не могла лишить его жизни въ туже минуту. Онъ, упавши на ложѣ, истекалъ кровію, и когда пришелъ въ чувство, секретарь Клеопатринъ сказалъ ему, что Царица проситъ его въ свою гробницу. Умирающій Антоній, все еще обожалъ свою невѣрную, и приказалъ нести себя къ гробницѣ. Клеопатра, подошедъ къ окну, спустила полотно и, съ помощію двухъ вѣрныхъ служанокъ, втащила Антонія, ибо двери крѣпко были заколочены. Притворство Клеопатры тѣмъ еще не кончилось. Она, дотащивъ Антонія до ложа, цѣловала рану его, рвала на себѣ платье и называла его самыми пріятными именами. Разтроганный при послѣднемъ издыханіи Антоній спросилъ вина и, напившись, совѣтовалъ Царицѣ поберечь себя, естьли будетъ возможно сохранить жизнь безъ стыда и поношенія.

Едва Антоній испустилъ духъ, какъ и явился отъ Октавія нарочный съ пре-

дложеніями Царицѣ. Клеопатра говорила съ присланнымъ сквозь желѣзную рѣшетку, между тѣмъ товарищь посланнаго съ двумя воинами, подставя къ окну лѣстницу, вошелъ въ гробницу. Служанка, увидѣвъ позади себя воина, вскричала: Государыня! мы схвачены. Прокулей, такъ назывался товарищь посланнаго, подбѣжавъ къ Царицѣ и выхватя у нее кинжалъ изъ рукъ, перевелъ ее во дворецъ и оставилъ тамъ подъ вѣрнымъ надзоромъ.

Октавій, имѣя намѣреніе украсить Клеопатрою тріумфъ свой и воспользоваться чрезвычайнымъ богатствомъ ея, принялъ всѣ мѣры, недопустить Царицу до самоубійства, приказавъ въ тоже время умертвить Цесаріона и старшаго сына Антоніева. Онъ навѣщалъ нѣсколько разъ Царицу, стараясь вывѣдать о богатствѣ ея. При послѣднемъ разговорѣ Клеопатра, проникнувъ въ намѣреніе тріумвира, выпросила у него позволеніе, отдать послѣдній долгъ на гробѣ Антонія, и возвратясь съ могилы, сѣла за обѣденный столъ. Въ то время пришелъ къ ней поселянинъ съ корзинкою, наполненною фруктами и цвѣтами. Часовые пропустили его. По выходѣ изъ за стола Царица послала

къ Октавію запечатанное письмо, а сама, съ бывшими при ней двумя вѣрными прислужницами, удалилась во внутреннія комнаты. Октавій, увидя изъ письма послѣднее завѣщаніе Царицы, тотчасъ послалъ спасти ее: но было уже поздо. Клеопатра, во всемъ нарядномъ одѣяніи Царицы, лежала мертвая на золотомъ тронѣ. Одна изъ прислужницъ умирала у ногъ ея; а другая, также при послѣднемъ издыханіи, поддерживала корону. Вбѣжавшій посланникъ, пораженный видомъ и положеніемъ Клеопатры, вскричалъ съ гнѣвомъ умирающей Харміонѣ: что вы сдѣлали? самое приличное дѣло для Государыни, произшедшей отъ крови столь многихъ Царей, сказала Харміона, и испустила духъ свой.

Доктора не могли узнать причины скоропостижной смерти Клеопатриной. Діонъ удостовѣряетъ, что она уколола себя въ руку иголкою, напитанною ядомъ; но общее мнѣніе и картина, въ тріумфѣ несенная, заставили вѣрить, что смерть Клеопатрѣ приключилась отъ уязвленія аспида, внесеннаго въ корзинкѣ поселяниномъ.

Клеопатра умерла 39 лѣтъ, царствовавши 22 года, въ томъ числѣ 14 лѣтъ вообще съ Антоніемъ. На ней пресѣк-

*

кось поколѣніе Лагидовъ, царствовавшихъ въ Египтѣ, щитая отъ смерти Александровой 294 года. Октавій, лишенный смертію ея неприличнаго собственному его сану удовольствія, вести въ тріумфѣ Египетскую Царицу, пріобрѣлъ гораздо лучшія выгоды. Собранное Египетскими Царями богатство было столь велико, что тріумвиръ заплатилъ всѣ долги своимъ войскамъ, и сверьхъ того подарилъ каждому рядовому за сохраненіе Александріи отъ расхищенія по тысящѣ сестерцій. Такъ же заплатилъ всѣ суммы, занятыя имъ на междоусобную войну, и щедро наградилъ преданныхъ себѣ Сенаторовъ и всадниковъ. Разсказываютъ, что изобиліе денегъ, вывезенныхъ изъ Египта, произвело въ Римѣ столь великую перемѣну въ оборотахъ, что цѣна на имѣнія поднялась въ двое, а проценты упали съ 12 на 4 со ста.

Египетъ, по праву завоеванія, превращенъ былъ въ Римскую провинцію. Положеніе его, неприступное съ сухаго пути и съ моря, и опасное въ случаѣ народнаго возмущенія, побудило Октавія уничтожить собственную національную управу, отмѣнить такъ же и намѣстническое правленіе; а вмѣсто онаго опредѣлить правителемъ простаго вса-

дника въ званіи префекта, давъ ему, для удержанія жителей въ послушаніи, всего три легіона.

Октавій, по приведеніи Египетскихъ дѣлъ въ устройство, возвратился на зиму въ Сирію, а весною прибылъ въ Италію. Всѣ чиноначалія, граждане и самые дѣти вышли къ нему на встрѣчу, и поднесли по обыкновенію множество сдѣланныхъ въ честь ему опредѣленій. Онъ названъ Августомъ, и удержалъ на всегда сіе имя въ исторіи. Одинъ мѣсяцъ въ году названъ его именемъ; но что всего замѣчательнѣе, въ Царствованіе его затворенъ храмъ Янусовъ, и во время всеобщаго мира на землѣ, родился Искупитель.

Заключеніе.

Ни когда на землѣ не было столь многосложной и сильной Имперіи, какую Всемогущество Божіе, къ рожденію Спасителя, предоставило владычеству Августову. Она содержала: въ Европѣ нынѣшнюю Португалію, Испанію, Францію, Италію, Европейскую Турцію, часть Англіи, часть Германіи по рѣку Рейнъ и нѣкоторыя другія владѣнія съ Юга по рѣку Дунай; въ Азіи всѣ земли, состоящія нынѣ подъ Турецкимъ правленіемъ, кромѣ Аравіи, и часть Россійскихъ владѣній на восточномъ берегу Чернаго моря; въ Африкѣ Египетъ, и всѣ владѣнія по

берегу Средиземнаго моря до Атлантическаго океяна. Средиземное море со всѣми островами находилось внутри Имперіи, а число жителей, по тогдашнему малолюдству, простиралось до 120 миліоновъ. Можно сказать, что всѣ просвѣщенные народы того времени, исключая Индейцовъ и Китайцовъ, вошли въ составъ единственной на землѣ Римской Имперіи.

Надобно еще замѣтить, что столь страшная Имперія основана народомъ малочисленнымъ. Число Римскихъ гражданъ въ продолженіе шести столѣтій отъ созданія Рима, когда разрушены уже были Коринфъ и Карфагенъ, составляло всего около трехъ сотъ тысячь. Но послѣ, когда союзная война, внутреннія смятенія и возникшія партіи, заставили давать право гражданства многимъ городамъ и частнымъ лицамъ, тогда число Римскаго народа въ послѣднее столѣтіе чрезвычайно увеличилось, и дошло въ Царствованіе Августа до четырехъ миліоновъ.

Причина могущества Римскаго очень многосложна, и можетъ раздѣлена быть на двѣ главныя половины: на внутреннее устройство и на внѣшніе обстоятельства. Въ первую половину должно отнести прежде всего мудрость Римскаго законоположенія. Ни какой народъ, ни какой Государь въ древности не положилъ столь твердаго основанія, какое сдѣлано Ромуломъ въ учрежденіи своего образа правленія. Преемники его, избираемые Сенатомъ съ дознанными способностями, довершили начатое. Послѣдній Царь Тарквиній Гордый, похитивъ незаконно са-

модержавную власть, старался низпровергнуть существующее правленіе, и довести Римлянъ до подчиненности восточныхъ народовъ; но смерть Лукреціи остановила его замыслы, и доставила Римлянамъ установленный прежде образъ правленія, съ перемѣною только пожизненныхъ Царей, на двухъ ежегодныхъ Консуловъ. Учрежденіе въ третьемъ вѣкѣ народныхъ трибуновъ, и въ четвертомъ Цензуры, было такъ же благодѣтельно для Римлянъ. Первые на цѣлые вѣки удержали властолюбіе Сената, а послѣдняя недопустила внѣдрится роскоши со всѣми свойственными ей пороками. Когда же быстрыя завоеванія и чрезвычайное богатство, по окончаніи второй пунической войны, начали измѣнять нравъ народной, то, вмѣстѣ съ перемѣною нравовъ, и законы стали терять свою силу. Новыя поколѣнія, избалованныя богатствомъ и преданныя властолюбію и корысти, привыкнувъ презирать права побѣжденныхъ народовъ, презрѣли наконецъ и собственные свои законы, которые называли уже застарѣлою ржавчиною. Явились сильные властолюбцы, возникли партіи, и правительство, преданное всѣмъ ужасамъ насилія и междоусобной войны, неминуемо должно было подпасть подъ власть сильнѣйшей партіи, презрѣвшей всѣ уставы для личнаго властолюбія. Такъ Юлій Цесарь, привязавъ угнѣтенной народъ своею щедростію, а воиновъ корыстію, совершилъ первый подвигъ къ пріобрѣтенію власти самодержавной. Но онъ убитъ, и новые властолюбцы, неимѣя ни дарованій его, ни возвышенныхъ чувствованій, рѣшились

основать могущество свое на совершенномъ истребленіи противной стороны. Они рѣками пролили кровь сограждан своихъ, и наконецъ успѣли въ своемъ безчестномъ дѣлѣ. Октавій, назвавшійся мстителемъ за смерть Цесареву, непостыдился убить одинакаго сына его Цесаріона, и воздвигнувъ тронъ на трупахъ Сенаторовъ и всадниковъ, спокойно сидѣлъ наономъ около полувѣка.

Сіе обстоятельство разрѣшаетъ вторую причину могущества Римскаго, и доказываетъ, что восточные народы, предъ началомъ величія Римлянъ, находились въ такомъ же состояніи, въ какомъ Римляне во времена междоусобныхъ браней. Они, такъ сказать, оцвѣли уже въ образованіи своемъ и, потерявъ любовь къ отечеству, блудили въ своекорыстныхъ понятіяхъ. По сему они не видѣли той пользы, какая могла бы произойти отъ единодушнаго отраженія Римлянъ, и подпали ихъ владычеству одни за другими по одиначкѣ.

10 Декабря 1823 года.

КОНЕЦЪ.

